ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

На правах рукописи

ЦЫМБАЛЮК ЕЛИЗАВЕТА ВИКТОРОВНА

УДК 81'366'373.423-116.3(043.3/.5)

**ОМОГРУППА ПРЕДЛОГ-ПРИСТАВКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ XVII–XVIII ВЕКОВ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Валеева Людмила Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент

Симферополь – 2014

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

МДСДЯ – Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : [в 3-х т.] / [Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук, под ред. Измаила Ивановича Срезневского]. – Санктпетербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893–1912.

ЛСВ – лексико-семантический вариант.

ЛСГ – лексико-семантическая группа.

ОС – ономаσιологическая структура.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : В 17-ти т. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

ЯС – языковой смысл.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	2
СОДЕРЖАНИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
РАЗДЕЛ 1. МЕЖУРОВНЕВАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОМОГРУППА ПРЕДЛОГ-ПРИСТАВКА КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ.....	12
1.1. Функциональная омонимия как способ номинации.....	12
1.1.1. Терминологическое обоснование функциональной омонимии в рамках современных лингвистических учений.....	12
1.1.2. Типология функциональных омонимов.....	20
1.1.3. Когнитивно-ономасиологический подход к явлению функциональной омонимии.....	22
1.1.3.1. Ономасиологическая интерпретация способов и типов номинации.....	23
1.1.3.2. Ономасиологическая структура функционального омонима как производной языковой единицы.....	36
1.2. Языковая природа омонимичных предлогов и префиксов: динамика теоретического осмысления.....	39
1.2.1. Языковая природа предлога как исходной единицы омонимичной группы предлог-приставка.....	39
1.2.1.1. Концепция предлога как «первообразного слова» в системе научных концепций о языковой природе предлога.....	39
1.2.1.2. Ономасиологическая природа предлога.....	54
1.2.2. Своеобразие приставки как языковой единицы морфемного уровня.....	70

1.3. Методологическое обоснование анализа омонимии предлога.....	74
Выводы.....	86
РАЗДЕЛ 2. СВОЕОБРАЗИЕ ОПИСАНИЯ ВНУТРИ- И МЕЖУРОВНЕВЫХ ОМОНИМОВ ПРЕДЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	90
2.1. Своеобразие семантики непроеизводных предлогов в русском языке.....	90
2.2. Своеобразие полисемии и омонимии предлогов в русском языке.....	106
2.2.1. Модальция семантики предлога с сохранением пространственного значения.....	106
2.2.2. Модальция семантики предлога с утратой языкового смысла «пространство».....	113
2.2.3. Грамматикализация предлога в русском языке.....	121
2.2.4. Синкретизм грамматикализации и модальции предлога в русском языке.....	124
2.3. Своеобразие формирования межуровневых префиксальных омонимов.....	126
2.3.1. Модели формирования именного префикса.....	127
2.3.2. Модели формирования глагольного префикса.....	131
Выводы.....	146
РАЗДЕЛ 3. МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРИ- И МЕЖУРОВНЕВОЙ ОМОНИМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XVIII ВЕКОВ.....	150
3.1. Модели формирования лексико-семантического варианта предлога и его внутриуровневых омонимов.....	150
3.1.1. Модель сохранения ономазиологического базиса предлогом, выражающим языковой смысл «пространство».....	150

3.1.2. Модель расширения / сужения пространственной семантики базиса предлога как результат наложения ономаσιологического признака.....	159
3.1.3. Модель замещения базиса признаком в ономаσιологической структуре предлога.....	173
3.1.4. Модель наложения предиката на базис в ономаσιологической структуре предлога.....	180
3.1.5. Модель замещения базиса контаминацией признака и предиката в ономаσιологической структуре предлога.....	182
3.2. Модели формирования межуровневых префиксальных омонимов на основе ономаσιологической структуры предлога.....	184
3.2.1. Модели образования именного префикса на основе ономаσιологической структуры предлога.....	184
3.2.2. Модели формирования глагольного префикса на основе ономаσιологической структуры предлога.....	186
Выводы.....	191
ВЫВОДЫ.....	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Функциональная омонимия – один из продуктивных способов номинации, иллюстрирующий процессы эволюции языка. Переходные явления, относящиеся к области пересечения языковых знаков разных уровней и подсистем, позволяют объяснить механизм взаимодействия и возникновение языковых форм. Межуровневая функциональная омонимия отображает факты параллельного употребления одного звукового комплекса на разных уровнях языка [146]. В теории языкознания существует обширная научная литература по исследованию функциональной омонимии в семасиологическом аспекте (В.В. Бабайцева, Л.А. Введенская, Е.П. Калечиц, О.М. Ким, Е.С. Кубрякова, П.А. Лекант, В.Н. Мигирин, Е.Н. Сидоренко, Т.С. Тихомирова и др.) [14; 15; 16; 17; 94; 96; 97; 98; 112; 146; 189; 190, ч. 4; 202; 214]. На сегодняшний день проблема функциональной омонимии в ономасиологическом аспекте разработана слабо.

Актуальность. Изучение явлений функциональной омонимии в русле ономасиологии обусловлено возросшим интересом современной лингвистики к проблеме языкового выражения нового понятия ограниченным составом языковых единиц и к феномену промежуточных категорий и рядов. Ономасиологический подход в лингвистике решает такие задачи, как определение связи процессов концептуализации и категоризации действительности, выявление мотивационной базы языка, установление его системной и функциональной природы. В лингвистике последних десятилетий ономасиологическому обоснованию деривационных процессов и явлений переходности посвящены работы В.Г. Гака, М.С. Косыревой, Е.С. Кубряковой, А.А. Матюновой, А.В. Никитевича, В.М. Никитевича, М.А. Осадчего, Е.А. Селивановой, В.С. Сидорец, Ю.С. Степанова, М.Н. Янценецкой и др. [60; 61; 109; 114; 115; 116; 117; 150; 151; 153; 184; 185; 186; 187; 192; 205; 211; 250]. Функциональный переход слова в морфему как способ деривации и как ономасиологическое явление до настоящего времени не рассматривался.

Межуровневый тип омонимии представляет особый интерес, так как отображает нерегулярные, в большинстве случаев архаичные языковые процессы.

Связь с научными программами. Диссертация выполнена в соответствии с научным направлением работы кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В.И. Вернадского и раскрывает один из аспектов темы «Проблемы развития и функционирования русского языка в диахронии и синхронии» (государственный регистрационный номер темы 0111U000921), а также с планом научных исследований Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Тема диссертации утверждена решением Ученого совета ТНУ имени В.И. Вернадского (протокол № 1 от 25.01.2012 года).

Цель исследования заключается в построении когнитивно-ономасиологических моделей межуровневой омогруппы предлог-приставка и выявлении механизма и закономерностей функционирования данных функциональных омонимов в период становления русского национального языка XVII–XVIII веков.

В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть явление функциональной омонимии как способа номинации;
- 2) отметить интеграционные процессы в области ономасиологии и трансформациологии и изучить способы когнитивно-ономасиологического описания языковых единиц;
- 3) охарактеризовать проблему межуровневой функциональной омонимии предлог-приставка с позиций ономасиологической и когнитивной лингвистики;
- 4) проанализировать особенности употребления непроемных предлогов в русском языке и омонимичных им приставок, опираясь на данные русской лексикографии;

5) описать модели предложных аналитических конструкций и семантически эквивалентных им префиксальных слов, представляющих функциональный оморяд предлог-приставка;

6) выявить в текстах русской исторической прозы XVII–XVIII веков непроизводные предлоги и омонимичные им приставки и определить степень соответствия описанных моделей когнитивно-ономасиологической мотивированности рассматриваемых единиц;

7) рассмотреть влияние подобных моделей на механизм и закономерности формирования межуровневой омонимии как типа номинации, определяющего развитие языковой системы в целом.

Объектом исследования выступает функциональный оморяд предлог-приставка русского языка. **Предметом исследования** – когнитивно-ономасиологическое моделирование межуровневых омонимов: предлога и его префиксального эквивалента.

Цель и задачи работы определили выбор **методов исследования**. Для изучения категориальных свойств омонимичной лексики используется описательный метод. Сравнительно-исторический метод позволяет определить внутреннюю форму языковых элементов для периода XVII–XVIII веков. Метод компонентного анализа используется для исследования семной структуры омонимичных языковых единиц. Дистрибутивный метод способствует изучению валентностной семантики и синтаксической сочетаемости анализируемых элементов языка. Контекстологический метод помогает рассматривать дискретные формы полисемантических языковых единиц. Метод когнитивно-ономасиологического анализа предполагает вычленение компонентов ономасиологической структуры предлога и установление семантической мотивационной базы производного знака. Два когнитивных метода: геометрического описания семантики предлогов, заключающийся в описании элементарных пространственных отношений между предметами внеязыковой действительности, и топологический – характеризующий такие параметры самих объектов, как объем, вместимость, протяженность и т. п. –

позволяют описать механизм трансформации предлога. Приемы морфемного и словообразовательного анализа выявляют структурные признаки межуровневой омонимии. Сопоставительный метод выявляет регулярные и продуктивные процессы, исключает окказиональные явления и способствует установлению общих закономерностей.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая более 2 тысяч словоупотреблений предлогов *В, ЗА, НА, ПОД* и префиксальных образований с этими элементами, отобранных методом сплошной выборки в текстах исторической прозы XVII–XVIII веков, а также лексикографический материал о непроеизводных предлогах из «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Язык исторических повествований периода формирования литературного языка русской нации соединяет традиции высокой книжности и манеру живой разговорной речи. Взятые для анализа сочинения С.И. Шаховского «Летописная книга» и М.В. Ломоносова «Древняя российская история» характеризуются богатством и разнородностью стилистических средств, заимствованных из древнерусских летописей и хронографов, польско-латинских хроник, классических философско-догматических трактатов и сочинений по логике, риторике, повестей [160]. По словам Д.С. Лихачева, в «Летописной книге» разработан «новый язык светского общения», базовая структура которого сохранена до наших дней [160, с. 588].

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые применяется функционально-когнитивный подход к исследованию межуровневой омонимии слова и морфемы. В диссертации разработана методика ономаσιологического анализа функциональных омонимов «непроеизводный предлог-приставка», являющихся результатом взаимодействия компонентов ономаσιологической структуры данных языковых единиц. Впервые показано, что взаимодействие компонентов ономаσιологической структуры предлога приводит к развитию лексико-семантических вариантов

предлога, формированию внутриуровневых и межуровневых омонимов, что переход предлога в префикс осуществляется вследствие утраты или изменения семантики предиката исходной единицы.

Теоретическое значение заключается в выявлении с позиций ономазиологии закономерностей формирования семантических моделей непроеводных предлогов и эквивалентных им приставок в период становления литературной нормы русского языка (XVII–XVIII вв.) и создании типологии префиксально-предложных моделей русского языка, что проливает свет на механизм межуровневого перехода служебного слова в морфему.

Перспективность комплексного когнитивно-ономазиологического исследования механизма межуровневого перехода слова в морфему обусловлена достижениями в области деривационной ономазиологии (М. Докулил, А.В. Никитевич, В.М. Никитевич, В.С. Сидорец, Е.А. Селиванова и др.) [150; 151; 153; 184; 185; 186; 187; 192; 255], когнитивной семантики (Д. Беннет, А. Герсковиц, Р. Джакендофф, Дж. Лакофф, Д. Пайар, В.А. Плунгян, О.Н. Селиверстова, Ю.С. Степанов, Л. Талми, и др.) [123; 159; 169; 188; 205; 252; 258; 259; 260; 261; 262; 267], когнитивной ономазиологии (Ж.А. Вардзелашвили, Ю.Л. Воротников, Е.С. Кубрякова, Е.А. Селиванова, Ю.С. Степанов, М.Н. Янценецкая и др.) [40; 51; 114; 115; 116; 117; 184; 185; 186; 187; 205; 250], семантического синтаксиса (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, У. Чейф и др.) [5; 7; 227].

Практическое значение заключается в возможности использования результатов исследования в лексикографической практике как при описании лексики периода становления русского литературного языка, так и при описании языковых единиц современного русского литературного языка, при уточнении или включении словарных статей о предлогах и эквивалентных им префиксах в толковые диахронные словари; в практике преподавания курса истории русского языка, дисциплин современного русского языка, в профессионально ориентированных курсах «Современная лингвистика в научных парадигмах», «Актуальные проблемы лингвистических

исследований», «Когнитивная лингвистика», «Лингвотрансформациология», «Служебные слова русского языка в синхронии и диахронии».

Апробация работы. Основные положения работы были апробированы в выступлениях на международных и региональных научных и научно-практических конференциях: научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, 2009–2014), «Ломоносовские чтения – 2010» (Севастополь, 2010), «X Масловские чтения» (Мурманск, 2011), «Кирилло-мефодиевские чтения» (Севастополь, 2011), «Лингвистические чтения памяти профессора О.М. Соколова» (Симферополь, 2012), «Научное наследие профессора И.С. Олейника в современном контексте» (Запорожье, 2012), «XII Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского» (Харьков, 2012), «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии (Симферополь, 2010, 2012, 2013), «Русистика сегодня: интра- и экстралингвистические проблемы» (Херсон, 2013), «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Москва, 2014) и др. Результаты исследования нашли отражение в 9 публикациях, шесть из которых опубликованы в специализированных научных изданиях Украины, одна – в России.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех разделов, заключения, перечня условных сокращений, списка использованных источников (269 позиций). Объем диссертации без списка литературы составляет (201 стр).

РАЗДЕЛ 1.

МЕЖУРОВНЕВАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОМОГРУППА ПРЕДЛОГ-ПРИСТАВКА КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ

1.1. Функциональная омонимия как способ номинации.

1.1.1. Терминологическое обоснование функциональной омонимии в рамках современных лингвистических учений. Проблема функциональной омонимии в отечественном языкознании нашла широкое отражение в работах 60–80-х годов XX века. Именно к этому периоду относятся труды В.В. Бабайцевой, Л.А. Введенской, Е.П. Калечиц, О.М. Ким, Е.С. Кубряковой, М.Ф. Лукина, В.М. Мигирина, В.Н. Немченко, В.М. Никитевича, Е.Н. Сидоренко, Т.С. Тихомировой, Л.Г. Яцкевич [14; 15; 16; 17; 94; 96; 97; 98; 112; 134; 135; 146; 152; 189; 190, ч. 4; 202; 214].

Под термином «функциональная омонимия» понимается явление совпадения звукового и графического облика слов различных лексико-грамматических категорий [17; 146; 189; 190, ч. 4].

Термин «функциональная омонимия» был впервые использован О.С. Ахмановой в монографии «Очерки по общей и русской лексикологии» для обозначения «омонимии, возникающей в связи с принадлежностью созвучных слов к разным частям речи» при сохранении морфемного состава, «но с различиями в плане словоизменения, которое включает и так называемые неизменяемые слова». По замечанию автора, «термин “функциональный” употреблялся <...> в большей мере условно, т. е. только по противопоставлению «морфематической» омонимии» – созвучию разных слов, различающихся по составу их словообразовательных – корневых или аффиксальных – морфем. [11, с. 160–165].

Анализ научной литературы показал, что термин «функциональная омонимия» на современном этапе является устоявшимся и общепринятым, однако в ходе решения данной проблемы исследователями предлагались

различные терминологические варианты: Л.А. Булаховским в статье «Из жизни омонимов» были отмечены «омонимы, относящиеся к разным частям речи» [33], В.В. Виноградовым в статье «О грамматической омонимии в современном русском языке» такие омонимы определялись как «грамматические», в работе «Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках» – как «лексико-морфологические» [44; 45], Р.А. Будаговым в монографии «Очерки по языкознанию» они назывались «морфологическими» [32], А.И. Смирницким в исследовании «Некоторые замечания по английской омонимике» – «лексико-грамматическими» [200], О.М. Ким в труде «Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке» – «транспозиционными» [98].

Проблемы функциональной омонимии изложены в «теории переходности» или «трансформациологии» – разделе морфологии, изучающем проблемы переходности в области частей речи [146]. Переходность – явление широко распространенное в языке, пронизывающее всю его структуру. Под термином «переходность» принято понимать универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему [17, с. 285].

Понятие «переход» определяется учеными как «диахронный (эволюционный) процесс преобразования одних речевых явлений в другие» [17, с. 15]. По мнению Е.П. Калечиц, указание на «постепенность и длительность процесса» заложено в самой внутренней форме термина, образованного от глагола «переходить» [94].

Таким образом, переход представляет собой процесс постепенного и длительного накопления языковой единицей «нового качества» и утраты первоначальных соответствующих признаков – «элементов старого качества» [152, с. 103].

По мнению В.В. Бабайцевой, переходные явления могут изучаться не только историческим языкознанием, но и в аспекте синхронии. Под «синхронной» переходностью исследователь предлагает понимать «такой вид

переходности в современной системе языка, при котором связи и взаимодействие между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами), разновидностями, разрядами и т. д. создают (образуют) зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями» [17, с. 27].

В настоящий момент явление языковой переходности из совокупности частных вопросов формируется в актуальную общетеоретическую проблему. «Лингвистика переходности» (трансформациология) из молодой научной теории становится базовой дисциплиной, изучающей все разновидности вербальных единиц, способов их реализации в языке и ставящей перед собой задачу доказать системную предсказуемость и типологическую релевантность данного феномена [158].

Анализ научной литературы показал, что в теории лингвистики под термином «переходность» понимаются самые различные трансформации языковых единиц. Следует выделить такие ее типы, как: 1) уровневая, которая относится к внутренней структуре языка и в соответствии с полисемантической дефиниции «уровень языка» именуется интеграционными явлениями трех сфер функционирования: в границах одного языкового яруса, одного грамматического класса, одной семиологической структуры; и 2) экстралингвистическая, которая относится к внеязыковой действительности и находит выражение в таких частных типах, как «лингвогеографическая», или «ареальная», связанная с территориальной манифестацией единиц литературного языка, «межъязыковая трансформация перевода», иллюстрирующая особенности семантико-функциональных полей эквивалентной лексики двух языков [15; 16; 17; 71; 158; 212; 218; 225; 230; 245].

В результате исследования уровневой переходности, в частности, взаимодействия языковых единиц и категорий, учеными были предложены различные термины: «транспозиция», «трансформация», «трансляция», «конверсия», «универбация», «контаминация», «гибридность», «частеречная омонимия», освещающих проблему переходности с различных сторон. Так, например, введенный Ш. Балли термин «транспозиция» изначально

характеризовал как переход знака из одной категории в другую посредством суффиксального способа словообразования (напр., *sang* (кровь) – *sanglant* (кровавый), так и путь изменения синтаксической функции языкового знака при сохранении семантического содержания (напр., во французском языке существительные *planete* «планета» и *campagne* «деревня», не изменяя своего значения, в зависимости от функции и порядка слов в предложении становятся прилагательными) [18, с. 130–131]. Однако в современном отечественном языкознании данный термин чаще употребляется для обозначения процесса перевода знака из одной части речи в другую путем суффиксального словообразования [112, с. 64]. Конверсией называются случаи грамматической омонимии – омонимизации отдельных форм различных по форме и по содержанию слов [152, с. 105–106]. В конце 60-х годов широкое распространение также получил термин «трансформация». По свидетельству М.Ф. Лукина, в научных работах им обозначались «самые различные» способы словообразования: лексико-синтаксический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и собственно морфологический [135, с. 19]. В.Н. Мигириным под термином «трансформация» было предложено понимать «сложный процесс изменения признаков слова, который приводит к перемещению слова из одной части речи в другую или к перемещению слова из одного морфологического разряда в другой в пределах одной части речи» [146, с. 133]. В своем труде «Очерки по теории процессов переходности» В.Н. Мигирин четко разделяет два пути формирования состава частей речи: словообразовательным способом и вследствие перехода слова в другую лексико-грамматическую категорию, причем полагая, что «трансформация первична, а словообразование вторично», так как «словообразовательные модели появляются на основе трансформации» и «показателем завершения оформления словообразовательных моделей является использование их как образца для создания новых слов», что доказывается историческим возникновением новых частей речи на базе уже существующих структурно-семантических классов: «числительных <...> из существительных и

прилагательных, наречий – из прилагательных, существительных и глаголов, инфинитива – из отглагольных существительных, служебных слов – из знаменательных» [146, с. 137, 167].

В нашем исследовании под переходом языковой единицы из одной категории в другую без изменения ее звукового и графического состава, вслед за В.Н. Мигириным, мы будем понимать процесс «трансформации» и использовать данный термин в качестве наименования процесса формирования функциональных омонимов.

Классической типологией результатов интеграционных явлений является «шкала переходности» В.В. Бабайцевой, разработанная в 60-е годы XX века. Как было сказано ранее, В.В. Бабайцевой было предложено все явления переходности разделять по принципу устарелости-новизны в языке: так стали различаться в сфере диахронной переходности случаи приобретения языковой единицей полного набора дифференциальных признаков другой единицы, вступающей с ней в отношения ядерной оппозиции, в сфере синхронной переходности – случаи интеграции зоны синкретизма [17]. По шкале переходности результатом процесса трансформации в диахронии является функциональная омонимия, в синхронии – появление «синкретичных слов», «контаминантов» или «гибридов» (например, причастий или союзных слов) [14; 15; 16; 17]. В нашей работе функциональными омонимами мы будем считать этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи [17; 37; 38; 189; 190].

Проведенный анализ типологии переходных явлений показал, что синхронная переходность реализуется на фонологическом уровне как процесс нейтрализации дифференциальных признаков фонем; на словообразовательном – как морфолого-синтаксический способ словообразования (конверсия); на уровне морфемики – как синкретичность классов морфем (например, *-ть* в инфинитиве, классифицирующийся и как суффикс, и как застывшее окончание); на морфологическом – как гибридность грамматических категорий и лексико-грамматических классов; на лексико-семантическом – как

контекстное смешение значений полисемантической единицы и семем лексемы, образованной межчастеречной деривацией; на синтаксическом – как смешение синтаксических функций членов предложения, семантико-синтаксических отношений, различных типов сложных предложений и др. [15; 69; 76; 87; 88; 102; 136; 197; 231; 245].

Таким образом, мы наблюдаем явления синкретизма на всех ярусах языка и можем утверждать о многоаспектности данного явления и проникновении его во все уровни лингвоструктуры, отражении им взаимосвязи и взаимодействия между уровнями, что позволяет обнаруживать на каждом из них свои особенности.

В аспекте диахронной переходности продуктивность процессов образования функциональных омонимов, «пронизывающих весь язык, все ярусы, все звенья его структуры» была отмечена О.М. Ким [96, с. 1]. Исследователь на основании четырех признаков слова – наличия в нем лексического, словообразовательного, категориального и грамматического значений – предложила типологическую классификацию омонимов, включающую в себя 15 видов, 8 из которых проявляются на уровне частей речи: 1) функционально-грамматические (*ажур* (сущ.) – *ажур* (нареч.)); 2) функциональные (*около* (нареч.) – *около* (предл.)); 3) словообразовательно-функциональные (*тепло* (нареч.) – *тепло* (безлично-предикат. сл.)); 4) словообразовательно-функционально-грамматические (*больной* (прил.) – *больной* (сущ.)); 5) лексико-функционально-грамматические (*есть* – ем, ешь... (инф.), и *есть!* (межд.)); 6) лексико-функциональные (*га* (нескл. сущ.) – *га!* (межд.)); 7) лексико-словообразовательно-функциональные (*благодаря* (дееприч.) – *благодаря* (предл.)); 8) лексико-словообразовательно-функционально-грамматические (*рой* (*пчел*; сущ.) – *рой* (*рыть*; глаг. в императиве) [96, с. 9–11; 98, с. 16, 89–91]. Мы, вслед за В.В. Бабайцевой, анализируя представленную О.М. Ким классификацию функциональных омонимов как «разных слов, но обязательно связанных по корню, сохранивших живые семантические связи», говорим о реализации подобных явлений

исключительно в первых четырех типах [17, с. 195]. Отсутствие функциональной омонимии в остальных типах мы объясняем принадлежностью к так называемой «омонимии форм», или «конверсии» (в случае с лексико-функционально-грамматическими и лексико-словообразовательно-функционально-грамматическими омонимами); случайным совпадением (в случае с лексико-функциональным типом омонимии); в случае с лексико-словообразовательно-функциональными омонимами – их образованием в результате морфолого-синтаксического способа деривации, обозначающего «процесс образования новых слов путем лексикализации грамматической формы исходного слова» [175, с. 307].

Таким образом, мы отмечаем, что в процессе формирования функциональной омонимии осуществляется переход из сферы основных категориальных критериев исходного знака в сферу производного. В этой связи представляется целесообразным рассмотрение вопроса о степени влияния каждой из языковых категорий в процессе функционального перехода и вопрос о языковом статусе производной единицы.

В лингвистической литературе не раз вставал вопрос о включении явления функциональной омонимии в область действия полисемии. В результате разработки данной проблемы сформировалось несколько позиций: так, одни исследователи полагают, что функциональные омонимы являются различными словами (В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, Ю.С. Маслов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, О.П. Суник), другие определяют транспонируемое (исходный знак) и трансформант (производный) как грамматические формы одного слова или как слово, относящееся к различным частям речи (Л.В. Щерба и А.И. Абаев), а новой языковой единицей считают тогда, когда исходное значение слова исчезает из языка [17].

В настоящей работе мы, вслед за В.В. Бабайцевой, В.Н. Мигириным, Е.Н. Сидоренко [17; 146; 190, ч. 4], придерживаемся точки зрения, согласно которой в случае полисемии основные категориальные отличия исходной и производной единиц не изменяются. Отличительными признаками

функциональных омонимов мы называем следующие восемь: 1) разные синтаксические функции; 2) различное категориальное значение; 3) разные лексические значения; 5) разные грамматические (морфологические) категории; б) различная дистрибуция; 7) различная морфемная членимость (не обязательно); 8) различные словообразовательные возможности. Следует сказать, что большинство трансформациологов главным условием перехода видит новое синтаксическое функционирование слова [17, с. 163; 94, с. 14; 96, с. 12; 134, с. 17], на основании этого М.Ф. Лукин предлагает вместо термина «переход» использовать понятие лексико-грамматической субституции, а степень трансформации определять изменением валентности слова [134, с. 50]. Однако изменение исключительно синтаксического функционирования без модификации категориального и грамматического значения лексемы, по мнению исследователей, не является трансформацией [93, с. 56; 112, с. 64; 146, с. 169; 190, ч. 4, с. 50].

Функциональные омонимы могут объединяться в группы по общности звукового состава. Для обозначения «заглавного» названия группы В.В. Бабайцева предлагает использовать термин «омокомплекс» [17, с. 196, 198]; Е.Н. Сидоренко вводит понятие «функционального оморяда», выделяя тип «двучленного ряда» (включающего исходную форму и трансформант: *блестящий* (прич.) – *блестящий* (прил.)) и «многочленного» (*хорошо* (нареч.) – *хорошо* (безлично-предикат. сл.) – *хорошо* (мод. сл.) – *хорошо* (част.) – *хорошо* (межд.) – *хорошо* в значении «оценка» (сущ.)) [190, ч. 4, с. 56]. О.М. Ким двучленный ряд функциональных омонимов называет «транспозиционной парой» [98, с. 75].

Мы считаем логичным использование термина Е.Н. Сидоренко «функциональный оморяд», что позволяет конкретизировать количество языковых единиц, вступающих в омонимические отношения. Термин В.В. Бабайцевой «омокомплекс» исключает такую возможность.

Итак, функциональными омонимами принято называть этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным

частям речи либо к различным морфологическим разрядам в пределах одного языкового уровня. Процесс перехода языковой единицы из одной категории в другую без изменения ее звукового и графического состава называется трансформацией.

1.1.2. Типология функциональных омонимов. В теории трансформациологии вопрос функциональной омонимии наиболее разработан на морфологическом уровне языка, в сфере омонимии частей речи, так как диахронная переходность является регулярным, исторически непрерывным процессом и одним из главных способов развития лексико-грамматической системы языка [146]. Основы изучения перехода слов из одной части речи в другую были заложены еще в XIX веке в работах Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Г.П. Павского, А.А. Шахматова [190, ч. 4, с. 47]. При этом изучение переходности в области частей речи началось не с создания общей теории, а с исследования конкретных явлений трансформации: уже в трудах А.А. Шахматова названы такие процессы перехода, как субстантивация – переход в имена существительные, адъективация – переход в имена прилагательные, прономинализация – переход в местоимения, адвербиализация – переход в наречия, конъюнкционализация – переход в союзы, партикуляция – переход в частицы и др. [235, с. 37].

Особый интерес в проблематике диахронной трансформации представляет изучение межуровневой функциональной омонимии. По определению В.Н. Мигирин и Е.Н. Сидоренко, «межуровневая» – результат такой трансформации, которая отображает случаи параллельного употребления одного звукового комплекса на разных уровнях языка; соответственно под «внутриуровневой» («внутрирусской») понимается процесс перехода, который охватывает единицы одного языкового яруса [146; 190, ч. 4].

В.Н. Мигирин в исследовании «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» указал на то, что основным принципом межуровневой функциональной омонимии является направление вектора трансформационной

мотивации от единиц высшего ранга к низшему: «трансформация применяется там, где из более сложного нужно создать более простое» и «нет обратной трансформации» [146, с. 172, 170, 195–196]. Анализ научных работ, посвященных этой проблеме, показал, что наиболее разработанная модель этого типа переходности – омонимия словосочетания (свободного или фразеологического) и слова (И.В. Абрамец, Е.Н. Ермакова, В.В. Истомина, Л.Н. Пелепейченко, Л.И. Ройзензон, М.И. Сидоренко) [82; 163].

Наименее разработанная область трансформациологии – описание механизма формирования межуровневой омонимии слова и морфемы. Отсутствие интереса исследователей к этому вопросу объясняется, с одной стороны, тем, что языковые факты подобных явлений отражают нерегулярные исторические процессы языка, например, образование постфикса *-ся* из местоимения *себя*, конечной части наименования десятков у числительных – *-дцать* из *-десять* и т. д., в связи с чем межуровневая функциональная омонимия представлена частными архаичными случаями и признается трансформациологами недоступной для обстоятельного изучения [17; 146]. С другой стороны, вопрос о наличии в языке межуровневой функциональной омонимии «слово и морфема» является дискуссионным и отрицается структурным направлением лингвистики, не включающим в состав номинативных единиц языка морфемы [31; 46; 47; 178; 198; 199]. При структурном подходе к номинативным средствам языка относят лексические единицы – слова и словосочетания, причем преимущественно субстантивного характера. Функциональная школа лингвистики под номинативной функцией предлагает понимать способность языковой единицы соотноситься с элементом внеязыковой действительности, на основании чего в число номинативных единиц включает служебные слова, морфемы и грамматические форманты [60; 61; 115 и др.].

Важным этапом нашего исследования является установление языковой сущности межуровневых функциональных омонимов. Взяв за основу принятое нами определение функциональной омонимии, дадим понятие данным

языковым фактам в аспекте межуровневой трансформации: межуровневые функциональные омонимы – это две (и более) языковые единицы, совпадающие по звучанию, этимологически родственные и ранее являвшиеся вариантами одной, но в результате процесса диахронных преобразований находящие свою реализацию на различных уровнях языка. Соответственно, внутриуровневыми функциональными омонимами мы будем называть этимологически родственные языковые знаки, совпадающие по звучанию и отображающие интеграционные явления в границах одного языкового яруса, одного грамматического класса, одной семиологической структуры.

1.1.3. Когнитивно-ономасиологический подход к явлению функциональной омонимии. Исходный термин «трансформация» представляет два различных лингвистических направления с самостоятельными понятийными сферами – морфологическое учение о переходности в области частей речи, разрабатываемое в русле функционализма В.В. Бабайцевой, Л.А. Введенской, Н.А. Каламовой, Е.П. Калечиц, О.М. Ким, Е.С. Кубряковой, М.Ф. Лукина, П.А. Леканта, В.Н. Мигирова, В.Н. Немченко, В.М. Никитевича, Е.Н. Сидоренко, А.И. Смирницкого, Т.С. Тихомировой, Л.Г. Яцкевич [14; 15; 16; 17; 93; 94; 96; 97; 98; 112; 134; 135; 146; 152; 189; 190, ч. 4; 202; 214], и трансформационная (генеративная) грамматика Н. Хомского, изначально формирующаяся в русле когнитивного направления лингвистики и изучающая типы модификаций синтаксических структур в соответствии с психологическим моделированием категорий грамматики [110, с. 150]. В связи с тем, что развитие современной лингвистики идет по пути интеграции достижений традиционной грамматики и прогрессивных идей когнитивного направления, вызывает интерес металингвистический аспект исследования. Функциональная лингвистика представляет собой совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся вниманием к функционированию языка как средства общения [249, с. 566], и обладает обширной терминологической базой, поэтому

необходимо установление взаимосвязи представленных научных областей, их методологической базы и единиц оперативного уровня.

1.1.3.1. Ономасиологическая интерпретация способов и типов номинации. Ономасиология – «отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов. В отличие от семасиологии, отражающей направление от средства выражения к выражаемому значению, ономасиология основывается на движении от обозначаемого предмета к средствам его обозначения, шире – от содержания к форме» [181, с. 289, 460].

В ономасиологическом аспекте лексическое значение слова выступает как понятие, выраженное лексической единицей, а лексическая система и ее элементы представляются «как своего рода "склад" средств выражения, из которого говорящий отбирает соответствующий внеязыковому содержанию и его субъективным потребностям лексический материал, осуществляя тем самым акты номинации» [66, с. 20]. Под термином «номинация» мы будем понимать как процесс «образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности», так и «результат ... – значимую языковую единицу» [181, с. 269]. Поэтому в отличие от семасиологии, изучающей знаменательное слово как центральную единицу языка, являющуюся объектом исследования на всех языковых уровнях, ономасиология изучает единицы именованья различного типа: номинативные и прономинальные, синтетические (словные) и расчлененные [191; 211; 217].

По свидетельству Е.Н. Сидоренко, термин «ономасиология» к концу XX века стал неоднозначным: в первом значении он характеризовался либо как раздел науки о номинации, либо, более узко, как процесс возникновения лексической единицы, представляющий собой материализацию, закрепление в звуковой оболочке типичного для лексических единиц идеального содержания; во втором значении термин «ономасиологический» приравнивается к термину

«функциональный». По мнению исследователя, второе значение дополняет значение первого термина: ономазиология изучает единицы именования в функциональном аспекте (от значения к форме), в связи с чем ономазиологию часто связывают с понятием собственно функциональной грамматики [191, с. 53].

Под термином «функциональная грамматика» в языкознании принято понимать разновидность грамматики, которая изучает назначение языковых единиц и закономерности их функционирования, при описании языкового материала использует направление от функций к языковым средствам, в связи с чем характеризует разноуровневые языковые средства на основе общности их семантических функций [249, с. 565].

В XX веке в теорию ономазиологических единиц (теорию номинации) внесли определенный вклад такие известные ученые функциональной школы лингвистики, как Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, А.В. Бондарко, Ф. Брюно, В.Г. Гак, Н.Д. Голев, В.П. Даниленко, М. Докулил, О. Есперсен, Л.С. Ковтун, Г.В. Колшанский, Н.Г. Комлев, Е.С. Кубрякова, В.В. Матезиус, В.М. Никитевич, Е.А. Селиванова, Б.А.Серебрянников, В.Н. Телия, И.С. Торопцев, А.А. Уфимцева, М.В. Федорова, Л.В. Щерба [6; 7; 8; 27; 60; 61; 66; 74; 75; 83; 114; 115; 116; 117; 151; 153; 184; 185; 186; 187; 209; 210; 216; 217; 242; 248; 255].

В конце XX века, отмечает Е.А. Селиванова, происходит объединение некоторых аспектов функциональной лингвистики с когнитологией, теорией языковых коммуникаций (труды Х. Зайлер, В.Б. Касевич, Е.С. Кубрякова и др.) [186, с. 89], в связи с чем современная ономазиология «выходит за пределы лингвистической семантики и приобретает междисциплинарный характер» [184, с. 22].

Когнитивная лингвистика и теория ономазиологии имеют общие принципы выбора целевых установок и методологическую базу анализа языка, а также историю формирования в отечественном языкознании. По мнению Е.С. Кубряковой, ономазиология возникла из теории когнитивной лингвистики

как дисциплина, изучающая средства и способы названия элементов внеязыковой действительности в ходе ее познания человеком, основываясь на таких ее разделах, как исследование процессов порождения и понимания естественного языка, изучение принципов языковой категоризации, установление когнитивно-семантических суперкатегорий [131, с. 346]. Становление ономаσιологической теории в 50–60-е годы не только способствовало принятию отечественной лингвистикой идей когнитивной теории, но сформировало теорию номинации как вариант когнитивизма [117; 248]. Согласно теории ономаσιологии процесс наименования устанавливает связь языковых элементов с фактами внеязыковой действительности [108; 114, с. 21], языковая картина мира создается в ходе номинативной деятельности, в связи с чем номинация должна рассматриваться как «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [117, с. 64]. Теория ономаσιологии объясняет, каким образом говорящий при восприятии внеязыковой действительности переводит ее в языковую форму [74].

Оперативными единицами исследования языка теория ономаσιологии выбирает «языковой смысл» и «номинатему», предназначенные для описания плана содержания и плана выражения языковых знаков соответственно. Так, под номинатемой понимается «абстрактная (структурная) языковая единица, представляющая собой модель номинации, независимо от того, в каких субстантных единицах эта модель реализуется» [211], а языковой смысл определяется как языковое понятие, репрезентирующееся в различных типах языковых знаков [19; 51; 115; 191; 238]. При этом под языковым смыслом понимается наименование не только мира вещей, но и фиксация и выбор определенной категории познанного [19; 117; 144; 145; 238]. Таким образом, языковой смысл в своей структуре содержит указание на принадлежность к определенной понятийной категории.

Под понятийными категориями в языкознании принято понимать «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным

словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами [249, с. 385].

Термин «понятийная категория» впервые в лингвистический обиход был введен, по мнению ученых [224], Отто Есперсеном в 1924 году [83]. Автор пишет: «...приходится признать, что наряду с синтаксическими категориями <...> имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом <...> Задача грамматистов состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категориями» [83, с. 57–58].

Идея наличия в языках инвариантных понятийных категорий как основы для построения языковых смыслов в той или иной степени освещалась в работах В. Гумбольдта, О. Есперсена, позже – в трудах А. Вежбицкой и других. В русистике данной теме посвящены работы А.В. Бондарко, Ю.Л. Воротникова, С.Д. Кацнельсона, И.А. Мельчука, И.И. Мещанинова, Н.Ю. Шведовой [27; 51; 143; 144; 145; 238], в которых инвариантные категории рассматриваются с различных позиций: как понятийные, онтологические, внеязыковые, когнитивные, мыслительные, речемыслительные и др.

К концу XX века в связи с проблемой формирования теории ономазиологии в учениях традиционной и когнитивной грамматик выделились два различных подхода к определению понятийной категории как единицы оперативного уровня анализа смысловой структуры языка в теории ономазиологии.

Функциональное направление лингвистики указывает на зависимость понятийных категорий от грамматических (А.С. Белоусова, Ю.Л. Воротников, И.И. Мещанинов, Е.Н. Сидоренко, В.М. Солнцев, Н.Ю. Шведова), под которыми понимает «одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое

оформление» [12, с. 191]. Наиболее точно проблеме соотношения грамматических категорий с понятийными в формировании языковых смыслов дала объяснение Е.Н. Сидоренко: «Поскольку речевые смыслы реализованы в речевом потоке, они аккумулируют в себе самые общие синтаксические смыслы. <...> слово исторически оформилось в часть речи в предложении, поэтому его функционирование в определенной степени направляется диахронией. Одновременно его участие в выражении того или иного языкового смысла зависит от синтаксического оформления, окружения, то есть определяется синхронией. Соотношение синхронии и диахронии в категориальном значении языковых смыслов уходит в проблему соотношений категорий языка и мышления» [191, с. 12, 15].

На основании вышеизложенного традиционная грамматика формулирует следующее определение понятийных категорий: это «абстрактные содержательные категории языка, выражающиеся средствами грамматики» [191, с. 47].

К концу XX – началу XXI века в традиционной грамматике на основании трудов А.С. Белоусовой, Ю.Л. Воротникова, И.И. Мещанинова, Е.Н. Сидоренко, Н.Ю. Шведовой [19; 50; 144; 191; 238] установилась точка зрения, согласно которой естественными языковыми категоризаторами смысла являются местоимения. Они формируют в классы такие глобальные понятия физического и ментального мира, как предмет, признак предмета, действие, состояние, место, время, причина, цель и др., и являются их исходами, то есть категоризируют знаменательные лексико-грамматические категории [19; 238]. Из этого создается определение языкового смысла как «самого общего, универсального понятия, выраженного системой разноуровневых ономазиологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемого одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заменителями – «лексиями»)» [191, с. 11].

Е.Н. Сидоренко, проанализировав классификации языковых смыслов, изложенных в трудах функциональной школы лингвистики – А.В. Бондарко, А. Вежбицкой, Ю.Л. Воротникова, О. Есперсена, С.Д. Кацнельсона, И.А. Мельчука, И.И. Мещанинова, Н.Ю. Шведовой, выделяет следующие тринадцать: «предметность», «признак предмета», «количество и число», «качество, образ и способ действия», «мера и степень», «пространство», «время», «причина и следствие», «цель», «условие», «уступка», «процесс (действие, отношение как процесс)», «состояние (безлично-предикативное свойство)» [191, с. 66–67].

Такое понимание универсальной категории номинации находит критику в теории когнитивной лингвистики, которая в соответствии с основной целью своего учения – изучение логических мыслительных категорий – расширяет значение данного термина до понимания «определенных рубрик опыта или знания» [117, с. 307].

Исходя из установки, что языковые категории имеют те же характеристики, что и другие когнитивные категории, когнитивная лингвистика предлагает для анализа языка использовать логико-понятийный уровень категоризации, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные и на котором единственный ментальный образ может отображать всю категорию. Психологом Э. Рош в качестве основного принципа построения категорий было предложено объединение языковых единиц в классы на основании сходства их прототипических значений. Прототипами выбирались те члены категории или подкатегории, которые имеют особый когнитивный статус – «быть наилучшим примером категории» [123, с. 148–156; 222, с. 101].

Когнитивистика в качестве понятийных категорий как наиболее абстрактных категорий языка выбирает категории, формирующие высказывание, однако не традиционного синтаксиса, а пропозициональные.

Пропозиция – один из главных терминов когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности, используемый для обозначения особой оперативной структуры сознания и / или особой единицы хранения знаний в

голове человека [110, с. 137]; семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций [249, с. 401].

Подход к определению состава понятийных категорий языка, основанный на разработке структуры суждения, встречается еще в грамматике Пор-Рояля. Основными членами суждения авторы считают субъект, атрибут и связку. Субъект суждения называет тот предмет, в отношении которого что-либо утверждается или отрицается, а атрибут указывает на то или иное качество субъекта суждения, которое приписывается ему с помощью связки [75]. Данная модель сохранилась и в современной теории пропозиции, в которой выделяется три компонента: диктум – объективный компонент смысла пропозициональной структуры, наименование языковой ситуации; модус – субъективный компонент смысла пропозиции, ее модальное значение, выражающееся через референцию содержащихся в семантике диктума разнообразных неактуализированных свойств; предикат – форма приписывания модуса диктуму в соотнесенности с моментом коммуникации [110, с. 137–140; 139].

Таким образом, когнитивное направление лингвистики определяет термин «понятийные категории» как «релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой – на семантические категории языка» [224]. В нашей работе мы будем придерживаться позиции А.А. Худякова, который отмечает, что «понятийные категории представляют собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта и являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом» [224].

На основании сказанного можно утверждать, что в понимании когнитивизма языковой смысл – это такая единица логического анализа, которая выполняет функцию категоризатора существующих в психике понятийных структур. В нашей работе в качестве определения термина «языковой смысл» будет использоваться данная дефиниция.

Такое понимание языкового смысла указывает на главную особенность ономазиологического подхода к языку – изучение соотношения общего понятия для класса явлений с языковой категорией с учетом формирования разноуровневого семантического поля [181, с. 290; 249, с. 345], что находит выражение и в теории трансформациологии. Так, по словам В.Г. Гака, «глубинная идентичность значимых элементов разного уровня проявляется, в частности, в том, что один и тот же экстралингвистический элемент может обозначаться разными средствами – знаменательными и служебными словами или грамматическими формантами – как внутри отдельного языка, так и при переходе от одного языка к другому» [60, с. 237].

Общей методологией анализа языка для теорий трансформациологии, когнитивной лингвистики и ономазиологии мы определяем понимание языка в качестве ментальной структуры, состоящей из набора семантических универсалий, реализуемых в единицах различных категорий, уровней и конструкций; а оперативной единицей исследования языка – некую языковую универсалию, репрезентирующуюся в различных типах языковых знаков. Так, трансформационная (генеративная) грамматика Н. Хомского, в отличие от морфологической теории переходности, выбирает объектом исследования не мотивируемую и мотивирующую единицы, а их инвариант – «глубинную структуру» – ядерную синтаксическую конструкцию, способную модифицироваться в семантически эквивалентные лингвистические конструкции большей или меньшей сложности [223]. Были изучены ментальные структуры, представляющие собой семантические универсалии, способные находить реализацию в единицах различных категорий, уровней и конструкций. На основании этого на морфологическом уровне языка когнитивистика предлагает в качестве объекта исследования инвариант исходной и трансформированной единицы – семантико-грамматический знак, находящий реализацию в различных грамматических категориях и представляющий сигнификативную взаимосвязь уровней языка.

Таким образом, функциональные омонимы представляют собой языковую реализацию инвариантного языкового смысла на различных грамматических уровнях языка путем нарушения связей первичной и вторичной номинации. Первичной номинацией в теории ономазиологии принято называть языковую форму, используемую в своей первичной функции для обозначения конкретного объекта или явления; первообразное слово. Под вторичной номинацией понимается использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, то есть появление нового значения и новой функции у данной языковой единицы. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу и по смыслу [7; 40; 60; 61; 116; 209].

Расщепление единого языкового смысла при его реализации в функциональных омонимах – различных единицах и на различных уровнях языка – свидетельствует о дивергентной природе ономазиологической номинации. Под процессом дивергенции мы понимаем «процесс расщепления языкового знака на грамматические значения, или отпочковывание от исходной его формы новых форм» [68, с. 58–59]. Целесообразно отметить, что лексическая омонимия может образовываться как путем дивергенции одного языкового знака через утрату «промежуточных звеньев» между двумя (или несколькими) его лексико-семантическими вариантами, так и путем конвергенции – сближения или совпадения двух и более различных языковых знаков (Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Виноградов, Л.В. Малаховский, С.И. Ожегов, С. Ульман, А.Я. Шайкевич) [68, с. 58–59]. Функциональная омонимия строится исключительно путем дивергенции – на основе смены функционирования и изменения семантики одного языкового знака.

В.Г. Гак предлагает следующую классификацию типов вторичной номинации:

1) в синтагматическом аспекте – изменение внешней формы обозначения, заключающееся в замене прямой номинации либо развернутой

формой (например, использование словосочетания вместо отдельного слова: *дать обещание = пообещать*), либо конденсированной (использование слова вместо словосочетания *литературка = литературная газета*, словосочетания вместо предложения и др.);

2) в парадигматическом – изменение семантической стороны наименования: если первичная функция языкового элемента проявляется в оппозиции к другим элементам, входящим в один парадигматический класс с ним, то вторичная функция проявляется в том, что либо снимаются противопоставления между противочленами (генерализация или семантическая нейтрализация – устранение дифференциальной семы), либо один противочлен употребляется в функции другого (трансформация – замена одной дифференциальной семы другой), либо данный элемент утрачивает значение (десемантизация – устранение родовой архисемы), переходя в разряд строевых служебных элементов [60, с. 244–245].

На основании того, что, согласно классификации, в парадигматике процесс вторичного наименования происходит без изменения формы номинативной единицы с заменой ее функции и содержания, можно утверждать, что данный процесс представляет собой основу развития явления омонимии в языке, в отличие от данного явления в синтагматике, требующего изменения структуры языковых единиц при сохранении содержания и представляющего собой тип смысловой эквивалентности в языке.

Мы обращаем внимание на то, что переход сложной единицы наименования в простую предполагает под собой семантическую конденсацию производящей единицы и по классификации В.Г. Гака относится к типу синтагматической вторичной номинации, ранее не включенной нами в сферу функциональной омонимии. В случае с омонимией лексемы и морфемы (предкорневой) обнаруживается межуровневый функциональный переход, при котором сохраняется фонетическая форма производной единицы – то есть новая единица образуется путем парадигматической вторичной номинации, однако при этом производящее слово утрачивает словообразовательную

членимость – образование путем синтагматической вторичной номинации. Таким образом, особенностью межуровневой функциональной омонимии, в отличие от внутриуровневой, является формирование своих результатов не только на основании вторичной номинации в парадигматике, но и в синтагматике. Существует и другой путь преобразования лексемы в морфему – способом включения в морфемный состав производного слова только корневого морфа трансформирующейся единицы, он отражает исключительно явление синтагматической вторичной номинации (например, *полусон*, *литературовед*).

Существует иное толкование термина «вторичной номинации», основанное на отношениях членов пропозиции – центральной единице анализа языковых знаков в когнитивной лингвистике. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, А.А. Уфимцевой, Г. Фреге [7, с. 378; 205, с. 58, 114–115; 216, с. 41–42; 221, с. 190], в пропозициональной структуре диктума, именующий языковую ситуацию, является выразителем языкового смысла и находит воплощение в знаках первичного означивания – в субстантивах и субстантивных словосочетаниях.

Предикат же выступает конститутивным членом пропозициональной структуры и выполняет функцию утверждения или отрицания у диктума свойств, указанных в семантике модуса. На основании этого он отображает некоторые семантические признаки диктума и, по мнению исследователей, обладает ослабленной номинативной функцией, находящей выражение в знаках вторичного означивания – знаках с процессуальной и признаковой семантикой. Образование таких знаков в языке происходит на основании транспозиции или функциональной трансформации единиц первичного означивания – через изменение их линейного означающего либо через изменение их синтаксического окружения и сочетаемости [205, с. 185]. На основании этого Ю.С. Степанов полагает, что системой значений, выражаемых предикатами, выступают вышеуказанные тринадцать языковых смыслов в условиях изменения функции производящего знака в пропозициональной структуре

высказывания с номинативной на конститутивную [205, с. 132].

Важным вопросом нашего исследования является проблема механизма перехода диктума в предикат и определения процесса трансформации в когнитивно-ономасиологическом аспекте.

Определение функциональной трансформации через взаимодействие диктума и предиката в пропозициональной структуре было сформулировано Ю.С. Степановым. Ю.С. Степанов, основываясь на идеях Н.Д. Арутюновой, полагает, что по характеру означающего основное отличие предиката от диктума состоит в том, что предикаты соотносят суждение не с внешним миром, а с миром понятий: денотат служит языковым заместителем предмета действительности, а означающее предиката, лишенное референции к предмету, представляет собой субститут отвлеченного понятия, т. е. соотносится только со своим означаемым [205]. В этой связи диктумом в структуре пропозиции выступают лексемы с денотативным содержанием, а предикатами – языковые единицы с сигнификативным содержанием [205, с. 58]. Напомним, что денотативное и сигнификативное значения формируют структуру лексического значения в соответствии с двойственной природой знака – планом содержания и планом выражения; под денотативным значением в теории языкознания понимается составляющая структуры лексического значения, выражающая «отношение слова к конкретному обозначаемому объекту в речи», под сигнификативным – «отношение слова к понятию – обобщенному мысленному отображению классов объектов» [181, с. 213]. Таким образом, семантическая структура лексического значения в целом – сигнификативная и денотативная его составляющая – соотносится с членами пропозициональной структуры – денотатом и предикатом.

На основании вышеизложенного Ю.С. Степанов под функциональной трансформацией предлагает понимать процесс преобразования языковых единиц при сохранении тождества их сигнификата и изменении денотата либо замещения денотата сигнификатом [205, с. 182].

Таким образом, мы отмечаем, что при трансформации конкретного субстантива-денотата в предикатное выражение наблюдается процесс вторичной номинации, а сам предикат предстает синкретичной единицей, выраженной номинативным знаком в функции конститутивного члена пропозиции, в связи с чем мы придерживаемся мнения Д. Богушевича, согласно которому предикаты – «имена отношений» [253].

Итак, под трансформацией мы понимаем завершенный процесс дивергентного расщепления лексико-грамматических значений языковой единицы при ее двояком функционировании в языке. Таким образом, в качестве основного номинативного отличия функциональной омонимии от лексической мы называем способ ее образования: если лексическая омонимия имеет оба пути формирования в языке – и дивергентный, и конвергентный (случайного совпадения), то функциональная омонимия строится исключительно путем дивергенции.

По словам О.М. Ким, функциональная омонимия отражает «явление языка в действии, в развитии» [97, с. 5]. Диахронный дивергентный характер функциональной омонимии позволяет нам сделать вывод о том, что омонимия – один из продуктивных способов номинации, обеспечивающий потребность выражения нового понятия имеющимися средствами наименования и иллюстрирующий процессы эволюции языка.

Функциональная омонимия является видом вторичной номинации. В когнитивной лингвистике толкование термина «вторичная номинация» основывается на анализе отношений членов пропозиции. В структуре пропозиционального высказывания под вторичной номинацией мы будем понимать процесс предикации номинативного центра высказывания в процессе формирования им логико-структурной основы пропозиции. Предикация – прагматически осмысленный, интерпретируемый языковой смысл.

Особенностью межуровневой функциональной омонимии, в отличие от внутриуровневой, является формирование своих результатов не только на основании вторичной номинации в парадигматике, но и в синтагматике.

1.1.3.2. Ономасиологическая структура функционального омонима как производной языковой единицы. Вопросы механизма развития в языковом знаке новых значений и функционального перехода языкового знака в иной лексико-грамматический класс единиц изучаются в русле «деривационной ономасиологии», занимающейся «исследованием законов, средств, способов образования номинативных знаков и отношений между этими знаками, составляющими в языке единую номинативно-деривационную систему» [107].

В лингвистике последних десятилетий проблемам деривационной ономасиологии посвящены работы В.Г. Гака, М.С. Косыревой, Е.С. Кубряковой, А.А. Матюновой, А.В. Никитевича, В.М. Никитевича, М.А. Осадчего, В.С. Сидорца, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, М.Г. Шкуропацкой, М.Н. Янценецкой [60; 61; 109; 114; 115; 117; 150; 151; 153; 184; 185; 187; 192; 250].

Деривационная ономасиология, изучая процессы образования нового языкового знака (как в результате трансформации, так и путем деривации), выявляет мотивацию развития языкового знака. Установление мотивации исследуемой языковой единицы языка Е.А. Селиванова признает основным принципом когнитивно-ономасиологического анализа. Под мотивацией в ономасиологии, в отличие от определения, существующего в словообразовании – «семантической и структурной обусловленности одного однокоренного слова другим» [181, с. 254], Е.А. Селиванова понимает «сквозную для акта семиозиса лингвопсихоментальную операцию выбора мотиватора (-ов) из фрагмента знаний об обозначаемом, конечным результатом которой является формирование ономасиологической структуры производного знака различной природы» [185, с. 70]. Таким образом, номинативным средством языка признается производная единица с позиции ее внеязыкового содержания и этимологических изменений. Создание производного языкового знака классифицируется как подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта [117, с. 196–197]. Деривационная

ономасиология утверждает когнитивную природу производных знаков в связи с выделением и фиксацией словообразовательными средствами новых структур знания и соотнесением именуемых понятий с определенной языковой категорией с целью объединения их в соответствующие классы и разряды [108, с. 148–149; 117, с. 407]. На основании этого словообразовательные модели начинают рассматриваться как «формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами [117, с. 412]. В качестве инструмента анализа понятийной структуры производного знака ономасиология предлагает ономасиологическую структуру, состоящую из трех компонентов: ономасиологического базиса, ономасиологического признака и ономасиологического предиката, соотносимых с тринарной моделью пропозициональной структуры – диктумом, модусом и предикатом. Ономасиологический базис указывает на определенный понятийный класс, родовое понятие производной языковой единицы и отображается частеречным формантом. Ономасиологический признак осуществляет ее дальнейшую конкретизацию, выделяя ее внутри класса подобных, сужая, таким образом, исходное значение базиса и находит отражение в производящей основе языкового знака. Ономасиологический предикат служит связующим звеном базиса и признака как выразитель семантики их отношений [114, с. 24; 117, с. 196–199; 255]. По мнению М. Докулила – одного из основателей ономасиологического подхода, при рассмотрении ономасиологической структуры слова ономасиологический базис, отображающий основные категории человеческого опыта, должен выражаться через частеречные форманты, а ономасиологический признак, дифференцирующий соответствующий предмет или явление действительности, – с помощью основы лексемы [255]. Итак, в ономасиологической теории базис языкового знака определяется как его «потенциальный понятийный континуум», диапазон всевозможных индивидуальных значений, частично репрезентирующихся в дистрибуции с ономасиологическим признаком [117, с. 421]. Е.С. Кубрякова, анализируя семантическую структуру дериватов *трубочист*, *купальня*, *вдова*,

вводит в предложенную М. Докулилом двучастную ономаσιологическую структуру третий обязательный компонент – предикат, цель которого – служить смысловой связкой ономаσιологического признака с ономаσιологическим базисом. Так, мотивирующей базой лексем *трубочист*, *купальня*, *вдова* являются предикативные сочетания «тот, кто чистит трубы», «место для того, чтобы купаться», «женщина, которая овдовела» [117, с. 197–199].

Следовательно, ономаσιологический анализ основывается на способах представления сигнификативных составляющих в структуре номинативного комплекса и осуществляется в два этапа: интерпретирует ономаσιологические структуры производных знаков и моделирует соответствующие структуры знаний об обозначаемом в виде универсальных, воспроизводимых языковых категорий [185, с. 70].

На основании сходства принципов выбора единицы анализа языковых фактов и их описания проблема трансформации, на наш взгляд, должна решаться так же, как и в теории пропозиций. Основываясь на вышеизложенном определении трансформации Ю.С. Степанова как процесса преобразования языковых единиц при сохранении тождества их сигнификата и изменении денотата либо замещения денотата сигнификатом [205, с. 182], под межуровневым переходом языкового знака мы будем понимать результат взаимодействия компонентов его ономаσιологической структуры путем смещения семантики ономаσιологического базиса в сторону ономаσιологического признака или предиката вследствие контаминации или замещения.

Таким образом, основной задачей когнитивно-ономаσιологической характеристики является изучение номинативной функции производной единицы с учетом ее зависимости от исходного материала, подвергнувшегося трансформации. В теории ономаσιологии функциональный переход языкового знака и развитие у него межуровневых омонимов зависит от изменения принципов взаимодействия компонентов его ономаσιологической структуры.

1.2. Языковая природа омонимичных предлогов и префиксов: динамика теоретического осмысления.

1.2.1. Языковая природа предлога как исходной единицы омонимичной группы предлог-приставка.

1.2.1.1. Концепция предлога как «первообразного слова» в системе научных концепций о языковой природе предлога. С момента появления первых оригинальных грамматик и до сегодняшнего дня в теории отечественного языкознания продолжается обсуждение дискуссионного вопроса по поводу установления языковой природы предлогов. В лексикографии XVIII–XIX вв. существует проблема смешения дефиниций «предлог» и «префикс», которая выражается в определении префиксальных морфем как обусловленных синтаксической позицией вариативных употреблений предлогов. В академических изданиях «Церковный словарь» П.А. Алексева (1773–1779), «Корнесловъ русскаго языка» Ф.И. Шимкевича (1842), «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ» (1847), «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В.И. Даля (1863–1866), «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» И.И. Срезневского (1893–1912), грамматиках В.Е. Адодурова, К.С. Аксакова, А.А. Барсова, Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, Н.Г. Курганова, М.В. Ломоносова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского выделяются два вида предлогов: «слитный» и «раздельный» [3, с. 128; 36, с. 141; 53, с. 112; 70, с. 231–232; 73, с. 75; 118, с. 5, 47; 133, с. 58; 165, с. 123; 176, с. 649–650; 177, с. 194]. На наш взгляд, истоки понимания предлога как единицы и лексического, и словообразовательного уровня языка связаны с проблемой установления дефиниции «слово» и отсутствием термина «морфема» в теории русистики эпохи сравнительно-исторического метода.

В научной мысли этого периода в качестве наименьшей структурной единицы языка используются три взаимозаменяемых термина:

«знаменательный слог» (А.А. Барсов, Н.И. Греч, Н.Г. Курганов, М.В. Ломоносов), «первообразное слово» (А.А. Барсов, А.А. Потебня) и «корень» (А.А. Барсов, Н.И. Греч, Н.Г. Курганов, А.А. Потебня). Термином «знаменательный слог» обозначается «слогъ, способствующій къ образованію словъ» и называющий «нѣкоторыя вещи, дѣянія, и вообще мысли» [70, с. 17; 176, с. 63]. «Первообразным словом» называется непроеизводная основа для ряда однокоренных слов или праоснова [173, с. 17–18; 176, с. 64, 96]. Термин «корень» используется в качестве синонима двух вышеуказанных терминов – «знаменательный слог» [70, с. 17; 173, с. 19–20] и «первообразное слово» [118, с. 5; 173, с. 17; 176, с. 65, 91] и, таким образом, является омонимичным. На основании смешения понятий «корень», «слог» и «слово» лексемы, имеющие в своем составе аффиксы, традиционно считаются сложными [53, с. 4; 73, с. 38; 118, с. 6; 133, с. 105; 165, с. 101, 123; 176, с. 63–64, 91; 177, с. 167].

В языкознании XVIII–XIX вв. проблема морфемной типологии входящих в структуру лексемы «корней» обусловлена спецификой решения вопроса о различении слово- и формообразовательных формантов. Так, с одной стороны, грамматики в системе корней выделяют «главные» – собственно корневые морфемы, представляющие собой прототипическую основу слова, и «придаточные» – определяемые современной наукой как «аффиксы» [70, с. 17; 176, с. 65]. При этом А.А. Барсов, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов, М.В. Ломоносов, А.С. Шишков не отмечают суффикс как структурную часть слова, классифицируя все стоящие после корня морфемы как «окончаніе» – «ті послѣднія буквы», «не имѣющіе точно опредѣленнаго знаменованія отъ каковыхъ либо словъ заимствованнаго» [53, с. 4; 176, с. 96]. В результате под «придаточными корнями» понимаются исключительно префиксальные морфемы, а термин «приставка» получает широкое толкование и используется для обозначения аффиксов любого типа. Так, во второй половине XIX века, в период зарождения термина «суффикс», в труде «Опытъ русской грамматики» (1880) К.С. Аксаков определяет его следующим образом:

«суффикс – это приставка, <...> не имѣющая прямого образовательнаго, ни словопроизводнаго значенія» [3, с. 20].

С другой стороны, в связи с тем, что сравнительно-исторический метод основывается на анализе языка через выявление прототипических инвариантов его структурных единиц, в исторической грамматике утверждается точка зрения на происхождение служебных слов из знаменательных, а деривационных и грамматических формантов из лексем [24, с. 198; 170, с. 110–111; 173, с. 17–21]. В трудах А.В. Добиаша, Н.Г. Курганова, А.Л. Погодина, А.А. Потебни слово рассматривается как синтагма, а предлоги, слитные и раздельные, – как древнейшие корни-основы дофлективного периода [79, с. 234, 238–239; 118, с. 5; 170, с. 73, 110–113; 173, с. 20–21]. Понимание предлогов и префиксов как первообразных слов с пространственной обстоятельственной семантикой приводит А.А. Шахматова в работе «Синтаксис русского языка» к выводу об их адвербиальной природе и к определению «префиксов» как отдельного лексико-грамматического разряда слов в составе служебных частей речи [236, с. 504].

Таким образом, в теории русистики XVIII–XIX вв. проблема определения языковой природы префиксальной и предложной единиц выражается в вопросе о «слитном» и «раздельном» написании предлогов и решается тремя способами: 1) определением предлога как «слога», формирующего состав морфемной структуры слова либо оформленного в отдельную лексему (В.Е. Адодуров, П.А. Алексеев, Ф.И. Буслаев, М.В. Ломоносов); 2) как «придаточного корня» [аффикса] и слова служебной части речи (А.А. Барсов, А.Х. Востоков, Н.И. Греч, Н.Г. Курганов, А.С. Шишков); 3) как «первообразного слова» [непроизводной основы], реализуемого либо на морфемном, либо на синтаксическом ярусе языка (К.С. Аксаков, И.И. Давыдов, А.В. Добиаш, Н.Г. Курганов, А.Л. Погодин, А.А. Потебня; А.А. Шахматов). Данные представления находят отражение в базовых идеях основных направлений лингвистики XX века – структурном, функциональном и

когнитивном, и продолжают быть дискуссионными на настоящем этапе развития отечественной научной мысли.

Понимание предлога как «слога», входящего в состав морфемной структуры слова либо оформленного в отдельную лексему, формирует морфемную концепцию языкового статуса служебного слова. При таком подходе «слово» определяется как минимальная номинативная единица – слоговая структура (морфемный комплекс), выражающая лексическое – заключенное в «главном, корневом слог», и категориальное – определяющее принципы взаимосвязи с другими словами и содержащееся в «окончании» значения. Данное определение номинативной единицы зарождается в первой трети XIX ст., отражается в трудах К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова, И.И. Давыдова, А.А. Потебни, Ф.С. Шимкевича, А.С. Шишкова, А.А. Шахматова [3, с. 19–20; 36, с. 72–73; 53, с. 4; 73, с. 54; 173, с. 14, 20, 34; 236, с. 431–432; 243, с. XI; 246, с. 262–264] и основывается на идее наличия или отсутствия у лексем парадигмы словоизменения как основного критерия в вопросе разделения частей речи на знаменательные и служебные, бытующей в первых оригинальных грамматиках и словарях, изданных в конце XVIII – начале XIX вв. Так, предлоги в «Церковном словаре» П.А. Алексеева (1815), грамматиках А.А. Барсова (1783–1785) и Императорской российской Академии (1819) трактуются как «нѣизменяемая» или «несклоняемая» часть речи, перед другими частями речи отдельно или слитно употребляемая [4, с. 231–232; 176, с. 648; 177, с. 294]. На основании одноморфемности структуры, фонетической несамостоятельности и функции показателя грамматических отношений знаменательных частей речи производные предлоги в работе «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (1874) А.А. Потебни определяются как «слова лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ суффиксы», а в трудах «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858) Ф.И. Буслаева и «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» И.И. Давыдова (1854) – как слова, «тождественные окончаніямъ» – суффиксам и флексиям, выражающим грамматические отношения полнозначных слов в предложении

вне их морфемной структуры, и классифицируются как «формальные, грамматические слова» и «слова формь» [36, с. 45, 98; 73, с. 13, 61, 259; 173, с. 34–35]. Таким образом, лексический статус служебных слов признается формальным и омонимичные предлоги и приставки классифицируются как структурные единицы полнозначного слова.

В XX веке структурное направление лингвистики продолжает рассматривать омонимичные предлоги и префиксы как синтаксические корреляты и квалифицирует предлоги с точки зрения их словообразовательной членимости. С позиции этой теории только слово может обладать лексическим и грамматическим значением. Сам термин «слово» употребляется для обозначения знаменательных единиц, так как в концепции структурализма только двуморфемная языковая единица, состоящая из корневого и формообразующего морфа, является номинативной [47; 62; 120; 161; 167; 178; 198; 199; 213]. На основании того, что непроечные служебные слова не обладают морфемной членимостью и парадигмой словоизменения [47, с. 18; 178; 213, с. 7] структурализм отрицает у них наличие лексического значения.

Отсутствие у служебных слов лексического значения как «содержания слова, <...> соотнесенность между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности» [175, с. 118] также объясняется неспособностью служебных слов выступать субъектом или объектом высказывания, невозможностью их звуковой оболочки отражать денотат, а значит, передавать ведущую сему номинации. В качестве семантического наполнения предлогов указывается их грамматическая функция [46; 47; 62; 72; 135; 161; 178; 241], в связи с чем их языковая природа определяется как особая разновидность формообразующих аффиксов. Разрабатываются термины «аналитическая синтаксическая морфема», «агглютинативный префикс косвенного объекта», «препозиционная флексия», «глагольная “приклейка”» [39, с. 114; 46, с. 555, 556, 571; 47, с. 16, 21; 120; 126, с. 187; 167; 213, с. 9–10]. Понимание предлога как аффикса нередко расширяется до определения составного элемента предложно-падежного конфикса [24, с. 222; 120, с. 180], а случаи

отсутствия предлога при падежной форме характеризуются как коррелирующий тип с материально не выраженной начальной единицей [172, с. 7].

Следовательно, в теории формального направления природа и функция служебных слов понимаются двояко: одни из них могут использоваться в качестве аффиксов или их аналогов (первообразные предлоги, компоративные наречные частицы), другие – находятся вне словообразовательной системы языка (союзы, непроизводные частицы); при этом специфика морфем заключается в том, что одни из них являются синтетическими, их предназначение – обслуживать сферу морфологического слова, другие – аналитическими, формирующими синтагматику слова.

От методики «слоговой» (структурной) концепции установления природы языковых знаков отличается функциональный подход, определяющий предлог и префикс как разноуровневые единицы – «придаточный корень» [аффикс] и слово служебной части речи. Следует обратить внимание на то, что в научных трудах XVIII–XIX вв. не наблюдается последовательного изложения какой-либо концепции языковой природы омонимичных предлогов и префиксов и в одном издании высказываются различные теории. Так, наряду со структурным подходом сосуществует традиция определения статуса языковых единиц по их назначению в языке, которая берет начало в первых оригинальных грамматиках – «Россійской грамматике» М.В. Ломоносова (1755), «Письмовнике» Н.Г. Курганова (1793), и продолжается в трудах «Нъчто о предлогахъ» А.С. Шишкова (1825), «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча (1827), «Русская грамматика» А.Х. Востокова (1831), «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» И.И. Давыдова (1854), «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» Ф.И. Буслаева (1858), «О значеніи формъ русскаго глагола» Н.П. Некрасова (1865) и др. Исходя из морфемной структуры и синтаксической функции непроизводного предлога грамматисты XIX века определяют его языковую природу либо как слово с бесфлексивной корневой

основой, обладающей релятивной (М.В. Ломоносов, А.С. Шишков), обстоятельственной (Н.Г. Курганов) или совмещающей релятивность и обстоятельность (И.И. Давыдов, А.Х. Востоков) семантикой, либо как слово, грамматическое окончание которого является падежным формантом управляемого имени (Н.И. Греч) [36; 52; 70; 73; 118; 133; 246].

В XX веке функциональное направление лингвистики предложенное в структурализме определение знаменательных слов как единственных номинативных знаков на основании вычленения из их структуры корневого и категориального аффикса признает «грубым упрощением» понятийных категорий языка и предлагает классифицировать языковые единицы по их функции в языке и речи [11, с. 60, 62]. Морфема в функционализме определяется как «минимальная, далее не разложимая» значимая часть слова, выражающая закрепленную за звуковым комплексом постоянную семантику [6, с. 88; 12, с. 240; 13, с. 78; 31, с. 228; 43, с. 121; 60; 84, с. 39; 90, с. 12; 153, с. 20; 179, т. 1, с. 124; 215, с. 76]. Следовательно, непрямые служебные слова функционализм определяет как значимые единицы.

В качестве доказательства наличия у непрямых предлогов закрепленной семантики исследователи указывают на то, что в словосочетаниях падежная форма зависимого слова предполагает возможность согласования с главным словом при помощи различных предлогов, которые влияют на смысл синтагмы в целом. Из этого следует вывод о том, что предлоги не служат уточняющим вариантом падежной формы зависимого слова, но выступают своеобразными паронимами. Например, *письмо от (для, к, у, около и т. д.) брата; идти из (от, до, мимо) города* [9, с. 4–6; 121, с. 20, 21].

При этом, как и в языковедении XVIII–XIX вв., встает проблема определения категориального значения предлогов, а также вопрос о наличии или отсутствии у них лексического значения. В силу того что знаковый образ служебных слов не строится на выражении предмета или явления действительности, одна группа исследователей отрицает наличие у предлогов лексического значения как «вещественного», материального содержания,

другая группа максимально расширяет это значение. В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, А.И. Смирницкий, Е.Т. Черкасова, Л.В. Щерба [46; 62; 198; 228; 242] признают у них наличие семантического наполнения, выражающего грамматическое значение, аналогичное функциям падежей, и отрицают у предлогов номинативную функцию как семантическую общность, в основе которой лежит значение, абстрагированное от лексических значений всех слов данного класса [237, с. 311]. А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова и др. [27, с. 61; 61, с. 314; 116, с. 9–10] расширяют само понятие «лексического значения» до способности иметь постоянное содержание, соотносимое с элементом внеязыковой действительности или целевую направленность на эксплицитное выражение определенной информации [27, с. 61]. Термин «номинация» определяется как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, ситуаций, отношений» [61, с. 314], а номинативность – как «всякая способность [языковых элементов] соотноситься с элементами внеязыковой действительности» [116, с. 10]. Присущая предлогам категория релятивности признается номинативной, а сами предлоги определяются как слова, обладающие лексическим значением.

При этом встает вопрос о том, какое значение предлогов считать категориальным: релятивное или обстоятельственное [228, с. 14]. Сторонники обстоятельственного значения как категориального указывают на то, что выражение семантики отношений свойственно не только служебным словам, но и знаменательным – местоимениям, некоторым прилагательным. И придерживаются мнения о том, что в основе категориального значения производных предлогов лежит локативная семантика, развившаяся в различные обстоятельственные значения путем метафоризации понятия «пространство» [59; 113; 116; 117; 138; 169; 216; 220]. В.И. Воропаева, Р.И. Мальцева, В.И. Пекар, резюмируя последние исследования современной лингвистики в сфере вопросов пространственной ориентации, обращают внимание на то, что в современных исследованиях различаются три понятия

пространства: «объективное» (называемое также «реальным» и «локативным»), «воспринимаемое» («перцептуальное», «психологическое») и «языковое» («концептуальное», «социальное»). Под «объективным» пространством понимается реальное пространство мира, окружающего человека, под «воспринимаемым» – субъективное представление человека об объективном пространстве; под «языковым» – относительное отражение когнитивного пространства в естественном языке [49; 138; 162].

О пространственном значении как об инварианте всех обстоятельственных значений предлога говорил еще Ф.И. Буслаев, выделяя у непроизводных предлогов «собственное» и «переносное» значения, понимая под первым пространственно-временное отношение или отношение раздельности-совокупности, а под вторым – «различные отношения мысли, каковы: причина (напр., *с голоду*), цель (напр., *для бедных*), побуждение (*из любви*) и проч.» Само возникновение «переносного» значения Ф.И. Буслаев объясняет тем, что, «выражая одним и тем же предлогом движение и пребывание предмета в пространстве и времени, а так же и логические отношения причины, основания, цели и проч., язык принимает эти отношения за движение мысли и таким образом дает отвлеченным логическим понятиям выражение наглядное и изобразительное. Так, напр., предлоги *с* и *от*, означая причину, в то же время показывают движение от того предмета, в котором полагается причина; напр., в выражении “*со страху*” или “*от страху остоленел*” *страх* представляется не только причиной, но и предметом, от которого как бы идет остоленение» [35, с. 322–323].

На основании этой позиции Ю.Д. Апресян, В.Н. Топоров, М.В. Всеволодова, А.С. Крылов, Р.И. Мальцева трактуют предлоги как «ориентиры <...>, называющие вполне определенные точки пространства» [116, с. 11], как показатели параметров наивной модели мира, векторы обжитого пространства, а также самой архетипической модели пространства древнего человека [138, с. 84]. «Выражение обобщенно-логического опыта

освоения пространства» признается их категориальным значением [121, с. 20–21].

При исследовании лексических значений у исследователей встает вопрос о соотношении лексического и грамматического значения предлогов. Так, предлоги, обладающие высокой частотностью употребления и утрачивающие метафорическое значение локативности, не соотносятся с внеязыковой действительностью, теряют функцию номинации и десемантизируются, выполняя грамматическую функцию (например, *о, про, с* и др.). Таким образом, предлоги представляют собой неоднородный класс языковых единиц [59; 179, т. 1].

На основании того, что значение релятивности присуще всем предлогам – и обладающим лексическим значением, и десемантизированным, ряд ученых в качестве категориального значения указывает семантику отношений [23, с. 104; 62; 46; 49; 72; 179, т. 1; 190; 198, с. 86; 228, с. 19; 241, с. 79]. Так, авторы «Русской грамматики» (1980) отмечают, что «лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения. Это отношение может быть или максимально абстрактным, широким, или более конкретным и определенным, узким», таким образом, «то, что в некоторых грамматических описаниях определяется как “семантическая опустошенность” предлога, является его наиболее абстрактным значением» [179, т. 1, с. 710].

В исследованиях последних десятилетий релятивность определяется как пракатегория, реализующаяся в частных категориях пространства, времени, причины, следствия и т. д. Данная пракатегория формируется различными признаками, в основе которых – ментальный процесс сопоставления предметов или явлений окружающей действительности. Так как указанные признаки имеют основание в материальном мире, категория релятивности признается номинативной [42; 49; 182; 229]. Непроизводные предлоги как члены данной категории определяются номинативными единицами языка, служащими для обозначения разного рода объектных отношений, познанных человеком в результате практического освоения действительности (пространственных,

временных и т. д.) и обладающими самостоятельным лексическим значением [59, с. 43].

В нашей работе принимается точка зрения, согласно которой первообразные предлоги являются языковыми единицами синкретичной природы и выражают категории локативности и релятивности. Они осознаются как лексическое и грамматическое значения, соотношение которых для каждого отдельного предлога выявляется в контексте.

Функциональное направление лингвистики в качестве дифференциальных признаков слова называет не только наличие у него парадигмы словоизменения, категориального и лексического значения, но и морфемной структуры, синтаксической функции [24, с. 4; 116, с. 28; 179, т. 1, с. 457; 215, с. 75–76].

На словообразовательном уровне языка функционализм предлагает считать служебные слова древнейшими именными основами с материально не выраженными флексиями начальной формы [79, с. 234, 238–239; 116, с. 28; 125, с. 41, 43; 215, с. 75–76]. Таким образом, утверждение формальной лингвистики о морфемной нечленности предлогов, приводимый в доказательство их «несловности», признается нелогичным.

На синтаксическом уровне сама возможность предлога занимать определенную позицию обуславливается его лексическим значением [24, с. 198; 95, с. 52; 121, с. 14; 132, с. 79–80]; а в связи с тем, что семантико-синтаксическая структура предложения складывается из взаимодействия абсолютно всех наличествующих в нем слов, предлоги рассматриваются как элементы, влияющие на содержание и форму синтаксических единиц – от словоформы (члена предложения) и словосочетания до самого предложения и речи в целом. В доказательство «словности» предлога называются следующие его свойства: 1) «выделимость» и «цельность», 2) «синтаксическая подвижность», 3) свойство непосредственно относиться к имени существительному или его эквиваленту (не случайно в украинском языке предлог называется «прийменником»: при іменникові), которое всегда

способствует а) обращению полнозначного слова как единицы лексики в словоформу – единицу грамматики, в связи с чем слово приобретает синтаксическую позицию; б) разделению предлога со словом одной синтаксической функции второстепенного, составного главного или обособленного члена; 4) выполнение функции скрепы; 5) выражение зависимости синтаксемы от господствующего слова; 6) формирование словосочетания и предложения [30, с. 24–25; 105; 106, с. 169].

Таким образом, наличие у предлогов номинативности определяется не способностью обладать парадигмой словоизменения – главного показателя наличия категориального и лексического значения в слове, по мнению структурного направления лингвистики, а по их служебной функции и синтаксическим связям в предложении. В связи с чем случаи употребления одного звукового комплекса и в качестве предлога, и в качестве префикса рассматривается направлением как случаи межуровневой функциональной омонимии [17; 94; 96; 98; 146], построенной, по классификации В.Г. Гака, путем парадигматической вторичной номинации.

Изложенная в эпоху сравнительно-исторического метода языкознания концепция предлога как «первообразного слова» [непроизводной основы], реализуемого либо на морфемном, либо на синтаксическом ярусе языка, рассматривает полнозначную лексему с позиции вышеизложенной «слоговой теории» служебных слов и морфем – как слоговую синтагму. Однако сам «знаменательный слог» определяется не как формирующий морфемную структуру слова неноминативный знак, а как прототипический корень-основа, функционирующий в качестве полнозначных слов в дофлексионном периоде развития языка и представленный на синтетическом этапе морфемами любого типа [3, с. 128; 79, с. 234, 238–239; 170, с. 73, 110–113; 173, с. 20–21]. Морфемы и служебные слова в «словной теории» изучаются либо в словообразовательной структуре слова, либо в составе предложения по выражаемым ими логическим или грамматическим категориям: корневые и префиксальные «корни-основы» признаются реликтами древнейших «слов-понятий», окончания, предлоги и

союзы – «слов отношений понятий» [73, с. 11–13]. Таким образом, в отличие от термина «слова форм» «слоговой концепции» служебных слов и морфем, отображающего понимание служебных слов как единиц, тождественных словоизменительным окончаниям, термин «слова отношений» «словной концепции» служебных слов и морфем рассматривает выражаемую ими релятивную семантику в качестве категориального значения соответствующих прототипических полнозначных лексем.

В результате обладающая флексией полнозначная лексема в «словной концепции» предлогов-приставок осознается как свернутое предложение, что отражается в грамматиках конца XVIII–XIX вв. смешением дефиниций «рѣченіе» (или «слово») и «рѣчь» (т. е. предложение). Так, термин «рѣченіе» используется для обозначения следующих понятий: 1) грамматической структуры знаменательного слова, отображающей его лексическое и категориальное значение [3, с. 18, 21; 73, с. 11; 173, с. 100]; 2) «дофлексионного корня-основы», или «знаменательного слога» (словообразовательной морфемы) [3, с. 17; 176, с. 63]; 3) словообразовательной структуры знаменательного слова, представленного «наращением слогов» [118, с. 1, 5; 133, с. 20, 49–50; 176, с. 63; 177, с. 7–8], вследствие чего слово определяется как предложение или «рѣчь» [73, с. 11; 203, с. 223]. Понимание слова как «свернутого предложения» также отразилось в представлениях языкознания XVIII–XIX вв. о разделах языкознания. Учение о частях речи относится грамматистами либо к «частному раздѣлу этимологіи» как учение о «произведеніи словъ по свойству выражаемых ими понятій и чувствованій» [70, с. 1, 22], об «ихъ составныхъ частяхъ и измененіяхъ, и распредѣленіи по разрядамъ» (А.А. Барсов, А.Х. Востоков, Н.И. Греч, Н.Г. Курганов, Россійская грамматика 1819 г.) [53, с. 2], либо к «синтаксису» – как учение о «расположеніи частей рѣчи и взаимномъ оныхъ соединеніи» «по ихъ надлежащимъ падежамъ, родамъ, числамъ, лицамъ, временамъ и местамъ» (А.А. Барсов, Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, Н.Г. Курганов, Россійская грамматика 1819 г.) [118, с. 4, 55; 177, с. 197].

Сами прототипические слова на основании того, что в дофлексийный период развития языка не существовало лексико-грамматических категорий, в сравнительно-историческом методе языкознания определяются как «корни безотносительные», означающие «неразложенное восприятие, безразличную совокупность дѣятельности или качества и предмета» [173, с. 102–103] и классифицируются как «древнейшие предложения» [3, с. 151; 73, с. 11; 173, с. 100; 243, с. XI]. Данное положение истолковывается А.А. Потебней в работе «Изъ записокъ по русской грамматике» (1874) следующим образом: «подъ “предложеніемъ” безсознательно разумѣется <...> психологическое (не логическое) сужденіе при помощи слова. Первое слово служитъ связью двухъ мысленныхъ единицъ: объясняемой (психологический субъектъ) и объясняющей (психологический предикатъ). Такое слово есть представленіе объясняемаго. Сочетаніе двухъ такихъ словъ есть представленіе объясняемаго и представленіе объясняющаго безъ всякаго сознанія ихъ отношеній» [173, с. 100]. Таким образом, во второй половине XIX века анализ понятийной структуры слова начинает основываться на выявлении значения пропозициональных компонентов в его словообразовательной структуре.

Предлоги в «словной концепции» служебных слов и морфем понимаются как корни, «изготовленные на скорую руку, чтобы удовлетворить <...> самую примитивную <...> и первую потребность <...> в движении человеческой мысли» [79, с. 234], и рассматриваются как свернутые «суждения». Так, в труде «Опытъ русской грамматики» (1880) К.С. Аксаков определяет предлог как «корень имени, обнаженный отъ его формы, слѣдовательно одно содержаніе, значеніе, мысль и уже не имя болѣе», корень имени, «который вноситъ новое понятіе, еще смутно, какъ намекъ, понятіе движенія, движущей силы, силы дѣйствующей, обозначившейся уже въ управленіи падежами», и характеризует его уникальную языковую природу способностью «разрѣшать сферу выразившагося въ словѣ бытія въ покоѣ» [3, с. 150–151]. Проблема определения языкового статуса «слитных» и «раздельных» предлогов решается выявлением выражаемых ими логических или грамматических категорий как актуализации

компонентов свернутой предикативной структуры: префиксы характеризуются как формирующие сложное слово «корни» и относятся к разряду «слов-понятий», предлоги в сочетании со словом в падежной форме по выражаемой ими семантике релятивности отождествляются с окончаниями полнозначных слов и классифицируются как древнейшие «слова отношений» [73, с. 11–13, 61, 259]. Таким образом, языковая природа «слитных» и «раздельных» предлогов определяется как корни-основы, способные выражать и лексические, и грамматические категории.

В XX веке продолжается развитие понимания слова как синтагмы. Идеи русского функционализма: Н.С. Трубецкого, что слово – это «морфемный комплекс, выступающий как единое целое и лишь при известной степени грамматической абстракции может быть подвержен дальнейшему членению» [215, с. 76], И.А. Бодуэна де Куртенэ – «слова <...> состоят из ряда морфем» [25, с. 248], перекликаются с теорией американской дескриптивной школы, согласно которой корневая морфема рассматривается как минимальная структура слова, его непроемкая основа, в связи с чем корни классифицируются как «свободные» морфемы, а слово- и формообразовательные аффиксы – как «связанные»; следовательно, служебные слова являют собой корневые морфы [125, с. 41, 43]. В связи с этим одним из основных свойств морфемы называется ее валентность [31, с. 228; 72, с. 199; 84, с. 38–44; 132, с. 78] и др. В качестве центральной единицы языка выбирается морфема – «любое сочетание фонем, имеющее значение», а описание языка производится в терминах «морфем» и «порядка их расположения (следования)» – «морфемики и тактики» – при рассмотрении любого языкового явления: слова, словосочетания, фразеологической единицы или предложения [22].

Понимание морфемы как центральной единицы анализа языка в XXI веке приводит к идее о том, что слово – «предельный минимум словесного текста», а «произведение, состоящее из одного слова, <...> можно назвать “словотекст”» [92, с. 131]. Данная концепция находит обстоятельное изучение в теории

когнитивного течения теории ономаσιологии.

1.2.1.2. Ономаσιологическая природа предлога. Предложенная в «словной концепции» служебных слов и морфем методология анализа языка находит отражение в принципах когнитивно-ономаσιологического подхода к изучению языковых единиц, зародившегося во второй половине XX века и развиваемого в отечественном языкознании в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, В.И. Теркулова и др. [5; 6; 7; 8; 115; 116; 117; 184; 185; 187; 205; 211]. Напомним, что в качестве методологии анализа языковых знаков когнитивное направление рассматривает словообразовательные модели как «формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами. Матрицей обязательного тестирования является ономаσιологическая структура, в которой выделяются три компонента: ономаσιологический базис, ономаσιологический признак и ономаσιологический предикат.

Когнитивно-ономаσιологический анализ языковых единиц также связан с определением природы языковой единицы в рамках теорий когнитивизма и ономаσιологии.

Когнитивная наука в качестве центральной единицы понятийной структуры языка выбирает морфему как минимальный сигнификативный конструкт в языковом сознании человека, в связи с чем описание языка производится в терминах «морфем» и «порядка их расположения (следования)» [22; 140]. Семантическая структура служебного слова и производных от него деривационных морфем интерпретируется как некая нечленимая сущность – в терминологии Дж. Лакоффа «схема-образ», – представляющая собой прототипическое значение слова [123] с пространственной пропозициональной семантикой (М.И. Конюшкевич, Е.С. Кубрякова, Л. Леннгрен, Ю.С. Степанов, У.Л. Чейф) [105; 116, с. 11; 128; 129; 130; 131, с. 201; 227]. Способность производных предлогов обладать пропозициональными значениями –

выражением наиболее общих отвлеченных понятий – связывается с когнитивной функцией предлогов образовывать понятийный каркас координации пространства. По мнению исследователей, выражение неизменными предлогами базовых геометрических отношений находит отображение в их концептах универсальных ориентиров пространства, которые составляют инвариантное значение предлога [123; 256; 257; 258; 260; 267].

Ономасиологическое направление, опираясь при анализе понятийного конструкта языкового знака на его словообразовательную структуру, определяет предлоги как древнейшие корни-основы с материально не выраженными флексиями начальной формы [116, с. 11]. На основании этого отсутствие словообразовательной членимости данных единиц мы предлагаем трактовать как способность в чистом виде выражать базисную прототипическую семантику – некий уникальный, прагматически значимый языковой смысл, выполняющий функцию структурного категоризатора ментальной категории пространства, так как в аспекте ономасиологической теории наличие у предлога пропозиционального значения при отсутствии словообразовательного членения может свидетельствовать о содержании в его прототипическом базисе первичного «сгустка» пропозициональной семантики, которая у производных слов представлена в виде «свернутой пропозициональной структуры», содержащей ономасиологический базис (диктум), ономасиологический признак (модус) и ономасиологический предикат, актуализируемые в контексте.

Данное положение находит подтверждение в теории компаративистики, в которой большинство лингвистов-индоевропейцев склонны утверждать, что уже в индоевропейскую эпоху корень представлял собой мотивированный сложный знак-комплекс, состоящий как минимум из трех компонентов: преформантов-протоприставок, собственно корневых сегментов и протофлексийных-протосуффиксальных компонентов [138]. Так, например, известный индоевропейец Я.Г. Герценберг отмечает, что в диахронических описаниях необходимо учитывать относительность корня: сегмент, который

можно рассматривать как корень в одну эпоху часто является сложной единицей в предшествующий период и представляет собой лишь рефлекс, не поддающийся объяснению [65, с. 128].

На основании этого мы принимаем широко распространенную в сравнительном языкознании гипотезу возникновения всех ныне существующих знаменательных частей речи из некогда единой категории «диффузных наименований», синтезирующих понятие предмета и его предикативного (атрибутивного или обстоятельственно-прагматического) признака, который формируется в результате трансформации либо через изменение синтаксического окружения и сочетаемости производной языковой единицы, либо посредством изменения линейного означающего знака путем прибавления словообразовательных формантов, возникших из дейктических единиц. При этом трансформация как результат изменения синтаксического окружения считается языковым фактом древнейшего периода, а словообразовательная транспозиция – более позднего (В.В. Колесов, А.К. Коневецкий, Е.С. Кубрякова, Р.И. Мальцева, А.А. Потебня, Х. Штейнталь) [103; 104; 116; 138; 173]. Так, по мнению В.В. Колесова, древнейшее «значение» слова – синкретичное значение, характеризующее денотат, которое в процессе коммуникации отображает всю совокупность признаков предмета, в том числе и случайных, внешних, всегда конкретных, легко узнаваемых – «только бы мысль зацепилась и не соскользнула бы с объекта» [103, с. 18–27]. По мнению Р.И. Мальцевой, такой знак-синкрета состоял из набора равнозначных смыслов [138, с. 62]. Таким образом, формирование языковых категорий на первом этапе было синтаксическим и зависело от субституции, на втором – словообразовательным. На основании этого мы придерживаемся мнения о наличии ослабленной функции называния как указания на конкретный денотат у всех предикатов, однако на настоящем этапе развития языка не осознающейся в результате стирания его внутренней формы.

В современной лингвистике установилась традиция относить предлоги и одноименные наречия, префиксы и постпозитивные частицы к одной

синкретичной в древности категории (Р. Джакендофф, Е.С. Кубрякова, Т.М. Николаева, Д. Пайар, О.В. Плотникова, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, О.Н. Селиверстова, Дж. Тейлор, Л. Талми, Ж. Фоконье) [104; 154; 168]. Теория компаративистики указала на проявление механизма «опредложивания» наречий в языках различного генетического и структурного типа, причем не только индоевропейским, но и финно-угорских, тюркских, иберо-кавказских, уральских. В связи с чем в компаративистике закрепились точка зрения на появление данного процесса на ранних стадиях вербального общения [79, с. 234, 238–239; 85; 104; 144; 207, с. 315–316]. В лингвистической литературе не раз высказывалась гипотеза, что «предлоги, союзы и наречия суть разновидности одной и той же “глубинной” части речи» [5, с. 173] и «древнейшие наречия следует искать в служебных словах» [24, с. 197; 104, с. 56].

Однако гипотеза возникновения самих наречий связана с теорией их развития из имен, а так как наречия и предлоги признаются генетически родственными языковыми единицами, то представляется логичной субстанциональная концепция препозиционализации. Этимологические исследования свидетельствуют об использовании в качестве наречий и предлогов названий частей тела либо объектов, обладающих социальной и прагматической значимостью, в индоевропейских, финно-угорских, кавказских, тюркских, африканских (нигеро-конголезской и афразийской ветви) языках [58, с. 76; 116, с. 28; 145, с. 295–306; 147]. Подобный процесс вербального освоения пространства объясняется антропоцентризмом, основанным на восприятии человеком предметов окружающего мира по отношению к нему самому; и лексическим антропоморфизмом, выражающемся в назывании пространства в соответствии с расположением предметов относительно частей тела [147]. Рассматривая антропоморфизм в лексике, Т.В. Милиаресси обращает внимание на структуру русских наречий *внутри* (от *нутро*, *утроба*), *снаружи* (от вологодского *ружь* «внешность»; «с лица»), *сбоку* (от *бок*), *сзади* (от древнерусского *зад* «спина»). А.Л. Погодин утверждает наличие

корней *-под-* и *-до-* в древнеиндийском, древнеперсидском, авестийском, армянском, латинском, древненемецком, древнеисландском, праславянском языках со значением «нога», «след», «идти» и «низ», «земля» – первый; «дом», «двор» – второй [170, с. 200–203, 208–214]. Аналогичное происхождение отмечается у французского предлога *chez* – «у» из латинского существительного *casa* – «дом», немецкого *trotz* – «несмотря на» – из существительного *Trotz* – «упорство», «упрямство» [31, с. 233].

На основании этого мы, вслед за А.В. Добиашем, А.Л. Погодиным, Е.С. Кубряковой, М.И. Конюшкевич, Ю.С. Степановым, понимаем предлоги как древнейшие именные корни-основы [79, с. 234, 238–239; 116, с. 41, 43; 170, с. 73, 110–113] с пропозициональной предикативной семантикой [105; 131, с. 346], так как в концепции данной теории и действие, и обстоятельство действия были тесно взаимосвязаны. О синкретизме предикативного и обстоятельственного значения у древних локативных основ свидетельствует тот факт, что на современном этапе развития многих языков наречия времени и места с лексической семантикой глагола не соотносятся, их следует считать определителями не сказуемого, а всего предложения в целом [94, с. 59; 122, с. 210; 157, с. 274]. Таким образом, в теории языкознания устоялось мнение о присущей предикатам локации (показателей времени, места, лица, наклонения и т. д.), развитое Дж. Андерсеном в концепцию локализма, согласно которой предикаты в семантической репрезентации предложения представимы в терминах локализации (местоположения в пространстве – геометрическом и метафорическом – и во времени) [77, с. 342].

Таким образом, мы придерживаемся гипотезы, согласно которой первообразные предлоги являются древнейшими локализаторами, синтезирующими денотативное и предикативное значение, и считаем целесообразным указать некоторые известные языковые факты, которые могли бы служить доказательством этой мысли.

Напомним, что в лингвистике существует положение, согласно которому функция предикатов состоит не в наименовании действительности, а

в формировании логико-структурной основы пропозиции с целью характеристики ее субъекта [249, с. 393]. В связи с чем предикат понимается как номинатив, служащий в суждении характеристикой другого номинатива [205, с. 115]. Системой значений, выражаемых предикатами, выступают вышеуказанные тринадцать языковых смыслов в условиях изменения функции производящего знака в пропозициональной структуре высказывания с номинативной на конститутивную [205, с. 132].

Другой важной характеристикой предикатов исследователи выделяют функцию выражения категорий модальности и аспектуальности в суждении. Под аспектуальностью в языкознании принято понимать «характеристики протекания и распределения действия во времени» [101, с. 210]; модальность определяется как передача «отношения говорящего к тому, о чем, с кем, при каких обстоятельствах он говорит» [99, с. 42].

Однако предикат не только выступает конституционным членом пропозициональной структуры высказывания, но и способен вводить в нее вторую пропозицию в качестве своего актанта (например, такие предикаты суждения, как *знать*, *думать*, *говорить* и т. п.) либо обнаруживать ее при интерпретации смысла целого высказывания [77, с. 342]. Такие предикаты именуется в научной литературе «несобытийными» [249, с. 392], «небазисными» [77, с. 342] или «пропозициональными» [249, с. 392]. Те, которые в качестве актанта в интерпретируемом предложении не имеют ни одной пропозиции, называются «базисными» [77, с. 342] либо «событийными» [249, с. 392]. Таким образом, предикаты характеризуются по типу отражаемого ими события.

Событие в лингвистике рассматривается и как концепт, и как объект внеязыковой действительности. Следовательно, в силу сложности этого явления представляется целесообразным учитывать его двоякое понимание.

В теории лексической семантики, грамматики, коммуникативного синтаксиса природа события относится к сфере онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай. Под событиями в

подобных исследованиях понимают изменения положения человека в пространстве, любые его действия и деятельность [8; 81; 155]. Событие в предложении отображается в семантике предиката, трактуется как «полное описание некоторого явления во всей совокупности актуализирующих его темпоральных и стационарных локализаторов» [155, с. 199]. Таким образом, событие – факт онтологического плана, а предикат – эпистемического.

В.З. Демьянков в статье «“Событие” в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста» предлагает типологию событий по содержанию выражаемого ими понятия:

а) собственно событие, или референтное событие; его аналог – конкретный референт имени – конкретный объект, занимающий конкретное положение в пространстве-времени; выражается денотативным значением;

б) событие как идея; его аналогом является сигнификативное значение имени;

в) текстовое событие в его атрибутах, меняющийся в интерпретации (отдаленная аналогия его – «звуковая оболочка» имени). Так, текстовое событие может быть переполнено противоречивыми деталями, заставляющими выбирать то одну, то другую гипотетическую интерпретацию, т. е. соотносить текстовое событие то с одной идеей-событием, то с другой, при этом предполагая наличие референтных событий, то полностью осознавая их невозможность [78, с. 322]

Таким образом, под событийным предикатом мы понимаем единицы, приписывающие признак субъекту внеязыковой или языковой действительности в рамках создания одной пропозиции. Взяв за основу типологию событий В.З. Демьянкова и учитывая идею синкретичной природы предиката, обладающего функцией и предикации, и номинации, выражающего и сигнификативное, и денотативное значения, и возникшего в языке посредством функциональной трансформации номинативной единицы посредством изменения ее функционирования в пропозиции, мы предлагаем

следующую классификацию предикатов по содержанию выражаемых ими понятий:

а) предикаты, отражающие «собственно событие», – предикаты, сохранившие словообразовательную основу производящего номинатива и выражающие синкретичное сигнификативно-денотативное значение;

б) предикаты, отражающие «событие как идею», – представлены метафорическими значениями сигнификата;

в) предикаты, обладающие свойствами и первого, и второго типа и обнаруживающие свои различия при актуальном использовании в высказывании – гибридные образования, служащие основой для формирования функциональной омонимии.

Таким образом, предикаты характеризуются следующими признаками:

1) играют роль конститутивного члена пропозиции, обладают сильными валентностными связями, формируя смысловое и грамматическое ядро пропозициональной структуры;

2) синтезируют в себе функцию предикации и номинации, на основании этого таксономия их типов дублирует основные ономаσιологические категории (языковые смыслы) с учетом изменения позиции в суждении с субъектного члена на синтагмообразующий;

3) выражают категории аспектуальности и модальности;

4) не только выступают конститутивным членом пропозициональной структуры высказывания, но и способны вводить в нее вторую пропозицию в качестве своего актанта, в связи с чем подразделяются на событийные (базисные) и несобытийные (небазисные, пропозициональные).

Рассмотрим данные положения применительно к группе производных предлогов.

Идею предикативности предлога и наличия у него функции формирования пропозициональной структуры суждения одним из первых высказал в 70-х годах XX века У.Л. Чейф в работе «Значение и структура языка», в которой придерживался взгляда на языковую природу производных предлогов как

генетических глаголов. В процессе изучения таких конструкций, как «is in» – «is on» – «is under» (в русском языке: «быть в» – «быть на» – «быть под»), У.Л. Чейфом был сделан вывод о том, что «is (быть) не является семантическим глагольным корнем. Его функция состоит в том, чтобы представлять грамматические категории (время, лицо, число), исконно присущие таким корням, как in»; сами же единицы in, on, under являют собой «локативные глаголы» [227, с. 173–174]. Целесообразно также отметить, что на основании правила порядка слов в индоевропейских, тюркских, монгольских и многих финно-угорских языках «определение ставится перед определяемым, а предикат (глагольный или именной) всегда следует за субъектом» [215, с. 38], на основании этого в сочетании с предлогом – «*быть в*», «*находиться в*», «*идти в*», «*класть в*» – глагол выступает в атрибутивной функции по отношению к предлогу-предикату.

Вопрос о приименной предикативной позиции предлога был изучен И.И. Мещаниновым и подробно описан в монографии «Члены предложения и части речи»: «...когда предлог не получил еще своего служебного значения и даже не был служебным словом, а выступал в предложении как основной компонент синтаксического словосочетания, он управлял падежом связанного с ним имени и стоял вначале, как и надлежит стоять определяемому при именном определении, ср. *место дома*. Когда же к управляемому имени присоединились его собственные определения, поставленные по действующим правилам синтаксиса перед ним, основное слово стало управлять уже целым синтаксическим словосочетанием, поэтому оно и заняло место впереди его, ср. *место большого хорошего дома*. Подвергшись затем синтаксическому переосмыслению, это же основное слово, оставаясь в той же синтаксической группе, обратилось в служебный показатель синтаксической значимости того слова, которое в прежней позиции оказывалось управляемым, а теперь стало уже ведущим членом всего сочетания слов. Предлог при этих условиях остался стоящим не перед им характеризуемым в падеже словом, а перед всем

относящимся к последнему синтаксическим оборотом, что и дало его замыкание: *вместо большого хорошего дома*» [145, с. 306].

Таким образом, в сочетаниях глагола с предлогом и предлога с существительным предлог занимает позицию главного члена, а полнозначные лексемы – зависимого, из чего следует вывод о синтаксеобразующей функции предлогов.

Вопрос о наличии у предлога валентности, определяющей количество и качество подчиненных актантов, берет начало в широко распространенном мнении о способности предлога управлять падежом, изложенном в трудах Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, И.И. Давыдова и отраженном в отечественном языкознании первой половины XX века (И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, Е.М. Галкина-Федорук и др.) [35, с. 323; 52, с. 269–321; 62; 145, с. 306; 241, с. 79]. Такой тип управления назывался «предложным» [10, с. 76, 78]. А случаи дублирования предлогом префикса глагола, по свидетельству М.В. Всеволодовой, с середины двадцатого столетия стали классифицироваться как случаи «приставочного управления» [57].

В настоящее время особый интерес в раскрытии данной проблемы представляют научные статьи Л. Леннгрена, в которых предлагается методологическая база анализа непрямых русских предлогов, доказывающего их предикативную природу [127; 128; 129; 130]. Для анализа любых языковых конструкций Л. Леннгрен предлагает использовать семантический граф, который показывает семантические зависимости и в котором узловые позиции (всегда обозначающие ситуацию) занимают семантические лексемы, а валентностные позиции, отображенные в графе в виде исходящих от узлов подчинительных дуг, – синтаксические лексемы (например: *они вели собаку* – лексема *вели* узловая и подчиняет в качестве первого актанта словоформу *они*, в качестве второго актанта – словоформу *собаку*; *они (вели) беседу* – узлом является словоформа *беседу*, а *вели* – дугой). Основываясь на том, что предикаты, формируя высказывание, всегда занимают узловую позицию, Л. Леннгрен считает целесообразным включить в их состав

семантические предлоги, имеющие актанты [127, с. 27–28; 128, с. 33]. По мнению ученого, «самое типичное для предлогов – это два подчиненных актанта. В предложении *Он спит на диване* первым актантом предлога является словоформа *спит*, а вторым актантом – словоформа *диване*. Этот анализ соответствует парафразе *Он спит; это происходит на диване*. Правда, в этом примере возможна альтернативная парафраза *Он спит, находясь на диване* <...>, но число актантов предлога от этого не изменится». Предлоги, не способные образовывать в графе семантический узел, Л. Леннгрен относит к числу синтаксических единиц – дуг графа [128, с. 33–34].

Такой предложный предикат может выполнять функцию имплицитного смыслового узла в структуре графа. Это, например, касается случаев, когда такие слова, как *место*, *время* синтаксичны в графе и находятся вне сферы действия предиката, выраженного определением, и поэтому из них приходится извлекать имплицитный предикат, соответствующий семантическому предлогу: *(Место) его работы (-) «в» банке. – Он работает в банке*. Или: *(Время) отлета (-) «в» два часа. – Отлет (-) в два часа* [127].

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о способности производных предлогов формировать пропозициональный центр высказывания, а значит выполнять предикативную функцию. К таким единицам относятся тип семантических и семантико-синтаксических предлогов, способных устанавливать смысловые связи в структуре суждения и требовать наличие управляемого актанта. Тип синтаксических предлогов – семантически опустошенного грамматического форманта, выполняющего роль идиоматической связки при глагольной словоформе и их актантах (*говорить о*, *считаться с* и т. д.) – не входит в число предикатов.

Как предикат предлог в синтагме способен выражать семантику аспектуальности и модальности. Доказательство данной теории мы видим в историческом развитии системы времен индоевропейского глагола. Историческим языкознанием обозначен путь развития категории времени глагола через его сочетание с наречиями, обладающими векторной семантикой

начального или конечного ориентира движения. Так, например, в русском языке все глаголы совершенного вида, не имея настоящего времени, образуют будущее простое, являющееся по форме настоящим (например: *идет*, но *ото+йдет*, *у+йдет* и *во+йдет*, *при+йдет*) [193]. С другой стороны, самой возможностью сочетаться с префиксальными морфемами и иметь множество форм имперфективации обладают те глаголы, которые являются или осознаются на современном этапе как не производные от имени (например, «делать» – не исконное, но не воспринимается как отыменное, в связи с чем приобрело широкие валентностные свойства: *доделать*, *заделать*, *наделать*, *поделать*, *сделать*) [233, с. 103–104]. Такие глаголы в основном выражают семантику бытия или движения и характеризуются семантической недостаточностью, в связи с чем не обладают сильными предсказующими синтаксическими связями и способны управлять дополнением только в сочетании с предлогом (например, *идти от* кого-, чего-либо, *идти за* кем-, чем-либо, *идти по* чему-либо, *идти у* чего-либо).

Предлог способен не только конкретизировать глагольное действие и передавать глаголу предикативное значение, но и быть модификатором модальности имени. Исследователи Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Е.В. Клобуков, И.Г. Кудрявцева, С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич утверждают о приобретении модального значения именами существительными, содержащими в своей структуре префиксы оценочной семантики, такие как *анти-*, *без-*, *лже-*, *мало-*, *не-*, *недо-*, *полу-*, *псевдо-*, *сверх-*, *супер-*, *экстра-*, *люкс-* [251]. Мы же под модальностью имени предлагаем понимать контекстную семантику, связанную с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объектов номинации и предлагаем включить в систему модальных отношений все отыменные именные префиксальные образования по наличию у них локальной или темпоральной характеристики объекта (*преддверие*, *взморье*, *междуречье*; *соавтор*, *прадед*, *праформа*, *подзаголовок*; *приморский*, *средиземный*) либо степени проявления его функционального качества (*призвук*, *придурь*, *прозелень*, *сумрак*; в северо-восточных говорах: *восырь*,

подчернь, приглубь, пригоречь, сукраснь [164, с. 157–162]; *пребольшой, подслеповатый*).

Нами было отмечено, что предикат в процессе формирования целостной структуры высказывания отображает некоторые семантические признаки номинатива, в связи с чем обладает и предикативным, и ослабленным денотативным значением.

Денотативное значение предлогов мы обнаруживаем в их способности называть отношения, соответствующие основным ономаσιологическим категориям. Из тринадцати языковых смыслов, выделяемых Е.Н. Сидоренко [191], предлоги обладают следующими двенадцатью:

– пространство (место и направление): *быть в лесу, ехать до станции, оказаться за спиной, выйти из кинотеатра, лететь над океаном, стоять перед зеркалом, идти по тротуару, сойти с горы, сидеть у окна и т. п.*;

– время: *встретиться в четверг, отложить до воскресенья, вырасти за год, подарить на именины, глух от рождения, проститься перед отъездом, пропадать по неделе, идти под вечер, не спать с рассвета и т. п.*;

– цель: *говорить в назидание, бороться за успех, освободить время для учебы, ехать на работу, позвать по делу, вспахивать участок под сад, прийти с докладом и т. п.*;

– причина и следствие: *презирать за трусость, уступить из вежливости, устать от шума, сознаться перед разоблачением, ошибиться по неосторожности, пожелтеть под солнцем, заплакать с горя и т. п.*;

– образ и способ, качественная характеристика процесса: *ехать в поезде, начищать до блеска, стрелять из ружья, учить на свежую голову, переписать от руки, сообщить по телефону, добираться под дождем, одеваться со вкусом и т. п.*;

– мера и степень: *стоять во весь рост, проснуться за полдень, язвительный до крайности, простить на первый раз, близко от леса, пить по чайной ложке, зерна под тонну, проболтать с полчаса и т. п.*;

– количество и число: *играть в две руки, ехать за пять километров, из семи вычесть пять, разделить на три, связывать по две петли, семь с половиной и т. п.*;

– признак предмета: *листок в клетку, письмо до востребования, платье из шерсти, дорога на Москву, власть над народом, ключи от дома, разговор о погоде, резьба по дереву, вечер перед отъездом, стрижка под гребенку, битва при Калке, замок с пружиной и др.*;

– предметность: *поступить в гимназию, приняться за уроки, вывести из терпения, жаловаться на погоду, шутить над недостатками, спасти от смерти, разойтись по домам, волноваться перед экзаменом, схватить под руку, поспешить с выводами, работать у станка и т. п.*;

– состояние: *быть без настроения, при памяти, с температурой, у цели; находиться в трауре, под арестом; состоять в браке, на иждивении и т. п.*

Способность называть категории «условие» и «уступка» мы обнаруживаем в случаях выражения предлогом пропозициональной предикативности. Как уже было отмечено, под несобытийными (пропозициональными) предикатами мы понимаем предикаты, которые способны в качестве своего аргумента вводить в высказывание вторую пропозицию либо обнаруживать ее при интерпретации смысла целого высказывания.

Проблема приобретения производным предлогом функции пропозиционального предиката была детально изучена в статье Л. Леннгрена «О каламбурном предлоге *С*» [129].

При помощи семантического представления зависимостей в виде структуры семантического графа Л. Леннгрен показал разницу между первичным и вторичным значением конструкции *Я не танцую с ребенком*. При первом толковании предлог не занимает собственного узла в графе, а служит только звеном между предикатом *танцую* и его вторым актантами – «Я не танцую (с) ребенком». При втором толковании, в отличие от первого, данный предлог имеет в графе свой собственный узел и актуализирует значение «иметь», «у», объединяя актантами *я* и *ребенок*: *Я не танцую с (когда) ребенком*.

При таком толковании глагол *танцевать* не имеет валентность на «контрагента». Таким образом, второе из приведенных семантических представлений содержит также имплицитный предикат «когда», ср. парафразу *Я не танцую, когда у меня есть ребенок*. Этот предикат сентенциальный, т. е. соединяет два других предиката [129].

В группе первообразных предлогов таковыми являются предлоги со вторичной семантикой, формирующие значения подчинительных конструкций и выражающие сложные ономаσιологические смыслы (они же предикативные категории), такие как условие, уступка и т. п. Подобными примерами являются пропозиции *мне с тобой скучно = мне скучно, когда я с тобой; ты не будешь гулять с грязными ушами = ты не будешь гулять, если твои уши будут грязными* (условие); *при всем желании я не мог дать ответ на вопрос = несмотря на мое желание, я не мог ответить на вопрос* (уступка).

Такие предлоги не могут иметь префиксальных функциональных омонимов и не входят в круг вопросов, изучаемых в нашем исследовании.

Таким образом, непроизводные предлоги не способны выражать ЯС «процесс (действие, отношение как процесс)», что, по нашему мнению, связано с невозможностью предлогов указывать отношения между объектами действительности в развитии. Предлоги, выражающие прямое значение без введения второй пропозиции в качестве актанта, классифицируются нами как «базисные» либо «событийные» предикаты.

Мы наблюдаем, что способность предлогов выражать основные языковые категории и играть роль конститутивного члена пропозиции, обладающего модальной и аспектуальной семантикой, с сильными валентностными связями свидетельствует об их способности выполнять предикативную функцию.

Учитывая классификацию «событий» В.З. Демьянкова, мы предлагаем следующую типологию предложных событийных предикатов по содержанию выражаемых ими понятий:

а) предложные предикаты, отражающие «собственно событие» – все локативные предлоги, выражающие категорию «пространство»;

б) предложные предикаты, отражающие «событие как идею» – предлоги с семантикой предикативности, построенной на метафорических значениях категории локативности (время, причина, цель и т. п.), а также семантике релятивности;

в) прототипические предложно-префиксальные предикаты, формирующие функциональные омонимы «служебное слово – морфема» с равнозначно выраженной семантикой пространства (прямого или метафорического).

Таким образом, мы говорим о целесообразности считать языковой функцией предлога способность выступать в качестве свернутого прототипического суждения. Мы утверждаем наличие в ономаσιологической структуре предлога таких ее компонентов, как ономаσιологический базис (пропозициональный диктум), ономаσιологический признак (пропозициональный модус) и ономаσιологический предикат. На основании того, что ономаσιологический базис играет ведущую роль в первичной категоризации в языковой картине мира, мы выдвигаем гипотезу о том, что производные локативные предлоги и префиксы, обладающие семантикой различных геометрических отношений в пространственном континууме, в своем исходном значении выражают категорию локативности. Расширение семантики прототипа происходит путем актуализации предиката и признака ономаσιологической структуры и участвует в формировании функциональных омонимов. Ономаσιологический предикат представлен семантикой уровней языка, на которых актуализируются ономаσιологические базисы предлога и префикса. Ономаσιологический признак предлога и префикса отображает дистрибутивные значения. На основании того, что приобретение языковой единицей нового качества, связанного с переходом в сферу другого уровня языка, происходит путем закрепления использования языковой единицы в несвойственной ей дистрибуции, мы также полагаем, что предикат в ономаσιологической структуре предлога изначально формировался под влиянием ее признакового компонента.

1.2.2. Своеобразие приставки как языковой единицы морфемного уровня. Ономасиологический подход к вопросу переходности предлога в префикс не может быть раскрыт без установления языковой природы морфемы в теории ономасиологического учения.

С точки зрения ономасиологии распределение номинативных средств по языковым уровням обнаруживает необязательность совпадения номинативного и синтаксического членения [153, с. 13—14]. Единицами выражения языкового смысла признаются не только слова – главное средство создания и закрепления мысли-понятия, но и структурная часть слова – морфема, и группы слов либо описательные конструкции, выступающие в качестве единого наименования [150; 151; 153; 184; 187; 191; 192; 204; 211; 217; 250]. В.М. Никитевич вводит понятие «номинативный ряд», которое определяется как «система единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названием одного и того же предмета или явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» [153, с. 116]. Таким образом, единицы различных языковых уровней могут выступать коррелирующими единицами выражения одного языкового смысла.

Термин «морфема» был введен И.А. Бодуэном де Куртенэ в 70-х гг. XIX в. [20, с. 13], под которым автор предлагает понимать минимальную значимую единицу, находящую отражение в языковом сознании: «Морфема – дальше не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления» [25, т. 2, с. 290–291]; «любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения» [25, т. 1, с. 272]. И.А. Бодуэн де Куртенэ в качестве основных свойств морфемы называет способность обладать планом содержания, формирующим однородные отношения с единицами лексического и синтаксического уровня: «...деление речи на предложения, предложений на слова, слов на морфологические единицы <...> опирается постоянно на одну и ту же основу, исходит постоянно из того же самого принципа: здесь везде играет роль

значение, элемент морфологически-семасиологический. Но на морфологической единице, или, как я ее назвал, «морфеме», это деление кончается» [25, т. 1, с. 182; т. 2, с. 249]. На основании этого слова и предложения определяются как единицы, «состоящие из ряда морфем» [25, т. 2, с. 248].

В отечественном языкознании закрепилось толкование морфемы как минимальной значимой единицы, основным свойством которой является выражение постоянной, закреплённой за звуковым комплексом семантики, что находит отражение в Академической грамматике русского языка, в трудах таких выдающихся лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, Ф.К. Гужва, Е.А. Земская, Е.Д. Поливанов, Н.С. Трубецкой, Е.Г. Цыганенко, Л.В. Щерба и др., в словарях русского языка, в учебниках и учебных пособиях для вузов и школы, и т. д. [6, с. 88; 13, с. 78; 31, с. 228; 64, с. 108; 67, с. 126; 72, с. 199; 90, с. 12; 179, т. 1, с. 124; 215, с. 76; 226]. Понимание И.А. Бодуэном де Куртенэ слова как синтагматической единицы в отечественной грамматике нашло воплощение в идее выражения морфемой категории валентности [31, с. 228; 72, с. 199; 84, с. 38–44; 132, с. 78].

С другой стороны, вопрос перехода предлога («свободной морфемы»), в префикс («связанную морфему») обусловлен их дистрибуцией и связан с вопросом установления языковой природы сочетания знаменательного слова и предлога, конденсирующегося в префиксальное слово: определением его как словосочетания либо как расчленённой лексемы. Данная проблема отображает словоцентрический и морфемоцентрический подход к языку и, как и в эпоху сравнительно-исторического метода, находит три способа решения: 1) в определении омонимичных префиксов и предлогов как непроизводных слов; 2) как генетически родственных единиц различных языковых уровней; 3) как грамматических формантов – «формем».

Понимание префикса как непроизводного слова отображено в теории дескриптивной и когнитивной лингвистики. Так, дескриптивизм, определяя

языковой статус морфемы как непроемной основы, рассматривает распространенные в германских языках глагольные фразеологические единицы с наречными частицами (соответствующими в русском языке предлогам) как разъединимые сложные слова. Префиксальные глаголы определяются как неразъединимые сложные слова [124, с. 42–44]. В когнитивной лингвистике коррелирующие предлоги, префиксы, наречия и постглагольные элементы на основании выражения ими одного концепта определяются как единый класс единиц – «сателлиты» или «партикулы-клитики» – выступающие в роли строительного материала языка, но заключающие в себе наиболее прагматическую пространственную семантику; материально тождественные, но различные по своей грамматической функции [154; 168]. Следует отметить, что традиционная грамматика подобные разного рода смешанные явления, совмещающие в себе признаки различных классов, идентифицирует как маргинальные явления, которые лингвистическое описание стремится преодолеть [63, с. 213].

С другой стороны, сочетание предлога со знаменательным словом классифицируется рядом лингвистов как расчлененная лексема, служебное слово в которой выполняет функцию ее вербализованного компонента [39, с. 11–12; 46, с. 139–155; 47, с. 21; 178, с. 7–8]. Так, в традиционной западноевропейской лингвистике сочетание глагола с предлогом именуется как «глагол с отделяемой приставкой», а префиксальный глагол – как «глагол с неотделяемой приставкой» [124, с. 42–44]. В сочетании с именными словоформами флексия имени классифицируется как семантический коррелят предлога, что объясняется, во-первых, выражением обеими единицами релятивной семантики [132, с. 76] и, во-вторых, потенциальной языковой возможностью конденсации данного сочетания в отыменную лексему на базе префиксально-суффиксального способа словообразования [47, с. 20]. Таким образом, языковая сущность предлогов и префиксов определяется как слитный или раздельнооформленный грамматический формант и восходит к определению данных единиц как «формем» – единиц, противопоставленных

семантемам как означающее означаемому и не обладающих вещественным содержанием [194, с. 178].

Понимание префиксов и предлогов как языковых единиц одного класса (лексического или морфемного) отрицает наличие в языке межуровневого функционального перехода, зарождавая идею формирования однородными языковыми знаками не только уровневых микросистем языка, но и микросистем межуровневого типа [150]

Концепция межуровневой омонимии, исключая идею наличия в языке знаков-сателлитов, развивается в русле функциональной ономазиологии. Проблема языковой природы сочетания знаменательного слова с предлогом, конденсирующимся в префиксальную морфему, решается расширением понятия «словосочетание», определяющегося ранее в грамматиках как сочетание знаменательных слов, служащее для выражения единого понятия [12, с. 426]. Формирующими его состав элементами начинают признаваться не только полнозначные слова, но и служебные. Разрабатываются термины «морфологическое сочетание» – «сочетание служебного слова со знаменательным» [153, с. 42; 204, с. 21] и «деривационное сочетание» – такое морфологическое сочетание, в котором служебное слово является коррелятом морфологического (реляционного) аффикса, способствующего возникновению коммуникативно эквивалентных (не исключаящих нетождеств) параллельных форм [153, с. 46]. Анализ семантических свойств производного знака приводит Е.С. Кубрякову к выводу о том, что словообразовательное значение аккумулирует в себе «процесс интеграции понятийных категорий» и служит, тем самым, языковым отражением внеязыковых объектов, на основании чего словообразовательные средства языка признаются номинативными [115, с. 107]. В настоящее время проблеме номинативности морфемы посвящены работы Ж. Вардзелашвили, А.А. Матюновой, А.В. Никитевича, Е.А. Селивановой, В.С. Сидорца. Также приобрела развитие теория пропозициональной структуры производного слова, отображенная в научных

трудах, диссертациях, статьях М.С. Косыревой, О.В. Нагель, М.Н. Образцовой, М.А. Осадчего, Л.В. Шалиной, М.Н. Янценецкой [148; 149; 150; 156; 232; 250].

В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения о наличии у префикса категории номинативности и определять его как структурную единицу языка, соотносимую со словообразовательным ярусом и сформированную на базе трансформации непроизводного предлога.

1.3. Методологическое обоснование анализа омонимии предлога.

Предлоги в когнитивной лингвистике определяются как «ориентиры <...>, называющие вполне определенные точки пространства» [116, с. 11] и выражающие пространственные отношения. Языковая категория, представляющая собой вербальную интерпретацию внеязыковых пространственных отношений, носит название категории «локативности» [89; 116; 210; 219].

Основной принцип описания пространственных отношений заключается в анализе ориентации объекта относительно другого объекта, выполняющего функцию ориентира. При этом выделяется два типа пространственных величин: «локум» – место, конкретное пространство, относительно которого определяется местоположение объекта, и «вектор» – указатель направления объекта. В соответствии с данными величинами выделяется два типа пространственных отношений: «локализация» – местоположение объекта и «путь» – траектория движения объекта [254; 256; 261; 267].

Следует отметить, что большинство исследователей выделяет два типа локализации: «статическую» – указывающую на место расположения объекта или место протекания действия без изменения пространственной локализации, и «динамическую» – с изменением пространственной локализации [195]. Однако, на наш взгляд, категории статики и динамики не соответствуют семантике локума и вектора, о чем свидетельствует способность непроизводных предлогов выражать в семантике местоположения и статичное, и динамичное действие (ср.: *лежать в футляре, убирать в доме*). На основании

этого мы предлагаем различать категорию «локализации» с семантикой местоположения объекта в пространстве относительно ориентира и категорию «траектории» – с семантикой перемещения объекта в соответствии с заданным направлением (вектором) относительно ориентира.

В зависимости от типа пространственных отношений – локального или векторного – когнитивная лингвистика предлагает различать виды объектов и ориентиров. В локальных отношениях описывается «референт» – объект, местоположение которого определяется (X), и «релятум» – ориентир, относительно которого определяется местоположение объекта (Y) [154; 251; 256]. В векторных отношениях анализируется «траектор» – объект, направление которого определяется (X) и «ориентир» (Y) [262; 269].

Важным этапом в описании пространства также является характеристика локума как области ориентира, служащей местом расположения / указателем направления объекта, обозначенная термином «сущность», или области между ориентиром и объектом как сферы их взаимодействия – «релятор» [256; 267].

Описание пространственных отношений при помощи указанных величин находит отражение в отечественной функциональной школе, однако производится в иной терминологии. Категория локативности определяется как комплекс разноуровневых средств, в основе которого лежит архисема «место, пространство» (в когнитивной лингвистике «локум») [89; 116; 210; 219]

Категория локативности [219] имеет семную организацию, отражающую в языке варианты локализации: сема пространства – семантика обозначения места или вместилища (например: *поляна, вершина, ящик*; в когнитивистике – «сущность»), сема локализации – пространственная статика (например: *в школе, на почте, у реки*; в когнитивистике – «локализация»), сема директивности – пространственная динамика (например: *за границу, в космос, (идти) лесом*; в когнитивистике – «вектор»), сема параметричности – форма, размер, величина, протяженность, расстояние (например: *высокий, пятикилометровый*; в когнитивистике – «релятор», «путь»).

Таким образом, мы отмечаем аналогию в выборе компонентов внеязыкового пространства для описания пространственных отношений, представленном в когнитивной и функциональной лингвистике.

Полисемичная структура непроизводного предлога, обладающего прототипическим значением пространственных отношений и разнообразной вторичной обстоятельственной семантикой, в когнитивной лингвистике представлена как классическая модель семантической категории с прототипическим членом, объединяющим все возможные для конкретного предлога значения [123; 257; 269]. Под семантической категорией понимается класс языковых элементов, выделяемый на основании какого-либо общего свойства [249, с. 385]. Дж. Лакофф [123] указывает на то, что такая категория организуется по принципу радиальной структуры (a radially structured category), в основе центрального значения которой лежит «образная схема» – информация, полученная через зрительное восприятие, а образование вторичных значений происходит путем ее трансформации и метафоризации. На основании этого семантическая структура предлога рассматривается некоторыми когнитивистами как сформированное вокруг «идеального значения» концептуальное поле – совокупность семантически взаимосвязанных и экстралингвистически обусловленных элементов, основанная на вербализации ими различных аспектов ядерного концепта (работы С. Гарро, А. Герцковиц, Р. Джакендофф, А.А. Закарян, А.Е. Кибрик, Б. Ландау, А.Ю. Ключевской, А. Санфорд, И.В. Скрынниковой, Л. Талми и др.) [89; 100; 195; 252; 258; 261; 267]. Под «идеальным значением» понимается схематическое представление пространства, которое лежит в основе всех употреблений предлога, подвергаясь при этом определенным адаптационным сдвигам: «семантическим», представляющим собой метафорические переносы, или «толерантным» – контекстной семантики [258, с. 39]. Однако, по мнению сторонников категориального принципа организации семантической структуры непроизводных предлогов, теория концептуального поля не отображает принципы построения семантической структуры предлога. Так, все

непространственные значения предлогов рассматриваются как конкретные реализации пространственного «идеального значения», его функциональные варианты [268], что приводит к включению в концептуальное поле элементов, являющихся контекстными реализациями ранее включенных единиц [162; 188, с. 729]. Следует отметить, что отечественная функциональная школа предлагает рассматривать выражаемую непроизводными предлогами категорию локативности как функционально-семантическое поле, которое, в отличие от концептуального поля, понимается не как совокупность манифестаций ядерного значения, а как система разноуровневых языковых средств, взаимодействующих на основе общности их функций и базирующихся на определенной семантической категории [131, с. 265; 249, с. 385]. Ядро такого функционально-семантического поля содержит первичные функции, выполняемые первичными (специализированными) средствами; периферия – вторичные, непространственные, функции [210, с. 40]. Таким образом, выдвигается тезис, согласно которому модели, выражающие пространственные отношения, могут приспособливаться для передачи непространственной семантики [210, с. 7]. По мнению Е.С. Кубряковой, все непространственные обстоятельственные значения предлогов «именуют координацию вещей и событий, показывают их место во времени и в пространстве, соотносят выделенные ориентиры с их обобщенными представлениями в голове человека и т. п.» [116, с. 11]. В связи с чем расширяется само понятие пространства: выделяются «локативный», «временной», «социальный», «психологический» его типы [111]. Таким образом, семантическую структуру предлога будем рассматривать как «радиально организованную категорию», или локативное функционально-семантическое поле.

В качестве инструмента анализа ядерного значения предлога когнитивная лингвистика предлагает использовать геометрический и топологический подходы, основанные на математических приемах описания пространственных отношений, при исследовании периферии – функциональный подход (Д. Беннет

А. Герцковиц, Р. Джакендофф, Б. Ландау Дж. Миллер, Б. Хокинс, Л. Талми и др.) [252; 256; 258; 259; 260; 261; 264; 265; 267 и др.].

Подобные идеи западноевропейских школ когнитивной лингвистики нашли широкое применение при построении классификаций типов пространственной семантики предлогов в диссертационных исследованиях отечественного языкознания последних десятилетий (И.С. Бороздина, И.В. Воропаева, Л.В. Газизова, В.И. Пекар, О.В. Плотникова, М.А. Пчелкина, И.В. Скрынникова, А.Б. Чернышев) [29; 49; 59; 162; 168; 174; 195; 229].

Геометрический подход заключается в классификации элементарных геометрических отношений между физическими объектами, которые представлены в языке семантикой всех значений пространственных языковых единиц [252; 254; 258; 259; 260; 264]. Методика выявления геометрического прототипа предлога состоит в описании образной схемы пространственной ориентации объекта относительно другого объекта. При этом в зависимости от того, какой тип отношений описывается: местоположение или направление, – исследователи предлагают различать группу «референт» и «релятум» [254; 256; 261; 267] и группу «траектор» и «ориентир» [262; 269]. В нашей работе будут использоваться общие и широко распространенные в отечественном языкознании понятия «объект» и «ориентир».

При описании положения объекта по отношению к ориентиру учитывается признак «n-мерности» пространства: одно-, двух- или трехмерное. В одномерном пространстве геометрические отношения объекта и ориентира характеризуются как длина отрезка между двумя точками (X и Y) на прямой линии. В двумерном пространстве – как ориентация относительно объекта, обладающего длиной и шириной в системе координат – модели пространства, строящейся с помощью фронтальной (перед-зад) и латеральной (лево-право) осей. В трехмерном – как ориентация относительно объекта, обладающего высотой, шириной и глубиной в системе координат, содержащей третью ось – вертикальную (верх-низ) [29; 162; 266]. Таким образом, выражаемые предлогами отношения объектов в одномерном пространстве мы будем

определять как случаи отсутствия контекстной актуализации сем ширины и глубины ориентира, даже в случаях когда ориентир является объемной фигурой, но отображен в сознании как картографическая координата (например: *бежать к дереву, находиться у реки* и т. п.). В двухмерном пространстве – как ориентация относительно объектов, у которых не учитывается глубина (например: *лежать на ковре, бежать по футбольному полю* и т. п.). В трехмерном – относительно тех объектов, трехмерность которых принципиальна для контекста (например: *сидеть на стуле, идти в комнату*; ср. *сидеть на полу, идти в поле*).

При топологическом анализе положения объектов происходит абстрагирование от конкретных геометрических параметров пространственно соотносимых предметов и отношений между ними и дается характеристика таким их отношениям, как «содержание», «замыкание», «совпадение контуров», «совпадение точек», «параллельность» и т. п. [162; 229; 256; 258; 267].

Существуют различные способы их описания. Так, например, Дж. Миллер [265] предлагает выделять для всех языковых элементов с пространственным значением две семантические категории: сущность («entity») – определенная область или граница ориентира, служащая местом расположения / указателем направления объекта, и релятор («relator») – область между ориентиром и объектом как область их взаимодействия. По мнению автора, наречия, предлоги и приставки могут выражать не просто пространственные отношения между объектами, а нечто материально существующее в реальном мире, некую сущность (entity). Основными сущностями, по мнению автора, являются: 1) поверхности объектов (the surfaces of objects); 2) пространство, прилегающее к поверхностям (the space adjacent to the surfaces); 3) внутреннее пространство объектов (the interior of objects); 4) внешние очертания объектов (the exterior of objects); 5) пространственные сегменты (areas of space). В приложении к характеристикам физических объектов перечисленные выше основные «сущности» конкретизируются и их инвентарь расширяется. Например,

поверхности объектов распадаются на «верхние» (superior) и «нижние» (inferior); пространство, прилегающее к поверхностям, на «надпространство» (supspace), прилегающее к верхней поверхности объекта, «околопространство» (circumspace), прилегающие ко всем поверхностям объекта и «близьпространство» (proxspace) – пространство вблизи объекта и т. д. Локативные сочетания описываются автором путем выделения набора сущностей и указания на характер отношений между ними [265]

С другой стороны, существуют исследования, в которых важным критерием выступают пространственные параметры релятора. Например, Б. Хокинс предлагает анализ не отдельного предлога, а целых категорий, которые выделяет на основе различия признаков n-мерности и замкнутости-незамкнутости пространства. Таких категорий он указывает три: channel (путь) – отрезок на прямой, surface (поверхность) – пространство в двухосной системе координат и medium (среда) – пространство в трехосной системе координат [256].

Таким образом, анализируя категорию «entity (сущность)» авторы дают описание образной схемы пространства, лежащей в основе семантической структуры конкретного производного предлога через описания особенностей расстояния между объектом и ориентиром; рассматривая категорию «relator (релятор)» – образной схемы в основе общей для различных предлогов пространственной категории – типе пространства.

На основании вышеуказанных геометрических и топологических характеристик мы предлагаем для описания прототипической семантики базиса предлога использовать нижеперечисленные признаки.

1. По назначению характеризуемых объектов в пространстве:

а) ориентир («релятум») – объект, относительно которого определяется ориентация другого объекта;

б) собственно объект («референт», «траектор») – объект, ориентация которого определяется.

2. По характеристике отношений между объектом и ориентиром:

а) расстояние от ориентира до объекта, пребывающего в статике – отрезок, соединяющий точки расположения ориентира и объекта;

б) расстояние от ориентира до объекта, пребывающего в / испытывающего динамичное действие – путь от ориентира до объекта, представленный отрезком между данными координатами;

3. По типу пространства (характеристика «релятора»):

а) отрезок на прямой – одномерное;

б) плоская фигура как очерченное пространство на плоскости – двухмерное;

в) система координат с тремя осями: вертикальной (верх-низ), фронтальной (перед-зад) и латеральной (лево-право) – трехмерное пространство.

Расстояние между объектом и ориентиром предлагаем характеризовать в качестве отрезка от точки расположения объекта до точки расположения ориентира, существующего в различных типах пространств: в трехмерном – при осмыслении ориентира как конкретной части, стороны или области объемной фигуры (например: *одевать шапку на голову ребенка, сидеть за столом*), в двухмерном – при понимании ориентира как очерченного пространства на плоскости (*идти по ковру, дом за рекой*), в одномерном – при отсутствии актуализации семантики границ ориентира и осмысления его как картографической координаты (*идти к дому*).

4. При описании конкретной области объекта, выполняющей функцию ориентира для расположения либо направления объекта (характеристика пространства-сущности), предлагаем следующую таксономию пространственных ориентиров, основывающуюся на классификации семантики английских предлогов А.А. Закарян [89]:

а) область совпадения локализации объекта и ориентира (*с, при, в*);

б) область на поверхности ориентира (*на, по*);

в) область внутри ориентира (*в, по*);

- г) область вне пределов ориентира (*за, над, о, перед, под, при, с, у*);
- д) область около (вблизи) ориентира (*за, над, о, перед, под, при, с, у*);
- е) область перед ориентиром (*перед*);
- ж) область позади ориентира (*за*);
- з) область напротив ориентира (*за, перед, при, с, у*);
- и) область выше поверхности ориентира (*над*);
- к) область ниже ориентира (*под*);
- л) область между ориентирами (*в*);

м) область вокруг ориентира (только в семантике префикса *о*, например: *овевать, обливать, окрашивать, очищать, охватывать*);

- н) область, располагающаяся вдоль ориентира (*по*);
- о) область, располагающаяся поперек ориентира (*через*);

и добавляем две категории для предлогов, обладающих семантикой направления и не способных выражать местоположение:

- п) путь в сторону ориентира (*к, до*);
- р) путь от ориентира (*от, с, из*).

5. По характеристике протекания процесса / действия / состояния:

- а) статичное: местоположение относительно ориентира – локальная семантика («локум»);
- б) динамичное: направление относительно ориентира – директивная семантика («вектор»).

Под функциональными отношениями между предметами понимается вторичная непространственная семантика, передаваемая пространственными предлогами, чаще всего дающая представление о том, как объекты могут взаимодействовать друг с другом «физически, социально или любым иным конвенциональным способом» [261; 264].

Иллюстрацией к вопросу об интерпретации всех предложных значений в рамках пространственных координат может послужить исследование М.В. Варламова и М.П. Варламовой «Топологические модели прототипической семантики английских предлогов», в которой непространственные значения

предлога *at* представлены в виде набора визуально репрезентированной топологии. Согласно представлению авторов, первооснову «универсального концепта “пространство”» в фило- и онтогенезе составляет зрительное восприятие, служащее «отправной точкой для широкого круга самых различных образных рефлексий и переосмыслений (что находит отражение в полисемии предлогов)», в связи с чем расширение семантики предлога формирует ментальное «квазипространство» [41]. Таким образом, анализ полисемичной структуры непроизводного предлога производится путем описания его лексико-семантических вариантов через пространственную образную схему с изменением в ней представлений об ориентире как сфере функционирования объекта и типе самого пространства. Так, ориентир может пониматься не как материальный объект, выполняющий функцию пространственной координаты, а как точка на временной шкале или на шкале количества / меры / величины, в сфере образа действия, проявления свойств объекта, причинного, целевого поля и т. п.

Высказанное в когнитивной лингвистике понимание семантической структуры непроизводного предлога как категории, основанной на пространственной образной схеме и имеющей в своей структуре метафоризированные непространственные значения, находит отражение в отечественной функциональной школе. Так, теория ономазиологии указывает на то, что языковой смысл может актуализироваться в ряде номинативных единиц посредством номинатемы. Структура номинатемы соотносится с семантической структурой полисемичной языковой единицы как ядро с периферией в полевой структуре. При этом в ономазиологии понятийной категорией, отраженной в языковом смысле, называются категории языка, формирующие высказывание и сосредотачивающие в себе самые общие синтаксические смыслы. Таким образом, сформированные реализацией в речи лексико-семантические варианты одной номинативной единицы под влиянием синтаксической семантики могут порождать непространственные значения, в связи с чем ЯС «пространство», отображенный в номинатеме языковой

единицы, замещается иными ЯС. В нашей работе мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой семантика предлога представляет собой соотносимую с ЯС радиальную структуру с прототипическим членом в основе, содержащую как пространственные, так и непространственные значения.

Как было отмечено, в качестве инструмента анализа языковой единицы ономаσιология предлагает «ономаσιологическую структуру», содержащую три компонента – базис, признак и предикат. Центральным компонентом ономаσιологической структуры является базис, отображающий семантику первичной категоризации языковой единицы, а применительно к предлогам – ядро его полевой семантической структуры. Исходя из того, что неизменяемые предлоги в своем исходном значении выражают языковой смысл «пространство», ономаσιологическим базисом мы будем считать семантику пространственных отношений компонентов образной схемы, лежащей в основе исходного значения неизменяемого предлога. Ономаσιологическим признаком, выделяющим языковую единицу внутри класса подобных единиц, предлагаем считать уникальное контекстное значение, расширяющее семантику базиса предлога под воздействием синтаксического окружения. Ономаσιологическим предикатом, выражающим значение отношений базиса и признака, – семантику языковой природы вербальной единицы, определяющую ее функцию в языке – релятивную у предлога или результативную у глагольного префикса. Таким образом, ономаσιологическая структура предлога отображает грамматическую и модальную семантику, формируемую им в контексте, а компоненты ономаσιологической структуры предлога отображают компоненты пропозициональной структуры высказывания.

Периферия полевой структуры предлога формируется из вторичных значений, образованных в результате воздействия на ономаσιологический базис предиката и признака в ономаσιологической структуре предлога. Так как ономаσιологический предикат указывает на функцию языковой единицы, то в результате его воздействия на ономаσιологический базис в функционально-семантическом поле предлога формируется значение с актуализированной

грамматической функцией, что приводит к большей грамматикализации предлога. В теории языкознания под грамматикализацией принято понимать процесс, при котором «лексический материал в определенных синтаксических функциях принимает участие в строении языка, особенно в его морфосинтаксических конструкциях» [2]. Применительно к предлогам мы будем отмечать процесс грамматикализации в случае частичной или полной утраты им пространственной семантики под воздействием усиления грамматической функции. При этом на основании двух типов грамматикализации – 1) процесса развития лексического слова в грамматикализированную форму и 2) перехода от аналитического способа выражения грамматического значения к синтетическому [91, с. 71], – мы будем выделять у предлогов следующие типы грамматикализации: 1) развитие значения «приглагольной» или «приименной скрепы», выполняющей функцию связки при глагольном управлении падежной формой и 2) процесс перехода предлога (падежной формы) в префикс (префиксальное слово).

Таким образом, усиление грамматической функции предлога в высказывании приводит к усилению релятивного значения в его семантической структуре и отображается в ономасиологической структуре наложением на ономасиологический базис ономасиологического предиката. Напомним, что, согласно концепции Л. Леннгрена, при актуализации релятивной функции предлог занимает узловую позицию в семантическом графе и предикативную в пропозиции. Из этого следует, что предикативная семантика предлога в высказывании соответствует предикатной семантике в его ономасиологической структуре.

Аналогичный процесс наблюдается при контекстном расширении либо видоизменении пространственного значения предлога или его замещении на непространственное. Данный процесс является актуализацией модальной семантики – контекстного фона, связанного с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объектов номинации и являющегося результатом актуализации номинативной единицы в речи. В ономасиологической структуре

предлога данный процесс представлен наложением признака, отображающего контекстную семантику, на базис.

Выводы

Функциональная омонимия – разновидность вторичной номинации, представляющая результат трансформационных процессов в языке. Процессы номинации являются объектом исследования ономазиологии – отрасли семантики, изучающей единицы именованности в функциональном аспекте: от значения к форме [249, с. 345]. Ономазиологию традиционно принято считать разделом функциональной грамматики (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Н.Д. Голев, В.П. Даниленко, В. Матезиус, В.М. Никитевич, Б.А. Серебрянников, Е.Н. Сидоренко, Л.В. Щерба и др.), однако ономазиология также является объектом изучения когнитивной лингвистики (работы Х. Зайлер, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой), что обусловлено, во-первых, историей зарождения теории ономазиологии, а во-вторых, объединением на рубеже XX–XXI веков некоторых аспектов функциональной лингвистики с когнитивной.

В современном языкознании одним термином «теория трансформаций» обозначены два различных лингвистических направления – морфологическое учение о переходности в области частей речи, разрабатываемое в русле функционализма, и «трансформационная (генеративная) грамматика» Н. Хомского, изучающая типы модификаций синтаксических структур в соответствии с психологическим моделированием категорий грамматики. Функциональная омонимия является составной частью первого направления, которое, вслед за В.Н. Мигириным, называем трансформациологией.

Изучение и обобщение существующих способов когнитивно-ономазиологического описания вторичной номинации позволило обосновать методику анализа семантической структуры предлога как совокупности производных значений и новых синтагматических функций, формирующих межуровневую префиксальную омонимию. В когнитивной и функциональной

школах лингвистики неизпроизводный предлог рассматривается как член категории локативности, а его семантическая структура – как конкретная модель данной категории. Семантическая категория локативности представлена радиальной структурой с ядром, формирующим общую семантику категории, и периферией (в функционализме – «функционально-семантическое поле», в когнитивизме – прототипически ориентированные элементы). Категория локативности определяется как семантическая категория, ядерное значение которой реализуется в неизпроизводных значениях специализированных языковых средств, представленных семантикой пространственных отношений, а периферия – во вторичных значениях данных единиц, представленных непространственной семантикой. Соответственно, семантическая структура предлога понимается как радиальная структура, ядерным членом которой выступает неизпроизводное значение, выражающее пространственные отношения, а в качестве периферии – вторичные значения: расширяющие, сужающие или утрачивающие первичную пространственную семантику.

В когнитивистике принято описывать неизпроизводную семантику предлогов (инвариантное значение категории) в качестве пространственной образной схемы, характеризующей геометрические и топологические отношения между предметами объективной действительности, такие как расстояние, направление, путь, траектория, вмещение, наложение, совпадение точек и контуров, параллельность и под. Для анализа ядерного значения предлога когнитивная лингвистика предлагает использовать математические приемы описания пространственных отношений; при исследовании периферии – описание вторичных значений языковой единицы как результата когнитивной метафоры

В теории ономазиологии представлены функционально-семантические категории – языковые смыслы. В основе языкового смысла лежит не семантическая категория, а семантико-грамматическая, выражающая семантический инвариант, соотносимый с самыми общими синтаксическими смыслами, такими как «предметность», «признак предмета», «процесс

(действие, отношение как процесс)», «состояние» (безлично-предикативное свойство), «качество, образ и способ действия», «пространство», «время», «причина и следствие», «цель», «условие», «уступка», «мера и степень», «количество и число».

ЯС «пространство» обладает структурой, соответствующей функционально-семантической категории «локативность», и реализуется в ряде разноуровневых номинативных единиц посредством номинатемы – модели номинации, материализующейся в языковой единице любого типа как в тождестве всех ее лексико-семантических вариантов [211]. В речи лексико-семантические варианты одной номинативной единицы под влиянием синтаксической семантики могут порождать непространственные значения, в связи с чем ЯС «пространство» может замещаться иными ЯС. Предлог в теории ономазиологии является номинативной единицей и выступает в качестве конкретной реализации номинатемы – модели номинации.

В качестве инструмента анализа номинатемы когнитивная ономазиология предлагает «ономазиологическую структуру», содержащую три компонента – базис, признак и предикат. Центральным компонентом ономазиологической структуры является базис, отображающий семантику первичной категоризации языковой единицы, а применительно к предлогам – его производное (или этимологическое) значение. Исходя из того, что производные предлоги в своем исходном значении выражают языковой смысл «пространство», ономазиологическим базисом мы будем считать семантику пространственных отношений. Ономазиологическим признаком, выделяющим языковую единицу внутри класса подобных единиц, мы предлагаем считать уникальное контекстное значение, расширяющее семантику базиса предлога под воздействием синтаксического окружения. Ономазиологическим предикатом, выражающим значение отношений базиса и признака, – семантику языковой природы вербальной единицы, определяющую релятивную функцию предлога.

Расширение семантики предлога, формирование у него вторичных значений, внутри- и межуровневых омонимов происходит на основании общих

правил семантического взаимодействия элементов ономаσιологической структуры под влиянием ономаσιологического признака и предиката. Под межуровневым переходом языкового знака мы будем понимать результат взаимодействия компонентов его ономаσιологической структуры путем изменения семантики ономаσιологического базиса под влиянием ономаσιологического признака или предиката в результате процессов контаминации или замещения. Так, воздействие ономаσιологического предиката актуализирует в ономаσιологическом базисе значение грамматической функции, что приводит к чрезмерной грамматикализации предлога и выражается в усилении его релятивной семантики. При наложении ономаσιологического признака на ономаσιологический базис осуществляется процесс модалации предлога. Под модалацией мы будем понимать проявление контекстной семантики, связанной с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объектов номинации, как результата актуализации номинативной единицы в речи.

На основании того, что префикс представляет собой производную единицу межуровневой функциональной омонимии предлога и является результатом его синтагматической вторичной номинации, мы выдвигаем гипотезу о существовании в семантической структуре префикса идентичной ономаσιологической структуры и процессов, аналогичных процессам в ономаσιологической структуре исходного предлога.

РАЗДЕЛ 2.
СВОЕОБРАЗИЕ ОПИСАНИЯ ВНУТРИ- И МЕЖУРОВНЕВЫХ
ОМОНИМОВ ПРЕДЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Своеобразие семантики непроеводных предлогов в русском языке. Анализ лексикографических статей непроеводных предлогов в «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [196] и в труде «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского (МДСДЯ) [203] показал, что непроеводные предлоги в русском языке полисемантически, обладают многокомпонентной семантической структурой. Так, в ССРЛЯ у предлога *НА* указано 33 значения, у предлога *С* – 31, у предлога *В* – 29, у предлога *ЗА* – 26, у предлога *ПО* – 22, у предлога *ОТ* – 21, у предлога *ПОД* – 18, у предлога *ПРИ* – 16, у предлога *ИЗ* – 13, у предлога *У* – 10, у предлога *ПРЕД* – 9. Меньшее количество значений в ССРЛЯ зафиксировано у предлогов *О* (6 значений), *ДО* (5 значений), *НАД* (4 значения). В МДСДЯ, в отличие от ССРЛЯ, наибольшее количество значений отображено в семантической структуре предлога *ПО* – 31 значение. Меньшее количество значений указано в семантических структурах предлогов *НА* – 26 значений, *ЗА* – 21, *В* – 15, *СЪ* – 17, *О* – 15, *ОТЬ* – 13, *ПОДЪ* – 11, *ДО* и *НАДЪ* – 7, *ПЕРЕДЪ* и *ПРИ* – 6. Наименьшее – у предлога *У* (3 значения). Представляет интерес сравнительный анализ семантической структуры предлогов в древнерусском и современном русском языке.

В лексикографии принято начинать словарную статью первичным и основным значением полисемичной единицы. Такое значение не обусловлено контекстом, парадигматически закреплено и синтагматически свободно. Оно непосредственно отражает экстралингвистическую реалию и является денотативным [171]. В лексикографических описаниях МДСДЯ всех предлогов и большинства предлогов в ССРЛЯ первыми представлены значения, формирующие языковой смысл «пространство». При этом часть предлогов

выражает пространственные отношения в статике – семантику расположения объекта относительно ориентира в состоянии покоя (предлоги *НАД*, *ПРЕД*, *ПРИ*, *У* и др.), часть – в динамике – ориентацию объекта относительно ориентира как вектора направления движения (предлоги *ИЗ*, *ОТ* и др.). Мы предлагаем различать у предлогов две подкатегории смыслов в структуре языкового смысла «пространство»: «местоположение» и «направление», характеризующих два типа пространственных отношений – локализации и векторной направленности. А исходя из того, что пространственное значение производного предлога является ядерным и проявляется как базисное в его ономаσιологической структуре, мы выделяем в языке две разновидности базисного значения производных предлогов.

Необходимо отметить, что лексикографическое описание предлогов *ДО* и *О* в ССРЛЯ существенно отличается от других предлогов: у предлога *ДО* лексико-семантический вариант (ЛСВ), выражающий пространственные отношения, указан пятым, а у предлога *О* – шестым. Так, предлог *О* в шестом (последнем и непродуктивном) ЛСВ выражает пространственную семантику направления действия / движения: «б. *С вин. пад. Устар. и обл.* Указывает на место совершения действия, означая: рядом, вплотную с кем-, чем-либо. [*Валентина Михайловна*] посадила его возле себя о правую руку. *Коломейцев сидел о левую. Тург. Новь*» [196, т. 8, с. 8]. В своем первом ЛСВ предлог *О* выполняет исключительно грамматическую функцию – «употребляется для обозначения предмета речи, мысли, чувства при управляющем слове соответственного содержания», например, «а) При управляющем глаголе со значением речи, мысли, чувства. *Заботиться обо всех. Просить о помиловании*» [196, т. 8, с. 5]. Таким образом, исконное пространственное значение архаизируется и выходит из узуса, а в качестве основного используется наиболее продуктивное в современном русском языке, характеризующее объектные отношения и выражающее языковой смысл «предметность».

У предлога *ДО* пятый ЛСВ «указывает направление действия, приближение к чему-либо (часто совпадает в значениях с предлогами *к*, *ко*). *И березы старые, столетние Опустили ветви до земли. Твард. Страна Муравия, гл. 11*» [196, т. 3, с. 831] и выражает пространственный языковой смысл «направление». Первый ЛСВ предлога *ДО* имеет значение «1. Указывает на расстояние, пространство, отделяющее один пункт от другого. *До стога было не больше метров семидесяти. Леон. Взятие Великошумска*» [196, т. 3, с. 829] и выражает языковой смысл «мера». На наш взгляд, осмысление основного значения предлога, обладающего пространственной семантикой «направление», в качестве ЯС «мера» связано с процессом первичной ментальной категоризацией явлений действительности в статике. Так, семантика пути объекта от ориентира модифицируется в статике в значение величины расстояния от объекта до ориентира.

Однако в ССРЛЯ у антонимичного предлогу *ДО* предлога *ОТ*, также выражающего категории «направление» и «мера», значение с ЯС «пространство» отмечено как первичное: «1. Употребляется для обозначения места, предмета, являющегося отправной, исходной точкой движения, перемещения кого-, чего-либо. (Предлог *от* противоположен предлогу *о* и *к*). *Учитель сказал мне, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то вернешься к ней с другой стороны. Гонч. Фрег. Паллада*» [196, т. 8, с. 1225], «2. Употребляется для обозначения места, являющегося исходным пунктом при определении расстояния, названного управляющим словом. *Близко от леса. • В нескольких верстах от моей деревни находится большое село Шумихино. Тург. Малин. вода*» [196, т. 8, с. 1226].

Различное представление языковых смыслов предлогами *ДО* (ЯС «мера») и *ОТ* (ЯС «направление») ядерными семами (что нашло отражение в лексикографических статьях), на наш взгляд, обусловлено характером описания объекта в образной схеме данных предлогов – выполнением либо невыполнением им функции дополнительного ориентира, формирующего точку начала (для предлога *ДО*) и точку конца (для предлога *ОТ*) измерения

пространства. Так, при построении отрезка, характеризующего путь от ориентира до объекта, объект мыслится как активный субъект действия, а при описании этих же предлогов в статике субъект теряет значение исполнителя действия и предлоги указывают местоположение субъекта как точки по отношению к ориентиру. В геометрической схеме векторной семантики предлога *ДО* ориентир определяется в качестве конечной точки направления движения субъекта (напр.: *идти до ближайшего дома*). Таким образом, между субъектом и ориентиром существует пространство, понимаемое как преодолеваемое расстояние – «путь». При описании предлога *ДО* в статике субъект имплицитен, однако сохраняет семантику субъекта речевой ситуации, в связи с чем сохраняется семантика пространства между субъектом и ориентиром, преобразующаяся в дальнейшем в значение величины расстояния и в языковой смысл «мера» (напр.: *до леса было три километра*). В геометрической схеме векторной семантики предлога *ОТ* субъект занимает положение возле ориентира – начальной точки движения – и движется от него без конкретизации конечной точки пути. При описании предлога *ОТ* в статике объект перестает осознаваться как субъект действия и характеризует противоположную ориентиру конечную точку измерения пространства (напр.: *магазин располагается в пяти метрах от дома*).

Из этого следует, что категория статики при геометрическом описании пространства может формировать не только языковой смысл «местоположение», но и языковой смысл «мера и степень». Таким образом, категории статики и динамики характеризуют действие / состояние объекта через характер его взаимодействия с ориентиром, а категории местоположения и направления характеризуют сам объект, понимаемый либо как точка, либо как вектор в геометрической схеме пространства. В связи с чем категория «местоположение», определяющая объект как точку в геометрической схеме пространства, может реализовываться в контекстах как со статичным, так и с динамичным действием: главным ее отличием от категории «направление» будет отсутствие семантики вектора движения относительно ориентира. Так,

например, предлог *ПО* в своем первом значении «употребляется при обозначении предмета, на поверхности которого происходит действие или располагается кто-, что-либо. *Книги разбросаны по столу. Пароход идет по морю. Спускаться по лестнице*» [196, т. 10, с. 5]. Таким образом, данное положение свидетельствует о нетождественности категорий «статика» – «динамика» и «местоположение» – «направление», выражаемых производными пространственными предлогами.

На основании вышесказанного в ССРЛЯ и МДСДЯ мы выделяем три группы производных локативных предлогов, выражающих ЯС «пространство»: с семантикой местоположения, с семантикой направления, с контекстно обусловленной семантикой либо местоположения, либо направления.

1. Предлоги, обладающие семантикой местоположения в древнерусском и современном русском языках.

Предлог *НАД*:

в МДСДЯ значение местоположения в ЛСВ «б) с творительным падежемъ 1) для обозначения мѣста, находящагося выше другого: – <...> Сталь бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ. *Новг. I л. 6723 г.*» [203, т. 2, с. 280];

в ССРЛЯ (употребляется с твор. падежом) семантика местоположения зафиксирована в ЛСВ «1. Для обозначения расположения, пребывания, действия кого-, чего-нибудь поверх, выше кого-, чего-либо. Противопол.: *под* <...> *Чибисы с криком вьются над болотом. Тург. Лес и степь. Над толпой колыхалась туча копоти и пыли. М. Горький, Мать.* <...> [базис выражает семантику статичного либо динамичного положения объекта выше ориентира в одном из трех типов пространств];

// Поверх, выше, но в сторону от кого-, чего-нибудь. *Напр. Брожу над морем, жду погоды. Пушкин. Е. О. Над моей кроватью стоял Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу. Купр. Олеся*» [базис выражает семантику статичного либо динамичного положения объекта выше и в стороне от

ориентира, представленного очерченным пространством на плоскости либо объемной фигурой] [196, т. 7, с. 127–128].

Таким образом, базис включает семантику статичного либо динамичного положения объекта выше от / выше и в стороне от ориентира, представленного точкой, очерченным пространством на плоскости либо объемной фигурой.

Предлог *О*:

в МДСДЯ первый ЛСВ обладает семантикой местоположения, производный и основной для древнерусского языка: «а) съ винит. пад. 1) для обозначенія мѣста – близь, у, на, около: – <...> възнесеса на нбса и седе о десну Ба Оца *Нест. Бор. Гл. 4*» [203, т. 2, с. 491]; «б) съ мѣстн. пад. 1) для означенія мѣста – въ, на, около: – <...> Съступиса море ѿ Фараѡнѣ и ѿ воихъ его. *Пов. вр. л. 6494*» [203, т. 2, с. 492];

в ССРЛЯ семантика местоположения (употребляется с *предл.* и *вин.* падежами) отмечена как категория «V. Пространственные отношения», ЛСВ «б. С *вин. пад. Устар. и обл.* Указывает на место совершения действия, означая: рядом, вплотную с кем-, чем-либо. [*Валентина Михайловна*] посадила его возле себя, о правую руку. *Колomeйцев сидел о левую. Тург. Новь*» [196, т. 8, с. 8].

Таким образом, базис обладает семантикой статичного либо динамичного местоположения объекта около, вблизи ориентира как точки, очерченного пространства на плоскости либо объемной фигуры.

Предлог *ПЕРЕД*:

в МДСДЯ представлен ЛСВ местоположения «б) съ твор. пад. 1) для обозначенія мѣста – впереди: – <...> Причащалися передъ царьскими дверми. *Кипр. м. посл. Пск. дух. д. 1395 г.*» [203, т. 2, с. 904];

в ССРЛЯ (употребляется с *твор.* и (*устар.*) *вин.* падежами) вербализуется категория «I. Выражает пространственные отношения», ЛСВ «1. а) С *твор. падежом.* На некотором расстоянии от лицевой стороны, впереди кого-, чего-либо (в сочетании с *твор. падежом* имени отвечает на вопрос: где?)... *В столовой Даша села перед вазой с увядшими цветами и принялась их*

ощипывать на скатерть. А.Н. Толст. Сестры. б) С вин. падежом. Устар. На некоторое расстояние от лицевой стороны, впереди кого-, чего-либо (в сочетании с вин. падежом имени отвечает на вопрос: куда?). Стань вот тут перед иконы, Я постельку стану стлать. Не спеши же класть поклоны, Богородицу читать. Фет, Ворот» [196, т. 9, с. 542].

Таким образом, базис указывает на статичное либо динамичное положение объекта возле одной из сторон объемного ориентира либо очерченного пространства на плоскости.

Предлог *ПО*:

в МДСДЯ семантика местоположения закреплена в ЛСВ «а) съ дат. пад. «1) для обозначенія мѣста – по, на, въ.: – Ходѣ по морю <...> Мѡ. XVI. 26 Остр. ев.» [203, т. 2, с. 979];

в ССРЛЯ (употребляется с *дат.*, *вин.* и *предл.* падежами) – в категории «Пространственные отношения», ЛСВ «1. С *дат.* употребляется при обозначении предмета, на поверхности которого происходит действие или располагается кто-, что-либо. *Книги разбросаны по столу. Пароход идет по морю. Спускаться по лестнице»* [базис выражает динамичное местоположение объекта на поверхности ориентира в любом из трех типов пространств]. 2. С *дат.* употребляется при обозначении места, пространства, в пределах, границах которого совершается действие. *Гулять по городу. <...> В этот вечер я долго играла ему, а он ходил по комнате и шептал что-то. Л. Толст. Сем. счастье, II, б»* [базис выражает динамичное местоположение объекта на поверхности ориентира, имеющего границы и воспринимающегося либо объемной фигурой, либо очерченным пространством на плоскости] [196, т. 10, с. 5].

Таким образом, базис выражает динамичное местоположение объекта в пределах ориентира в любом из трех типов пространств.

Предлог *ПРИ*:

в МДСДЯ («предлогъ, употребляющійся съ мѣстнымъ падежемъ») зафиксирован ЛСВ «1) близость по мѣсту – при, у, на: – Стояше Иіс при езерѣ Генисаретъсцѣ <...> Лук. V. 1. *Остр. ев.*» [203, т. 2, с. 1376];

в ССРЛЯ (предлог, употребляющійся с *твор.* падежом) категория «I. Пространственные отношения», ЛСВ «1. В непосредственной близости от какого либо места; около, возле кого-, чего-либо. <...> *Мы присели на бревно, оставленное возчиками леса еще зимой при дороге. Пришв. Молоко от коровы.* <...> [базис выражает динамичное или статичное положение объекта возле ориентира как объемной фигуры, очерченного пространства на плоскости либо точки] // Поблизости от чего-либо, рядом с чем-либо. *Варнавин – довольно чистенький городок на Ветлуге, при впадении в нее Лапшанги. Салт. В среде умеренности, III, 5*» [базис обладает семантикой статичного положения объекта возле ориентира как точки, объемной фигуры либо очерченного пространства на плоскости] [196, т. 11, с. 319–320].

Таким образом, базис выражает динамичное или статичное положение объекта возле ориентира как точки, объемной фигуры либо очерченного пространства на плоскости.

Предлог *У*:

в МДСДЯ («предлогъ, употребляющійся съ родит. падеж.») ЛСВ «1) для указанія мѣста – при, подлѣ: – Бывша рано оу гроба <...> Лук. XXIV. 22. *Остр. ев.*» [203, т. 3, с. 1107];

в ССРЛЯ (употребляется с *род.* пад.) ЛСВ «1. При указании на предмет или место, около, возле которого кто-, что-либо находится или что-либо происходит. *В передней толкотня, тревога; В гостиной встреча новых лиц, Шум, хохот, давка у порога. Пушкин. Е. О., 5. [Наташа] жила тогда на Фонтанке, у Семеновского моста. Дост. Униж. и оскорбл.*» [196, т. 16, с. 5].

Таким образом, базис выражает динамичное или статичное положение объекта возле ориентира в одном из трех типов пространств.

2. Предлоги, обладающие семантикой направления в древнерусском и в современном русском языках.

Предлог *ДО*:

в МДСДЯ значение направления зафиксировано в ЛСВ «1) для обозначения границы движения къ мѣсту <...>: – <...> Петръ издалече въ слѣдъ юго иде до вѣнжтръ, въ дворъ архиереевъ <...> *Мр. XIV. 54. т. ж.*» [203, т. 1, с. 670];

в ССРЛЯ (употребляется с *род. пад.*) значение направления закреплено в ЛСВ «5. Указывает направление действия, приближение к чему-либо (часто совпадает в значениях с предлогами *к, ко*). *И березы старые, столетние Опустили ветви до земли. Твард. Страна Муравия, гл. 11. – Вот и до места доехали, – молвил ямщик, поворачиваясь ко мне. Салт. Невин. рассказ., IX.*

• Обл. Заменяет предлог *К* <...> *Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо до комиссара. Гог. Ночь перед Рожд.*» [196, т. 3, с. 831].

Базис выражает семантику направления объекта к ориентиру, независимо от пространственных характеристик, воспринимаемого как точка на векторной прямой и существующего в одномерном пространстве.

Предлог *ИЗ*:

в МДСДЯ ЛСВ предлога даются путем синонимического толкования. Пространственное значение представлено указанием семантики, синонимической предлогу «отъ»: «Изъ юности моѣѡ *Лук. XVIII. 21. Остр. ев.*» [203, т. 1, с. 1082–1083];

в ССРЛЯ (употребляется с *род. падежом*) указана категория «пространственные отношения», ЛСВ «1. Обозначает место, откуда направляется чье-либо движение. <...> [*Щенок*], *несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды. Тург. Муму*» [196, т. 5, с. 82–83].

Базис выражает семантику направления объекта из внутреннего пространства ориентира как объемной фигуры либо очерченного пространства на плоскости.

предлог *OT*:

в МДСДЯ («предлогъ, употребляющійся съ род. пад.») ЛСВ направления «1) для указанія мѣста отправленія, исхожденія – отъ, изъ: *Отъшьдѣша бѣжаша отъ гроба <...> Мр. XVI. 8. Остр. ев.»* [203, т. 2, с. 770];

в ССРЛЯ (употребляется с *род.* пад.), категория «I. Пространственные отношения», ЛСВ «1. Употребляется для обозначения места, предмета, являющегося отправной, исходной точкой движения, перемещения кого-, чего-либо. (Предлог *от* противоположен предлогу *до* и *к*). *Учитель сказал мне, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то вернешься к ней с другой стороны. Гонч. Фрег. Паллада* [базис выражает семантику направления объекта от ориентира, независимо от пространственных характеристик воспринимаемого как точка на векторной прямой и существующего в одномерном пространстве] <...>

// Употребляется для обозначения направления движения. *И все время станет от моря дуть ветер, наносить холодок. Паустов. Рожд. моря»* [базис выражает семантику вектора направления движения как координатного луча вне зависимости от пространственных характеристик ориентира] [196, т. 8, с.1225]. [196, т. 8, с. 1225].

Таким образом, базис выражает семантику направления объекта от ориентира, независимо от пространственных характеристик воспринимаемого как точка на векторной прямой и существующего в одномерном пространстве.

Предлог *С*:

в МДСДЯ ЛСВ направления вербализуется как «предлогъ, употребляющійся съ род. пад. 1) для обозначенія движенія отъ какого нибудь мѣста – съ, отъ: – *Съшьдѣи съ нѣсе Снѣ члѣвчскѣи <...> Ио. III. 13. Остр. ев.* <...> – съ вин. пад. <...> 2) для обозначенія мѣста, откуда направлено дѣйствіе

или движение: – Робы и беглецы выдати с обѣ сторонѣ по испраѣ. *Дог. гр. Новг. 1426–1421*» [203, т. 3, с. 636, 638];

в ССРЛЯ (употребляется с *род.*, *вин.* и *твор.* падежами) категория «пространственные отношения», ЛСВ направления: «1. С *род. пад.* Употребляется при указании на пространство, место как исходный пункт, откуда направлено действие, движение. *Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка. Гог. Тарас Бульба, I <...> Со дна пруда поднимались болотные газы. А.Н. Толст. Детство Никиты*» [196, т. 13, с. 13].

Базис выражает семантику места как исходного пункта и семантику направления объекта от ориентира в любом из трех типов пространств; синонимичен *из, от*.

3. Предлоги, обладающие контекстной семантикой «местоположение» либо «направление»:

предлог *В*:

в МДСДЯ семантика местоположения представлена ЛСВ «а) с *винит. падежемъ* 1) для обозначения мѣста на вопросъ куда: – <...> Приде архейпѣ Иоа(нѣ) въ Новѣгородѣ. *Новг. I л. 6618 г.*» [203, т. 1, с. 323];

семантика направления отображена в ЛСВ «б) с *мѣстнымъ падежемъ*: 1) для обозначения мѣста на вопр. гдѣ: – Прѣстависѣ Володимирѣ... въ Новѣгородѣ <...> *Новг. I л. 6560 г.*» [203, т. 1, с. 323];

в ССРЛЯ (употребляется с *вин.* (А) и *предл.* (Б) падежами), «А. С *винительным падежомъ*», «1. Употребляется для обозначения направления действия, движения», ЛСВ «1. Указывает на предмет или пространство, внутрь которого направлено движение. *Несколько ягод упало в траву. Кавер. Два капит., ч. VIII, гл. 9. [Николай] осторожно снял фрак, спрятал в сундук и опять лег Чех. Мужики, VI*» [базис выражает семантику направления объекта во внутреннее пространство ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 2, с. 5],

«Б. С *предложным падежомъ*», «1. Употребляется для обозначения местоположения чего-либо», ЛСВ «1. Указывает на предмет или пространство,

внутри, в пределах которого что-либо находится, происходит. *Баймакова озабоченно роется в большом, кованом сундуке, стоя на коленях перед ним. М. Горький, Дело Артам. (XX, 24). Какая-то большая птица внезапно затрепыхалась в верхушке дерева над его головою. Тург. Конец Чертопх., XV*» [базис выражает семантику статичного либо динамичного положения объекта во внутреннем пространстве ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 2, с. 14].

Таким образом, базис выражает семантику направления объекта во внутреннее пространство ориентира и семантику статичного либо динамичного положения объекта во внутреннем пространстве ориентира.

Предлог *ЗА*:

в МДСДЯ ЛСВ предлога выражают значения «а) сь вин. пад. 1) послѣ глаголовъ, означающихъ движение а) для опредѣленія мѣста, находящагося дальше предмета, при названіи котораго стоитъ предлогъ, на вопросъ куда – <...> Бѣжа за Волокъ. *Новг. I. л. 6497г. (по Ак. сп.)* <...> – б) для обозначенія разстоянія до предмета: – Не дошдьдъше Переяславля за ·м· вѣрсть *Новг. I. л. 6688 г.*» [203, т. 1, с. 891];

«б) сь твор. падеж. 1) для обозначенія мѣста, находящагося дальше предмета, при имени котораго стоитъ предлогъ, на вопросъ гдѣ – <...> Оубиша за Волокомъ кнѣжа Глѣба. *Новг. I. л. 6587 г.*» [203, т. 1, с. 893];

в ССРЛЯ (употребляется с *вин.* и *твор.* падежами) категория «пространственные отношения»: ЛСВ «1. В то или иное место; в том или ином месте. а) *С вин.* употребляется для обозначения направления движения: куда? *Сесть за стол. Сунуть за пояс. Положить за пазуху* <...> б) *С твор.* употребляется для обозначения нахождения, пребывания: где? *Сидеть за столом. Торчатъ за поясом. Лежатъ за пазухой*» [базис выражает семантику направления объекта к задней или дальней границе ориентира, представленного объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости];

2. По ту сторону чего-либо, а) *С вин.* употребляется для обозначения направления движения: куда? *За дом. За реку. За черту.* Противопол.: откуда? <...> б) *С твор.* употребляется для обозначения нахождения, пребывания: где? *За домом. За рекой. За чертой»* [базис выражает семантику статичного либо динамичного положения объекта у задней либо дальней границы ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 4, с. 199–200].

Таким образом, базис выражает семантику направления объекта к задней или дальней границе ориентира или статичного либо динамичного положения объекта у задней либо дальней границы ориентира.

Предлог *НА*:

в МДСДЯ ЛСВ «а) съ винит. пад. 1) для означенія мѣста на вопросъ куда, – на, въ, къ: – Настѣпати на змиѧ и скорпиѧ. *Лук. X. 19. Остр. ев.»* [203, т. 2, с. 260];

«б) съ мѣстн. пад. 1) для обозначенія мѣста на вопросъ гдѣ – въ, на, по, сверху: – И излѣзь Петръ ис корабля, хождааше на водахъ <...> *Мѡ. XVI. 29. Остр. ев.»* [203, т. 2, с. 260, 264];

в ССРЛЯ (употребляется с *вин.* и *предл.* падежами), категория «пространственные отношения», ЛСВ предлога «1. *С вин. падежом* употребляется при обозначении предмета, на поверхность которого направлено действие-движение. *Положить книгу на стол. Взвалить мешок на спину. Камень упал на дно реки»* [базис выражает семантику направления объекта к поверхности ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 7, с. 5–6],

«3. *С предл. падежом* употребляется при обозначении предмета, на котором или на поверхности которого протекает действие или находится кто-, что-либо. *Стоять на крыльце. Там на берегу... Яблоки всюду – на земле, на ветках, на крытых черепицей тяжелых платформах. Саян. Небо и земля»* [базис выражает семантику статичного либо динамичного положения объекта

на поверхности ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 7, с. 8].

Таким образом, базис выражает семантику направления объекта к поверхности ориентира или статичного либо динамичного положения объекта на поверхности ориентира.

Предлог *ПОД*:

в МДСДЯ ЛСВ «а) съ вин. падежемъ 1) для указанія движенія къ мѣсту, находящемуся подъ обозначаемымъ предметомъ, – подъ: – Подъ кровь мои вънидеши <...>. *Мѡ. VIII. 8. Остр. ев. <...>* – 2) для указанія движенія къ мѣсту, находящемуся близко, у самага обозначаемаго предмета, – подъ, къ: – Придоша Свьє подъ Ладуюгоу. *Новг. I. л. 6672 г.*» [203, т. 2, с. 1048–1049]; «б) съ творит. падежемъ: 1) для указанія мѣста, находящагося подъ обозначаемымъ предметомъ, – подъ: – Отътрасѣте прахъ, иже єсть подъ ногами вашими <...> *Мр. VI. 11. Остр. ев.*» [203, т. 2, с. 1049];

в ССРЛЯ (употребляется с *вин.* и *твор.* падежами), ЛСВ «1. При обозначении предмета, ниже которого направлено действие или со стороны нижней части которого совершается действие или находится что-либо. *Под грудь он был навывлет ранен; Дымясь из раны кровь текла. Пушкин. Е. О., б. <...> Он тот же час разделся и, забравшись под одеяло, заснул. Гоголь. Мертв. души, I, б. // При обозначении предмета, к основанию, нижней части которого направлено действие или у основания, нижней части которого совершается действие или находится что-либо. Спустить под откос. Мелкие камни с шумом покатались нам под ноги. Лермонтов. Кн. Мери» [базис обладает семантикой направления объекта ниже либо возле нижней (дальней) границы ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 10, с. 208–209],*

«2. При обозначении места, в непосредственную близость к которому направлено действие или вблизи которого совершается действие или находится что-либо. *Пугачев несколько раз подступал под Оренбург. Ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся. Пушкин. Кап. дочка, 4» [базис обладает*

семантикой динамического либо статического местоположения объекта ниже либо возле нижней (дальней) границы ориентира, являющегося объемной фигурой или очерченным пространством на плоскости] [196, т. 10, с. 209];

Таким образом, базис обладает семантикой направления и семантикой динамического либо статического местоположения объекта ниже либо возле нижней (дальней) границы ориентира.

Предлоги *В, ЗА, НА ПОД* в зависимости от контекста способны выражать либо языковую категорию «местоположение» – расположение объекта по отношению к ориентире и формируют категорию «местоположение» (*быть В, НА ком? / чем? быть ЗА, ПОД кем? / чем?*), либо языковую категорию «направление» – движение объекта относительно ориентира по заданной траектории (*направляться ВО, НА, ПОД кого? / что? направляться ЗА кем? / чем?*). Таким образом, семантика местоположения либо направления у данных четырех предлогов является не фиксированной, а контекстуальной; данные предлоги обладают общим, не дифференцированным по признаку статики-динамики пространственным базисом.

Кроме предлогов *В, ЗА, НА, ПОД* в МДСДЯ выделены несвойственные современному русскому языку значения местоположения у предлога *С* и направления у предлогов *ПО, ПЕРЕДЪ, НАДЪ*. Так, предлог *ПО* в древнерусском языке использовался «в) съ мѣстн. пад.: 1) для обозначенія направленія – вслѣдъ, за: – Се вьсь миръ по нѣмъ иде <...> *Ю. XII. 20. Остр. ев.*» [203, т. 2, с. 983]. Предлог *С* – «съ вин. пад. 1) для обозначенія мѣста на вопросъ гдѣ – по, на: – <...> А въ Виеліемѣ съ лѣвую сторону Орязскіи монастырь. *Игн. Пут.*» [203, т. 3, с. 638].

В качестве пространственной семантики направления у предлога *ПЕРЕДЪ* в МДСДЯ указывается значение «а) с винит. падежемъ 1) для обозначенія движенія къ мѣсту: – къ: – Учинять имъ срокъ (явиться) передъ моихъ намѣстниковъ передъ Двинскихъ. *Уст. Дв. гр. 1398 г.*» [203, т. 2, с. 904], однако в приведенном И.И. Срезневским примере глагол динамического действия «явиться» обладает результативной семантикой, при наличии которой глагол

однонаправленного динамического действия утрачивает семантику направления. На основании этого мы полагаем, что данное значение предлога *ПЕРЕДЬ* реализует семантику местоположения. Аналогичное значение в качестве семантики направления движения приводится в МДСДЯ для предлога *НАДЬ*.

Следует отметить, что в ССРЛЯ у предлога *НАД* выделяется не только значение местоположения, но и значение направления: «4. Для выражения направленности на кого-, что-нибудь какого-либо действия. *Крестьянин на заре с сохой над полосой своей трудился. Крыл. Обезьяна. [Ракитин:] Да ты все еще над плотиной хлопочешь? Тург. Месяц в деревне*» [196, т. 7, с. 128–129]. Однако в приведенных в словаре примерах отсутствует значение вектора направления к ориентиру с семантикой преодоления расстояния – приближения или отдаления. Данный ЛСВ выражает семантику местоположения с процессуальным действием, как и в первом ЛСВ: «Для обозначения расположения, пребывания, действия кого-, чего-нибудь поверх, выше кого-, чего-либо. Противопол.: под <...> *Чибисы с криком вьются над болотом. Тург. Лес и степь. Над толпой колыхалась туча копоти и пыли. М. Горький, Мать*» [196, т. 7, с. 127–128]. Таким образом, мы не видим оснований включать предлог *НАД* в группу предлогов, способных выражать семантику и местоположения, и направления.

Также вызывает интерес тот факт, что в ССРЛЯ семантика местоположения у предлогов *В, ЗА, НА, НАД, ПОД, ПРИ, У* описывается и в статике, и в динамике – занимая неизменное положение относительно ориентира объект пребывает либо в состоянии покоя, либо испытывает / производит динамичное действие. Исключение составляет предлог *ПЕРЕД*, у которого в первом ЛСВ дана семантика местоположения объекта в статике, а в третьем ЛСВ – местоположения объекта, испытывающего / производящего динамичное действие. Подобная характеристика состояния / действия объекта выходит за рамки геометрического описания пространства и относится к сфере функционального описания значения предлогов. Поэтому при построении моделей пространственных значений предлогов мы предлагаем первичными

для предлогов с семантикой местоположения считать значения с семантикой пребывания объекта в статике, а семантику динамического действия объекта считать расширенной.

Учитывая то, что пространственные значения производных предлогов являются их базисными значениями, мы будем выделять три типа базисов производных предлогов: с семантикой местоположения, с семантикой направления и контекстной семантикой либо направления, либо местоположения.

2.2. Своеобразие полисемии и внутренней омонимии предлогов в русском языке.

2.2.1. Модальция семантики предлога с сохранением пространственного значения. В ходе анализа вторичных ЛСВ производных предлогов с сохранением семантики образной схемы ориентации в пространстве, представленных в МДСДЯ и ССРЛЯ, было установлено, что их формирование основано на расширении пространственной семантики, осуществляемом двумя путями: 1) образованием дополнительных сем, характеризующих объект, ориентир или характер протекания действия / состояния; 2) формированием образной или когнитивной метафоры или метонимии.

Так, например, при появлении в характеристике ориентира семы «движение» в семантике высказывания утрачивается значение направления объекта к ориентиру как конечной точке пути. К тому же если в случае статичного положения ориентира траектория движения к нему объекта понимается как расстояние, которое необходимо преодолеть объекту для достижения ориентира, то при движущемся ориентире нейтрализуется семантика преодолеваемого пространства между объектом и ориентиром. Например, предлоги *ЗА* и *ПО* формируют образную схему «движение объекта по направлению движения ориентира», которая реализуется у предлога *ЗА* в

МДСДЯ в конструкциях с винительным и творительным падежом в ЛСВ «а) съ вин. пад. 1) послѣ глаголовъ, означающихъ движеніе <...> – γ) для обозначенія удаленія: – Иди за ма, сотоно. *Мѡ. IV. 10. Остр. ев.*», «б) с творит. падеж. <...> 4) для обозначенія слѣдованія: – Поѣха за ними. *Новг. I. л.* [203, т. 1, с. 891, 893], в ССРЛЯ – только с творительным падежом в ЛСВ «3. С *твор.* употребляется для обозначения движения, следования за кем-, чем-либо; позади кого-, чего-либо <...> *К хозяйке дама приближалась, За нею важный генерал. Пушкин. Е. О.*» [196, т. 4, с. 200]. У предлога ПО указанная образная схема реализуется в МДСДЯ в конструкциях с дательным и местным падежами в ЛСВ: «а) съ дат. пад. <...> 4) для обозначенія направленія – по: Шѣствоую нынѣ по слѣдоу оучителю. *Конст. Болг. поуч. XII в.*» и «в) съ мѣстн. пад.: 1) для обозначенія направленія – вслѣдъ, за: – Се вѣсь миръ по нѣмъ иде <...> *Ю. XVII. 20. Остр. ев.*» [203, т. 2, с. 980, 983]; в современном русском языке – с дательным падежом в ЛСВ «3. С *дат.* означает: в направлении чего-либо, следуя направлению чего-либо (противопол.: *против*). *Идти по следам зверя*» [196, т. 10, с. 6].

Следует обратить внимание на то, что при изменении семантики направления на семантику местоположения объекта относительно ориентира, испытывающему / производящему динамичное действие, предлог перестает выражать ЯС «пространство», данное контекстное употребление формирует ЯС «образ действия»: например, *ехать в вагоне, скакать на коне, парить под дельтапланом* и под.

В процессе **формирования метафорического значения** изменяется либо представление о пространственных координатах – объекте и / или ориентире, которые начинают осознаваться как отвлеченные понятия при сохранении между ними семантики пространственных отношений – местоположения или направления; либо восприятие всей образной схемы, сохраняющей пространственные отношения между отображенными в ней элементами, однако осознаваемой как не способной быть реализованной в пространстве реальной действительности.

Данный механизм формирования переносного значения производных предлогов был отображен И.И. Срезневским в следующих ЛСВ производных предлогов:

у предлога *ВЪ* ЛСВ «а) съ вин. пад. <...> 4) для обозначения движения в переносном смысле, перемѣны состоянія: – Аще кто мѣ^{рѣ} не послушаетъ въ бѣду впадаетъ. *Пов.вр. л. 6463 г.*» [203, т. 1, с. 323];

у предлога *НА* ЛСВ «б) съ мѣстн. пад. <...> 2) на, в переносном смысле: – И бысть на всѣхъ страхъ. *Лук. I. 65. Остр. ев.*» [203, т. 2, с. 264];

у предлога *НАДЪ* ЛСВ «б) съ творительным падежемъ <...> 2) для указания положения болѣе высокаго в переносном смысле, для указания власти, победы: – <...> И пособи Богъ князю Данилю и мужемъ Псковицамъ надъ погаными Нѣмцѣ. *т. ж. 6914 г.*» [203, т. 2, с. 281] и др.

В ССРЛЯ механизм преобразования семантики объекта и ориентира в значение свойств, процессов, состояний, явлений действительности описываются с учетом семантики местоположения и направления объекта. Примерами преобразования образных схем с векторным типом пространственных отношений являются следующие значения предлогов:

у предлога *В* зафиксирован ЛСВ «А. С винительным падежом употребляется для обозначения: направления движения (I) <...> 3. Указывает на вид деятельности или состояние, в которое приходит, вступает кто (при глаголах, обозначающих движение и употребляемых в переносном значении). *Погружаться, углубляться в работу, в занятия, <...> приходит в ужас, падать в обморок, бросать в жар, в холод и т. п.*» [196, т. 2, с. 7]; данный ЛСВ вербализует семантику направления объекта во внутренние границы ориентира в сочетании с отвлеченными субстантивами как сферу, характеризующую состояние или процесс деятельности;

у предлога *НА* ЛСВ «1. С вин. падежом. // При обозначении направления действия на предмет, который мыслится как место, средоточие какого-либо свойства, состояния (с оттенком объектных отношений). *Ложится на душу Тайная печаль. Огар. Ночь. <...> о Приходит на память, на ум, на мысль*»

[196, т. 7, с. 6] обладает образной схемой «направление объекта (конкретный предмет или абстрактное понятия) на поверхность ориентира, осознаваемого как сфера, характеризующая состояние, свойство чего-либо»;

у предлога *ИЗ* ЛСВ «11. Обозначает состояние, которое нарушается, прерывается и т. п. Обычно при глаголах: выходить, выводить и т. п. – *Нет, это может ангела из терпения вывести. Тург. Отцы и дети*» [196, т. 5, с. 85] с образной схемой «направление объекта из внутренних границ ориентира» понимается как сфера, называющая состояние.

Метафоризированной образной схемой с семантикой местоположения объекта обладают следующие предлоги:

предлог *НА* в ЛСВ «3. С *предл. надежом.* // При указании на предмет, мыслимый как место, в пределах которого проявляется то или иное душевное состояние. *Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Пушкин. Выстрел. <...> Легко на сердце от песни веселой. Леб.-Кумач, Марш весел. ребят*» [196, т. 7, с. 8] с образной схемой «местоположение объекта, являющегося отвлеченным понятием, на поверхности ориентира, понимаемого как сфера состояния»;

предлог *ПЕРЕД* в ЛСВ «4. С *твор. падежом.* Употребляется при указании на непосредственную близость, отнесенность к кому-либо какого-нибудь явления, факта, положения. *Ему было двадцать три года. Жизнь открывалась перед ним. Тург. Дворян, гнездо* [местоположение объекта, производящего / испытывающего динамичное действие]. *Перед колхозами встала задача изменить ландшафт, обратив глиняные ребра полей – эти костяки для бродящих барханов – в удобрение. Павлен. Путеш. в Туркменистан*» [196, т. 9, с. 543] обладает образной схемой «местоположение объекта, являющегося абстрактным понятием, возле, с фронтальной стороны ориентира – конкретного существительного»;

Отметим, что в ССРЛЯ у предлога *НА* ЛСВ 1, употребляемый с вин. пад. и указывающий направление, и ЛСВ 3, сочетающийся с *предл. пад.* и

указывающий местоположение, даются отдельно. У предлога *ПОД* пространственные и объектные значения выделяются в отдельную группу, в которой семантика направления либо местоположения не различается: ЛСВ «1. *С винительным и творительным употребляется: <...>* 3. При обозначении действия, действующего предмета, в зону, сферу которого направлено другое действие или в зоне, сфере которого что-либо совершается или находится. *В трудах куска не доедала, Ночей не досыпала, И я ж за то под гнев подпала. Крыл. Лисица и Сурок. [Батюшков и Жуковский] действовали дружно в лучшие годы своей жизни; их разлучила жизнь, но имена их всегда как-то вместе ложатся под перо критика. Бел. Соч. А. Пушкина. II, 2 <...>* // При обозначении чьего-, какого-либо воздействия, объектом которого кто-, что-либо становится или является. *[София:] Горячо его беру я под защиту. Гриб. Горе от ума, III, 1. Смеркалось. Маша приготовилась, но дверь ее заперта на ключ. Она была под арестом. Пушкин. Дубровский, II, 16.»* [196, т. 10, с. 209]. Данные ЛСВ предлога *ПОД* содержат образную схему «направление / местоположение объекта ниже нижних границ ориентира, понимаемого как сфера, характеризующая действие либо состояние».

Примерами толкования образной схемы, сохранившей пространственную семантику между составляющими ее элементами, однако осознаваемой как не способной реализоваться в пространстве реальной действительности, является следующее значение предлога *НА*: ЛСВ «2. Для обозначения руководящего, господствующего и т. п. положения кого-, чего-нибудь по отношению к кому-, чему-либо <...> *Без этих капризов он как-то не чувствовал над собой барина. Гонч. Обломов [= не почувствовал, что есть над ним барин] о Господствовать, властвовать и т. п. над кем-, чем-либо <...> [Василько:] А Чермный стал над нами воеводой! А.К. Толст. Посадник»* [196, т. 7, с. 128], формирующий образную схему «местоположение объекта выше ориентира».

Таким образом, в случае метафоризации пространственной образной схемы в целом или отдельных ее элементов наблюдается сохранение пространственных отношений между ее элементами и утрата соотнесенности с

пространственными отношениями реальной действительности, на основании этого наблюдается ослабление пространственной семантики и усиление объектной через актуализацию значения ориентира.

Формирование контекстной метонимичной семантики непроизводного предлога производится путем изменения в пространственной образной схеме семантики ориентира, приобретающего значение отвлеченного понятия, образованного по общим принципам создания метонимического значения. Так, семантика ориентира может быть сформирована на следующих метонимических переносах:

«место – событие, связанное с этим местом»: у предлога *ПРИ* в ССРЛЯ ЛСВ «1. Употребляется с *твор.* падежом без ударения <...> // Употребляется с названием местности, около или в районе которой что-либо произошло. *При Калке Один из них был схвачен в сватке. Пушкин. Езерский, 3*» [196, т. 11, с. 320] – содержит образную схему «местоположение испытывающего динамичное действие объекта возле ориентира»;

«деятельность / событие – место, связанное с деятельностью / событием»: у предлога *НА* в ССРЛЯ ЛСВ «2. С *вин. падежом.* // При обозначении места или сферы деятельности (с оттенком целевого значения), на которые направлено действие-движение (куда идут, направляются). *Уйти на работу. Поехать на концерт. Направиться на лекцию • Следователя не было – он уехал на охоту в дальнюю заимку. Шишк. Угрюм-река*» [196, т. 7, с. 7] – образная схема «направление объекта к ориентиру»;

«4. С *предл. падежом* <...> // В отличие от предлога *В*, обозначающего лишь область, сферу, в пределах которой что-нибудь происходит, обозначает одновременно и сферу, место действия, и сопричастность действию, участие (пассивное или активное) в какой-либо деятельности. *Сидеть на лекции. Быть на концерте. Учиться на курсах*» – образная схема «местоположение объекта на поверхности ориентира» [196, т. 7, с. 8];

у предлога *У* в ССРЛЯ ЛСВ «2. // При указании на процесс, церемонию, обряд и т. п., во время совершения которого присутствует кто-либо или протекает чья-либо деятельность. *Однажды Ибрагим был у выхода герцога Орлеанского. Пушки. Арап Петра Вел. 2. [Атуева:] Она у ранней обедни, сейчас воротится. Сух.-Кобыл. Дело, I, 1. – Кто-, что-либо не у дел» – образная схема «местоположение объекта возле ориентира» [196, т. 16, с. 7];*

«коллектив – деятельность, проводимая этим коллективом»: у предлога *В* в ССРЛЯ ЛСВ «А. *С винительным надежом* <...> 2. Указывает на коллектив или категорию лиц, в состав которых вступает кто (употр. чаще при множественном числе названий должностей, профессий и т. п.). *Вчера брали согласие у меня [Городцова]; в председатели [колхоза] выдвигать хотят. Павленко, Счастье, ч. I, гл. 4. Весовщикова на фабрику не приняли, он поступил в работники к торговцу лесом. М. Горький, Мать, ч. I, гл. 21. о* В выражениях. *Итти, ехать, собираться и т. п. в гости. о* В просторечии. *Брать, отдавать кого в жены <...> о* Выйти, выбраться и т. п. в люди, в чины. <...>»; образная схема «направление объекта во внутренние границы ориентира» [196, т. 2, с. 7];

«орудие – деятельность, осуществляемая при помощи орудия»: у предлога *НА* в ССРЛЯ ЛСВ «2. *С вин. надежом*. <...> // При указании на направленность действия в сторону орудия, средства какой-нибудь работы (употребляется наряду с предлогом *ЗА*). *о* На руль, на весла. *Ромашов сел на весла. Купр. Поединок. – Ну-ка, садись на руль, а я – на весла. М. Горький, Челкаш»,* в основе – образная схема «направление объекта на поверхность ориентира»; «5. *С предл. надежом* употребляется при указании на непосредственное отношение кого-либо к орудию действия. *И вот они снова в лодке. Челкаш на руле, Гаврила на веслах. М. Горький, Челкаш. – А ты не журишь, не журишь, Серега!.. – сказал подошедший Светличный. – Ты на отбойном молотке еще хлеще себя покажешь! Горбат. Донбасс»,* образная схема «местоположение объекта на поверхности ориентира» [196, т. 7, с. 7];

у предлога *У* в ССРЛЯ ЛСВ «2. При указании на предмет, орудие или место, с которыми связана чья-либо работа, служба <...> *Стоять у руля*» – образная схема «местоположение объекта возле ориентира» [196, т. 16, с. 6].

Таким образом, в случае образования дополнительной семы в пространственной образной схеме производного предлога либо формирования метафоры или метонимии базис ономаσιологической структуры предлога подвергается контекстным изменениям при сохранении пространственной и объектной семантики, на основании этого мы характеризуем данные случаи как образованные путем наложения ономаσιологического признака на ономаσιологический базис предлога.

2.2.2. Модальция семантики предлога с утратой языкового смысла «пространство». Особый статус ориентира в образной схеме языковой единицы с пространственной семантикой аргументированно представлен в концепции М.В. Варламова и М.П. Варламовой [41]. Изменения представлений об ориентире как сфере функционирования объекта обуславливают образование у производного предлога семантики непространственных отношений. Так, ориентир может пониматься не как материальный объект, выполняющий функцию пространственных координат, а как точка на временной шкале или на шкале количества/меры/величины, в сфере образа действия, проявления свойств объекта, причинного, целевого поля и т. п. При этом в отличие от моделей формирования метафорической или метонимической семантики данные значения предлога формируются путем замещения ЯС «пространство» иными ЯС, зависящими от выражаемого ориентиром значения. Таким образом, анализ полисемичной структуры производного предлога производится путем описания его лексико-семантических вариантов через пространственную образную схему с изменением в ней представлений об ориентире как сфере функционирования объекта и типе самого пространства.

В ходе анализа словарных статей непроизводных предлогов [196; 203] были выявлены значения предлогов, отображающие все ЯС, кроме ЯС «действие (процесс)». Изучение лексикографических статей непроизводных предлогов в ССРЛЯ и МДСДЯ показало, что все непространственные значения предлогов формируются двумя способами: 1) путем сохранения предлогом пространственной образной схемы с изменением семантики ориентира как сферы функционирования объекта и 2) путем утраты предлогом семантики пространственной ориентации. Под сохранением образной схемы мы будем понимать наличие контекстной семантики сочетания предлога с глаголами движения и бытия, при которой формируются «ложные» пространственные отношения направления или местоположения. Утрата предлогом образной схемы представляется нам как результат утраты семантики пространственной ориентации объекта (местоположения или направления) – а значит, отсутствия контекстной сочетаемости предлога с глаголами ЛСГ бытия (локализации) или движения. На основании сказанного укажем ЛСВ непроизводных предлогов в соответствии с отнесенностью к той или иной группе на примере ЯС «количество».

Анализ ЛСВ непроизводных предлогов в ССРЛЯ и МДСДЯ свидетельствует, что при сохранении образной схемы ЯС «количество» формируется путем представления ориентира и объекта как точек на шкале количества, при этом пространство между координатами объекта и ориентира формируют сферу количества чего-либо, характеризующего объект. Данным способом были образованы следующие значения предлогов:

у предлога *За* в ССРЛЯ ЛСВ «13. *С вин.* употребляется для обозначения того или иного расстояния: где? *За три дома от угла* [два ориентира: дом и третий по счету дом от него], куда? *Ехать за пять километров.* <...> *Лететь за тридевять земель ...*» [196, т. 4, с. 203] – образная схема «направление объекта к / местоположение дальше дальней границы ориентира на шкале

пространственной протяженности, при котором отрезок от координаты объекта до координаты ориентира формирует сферу величины количества»;

у предлога *ДО* МДСДЯ ЛСВ «3) для обозначения границы количества: – <...> Долгота сто до ста, а ширина пятьдесят до пятьдесят <...> *Исх. XXVII. 18 по сп. XIV в.*» [203, т. 1, с. 670], в ССРЛЯ ЛСВ «Предлог, употребляющийся с родительным падежом (употр. иногда с ударением на предлоге). 1. Указывает на расстояние, пространство, отделяющее один пункт от другого. *До стога было не больше метров семидесяти. Леон. Взятие Великошумска. Автоматная стрельба слышалась настолько близко, что не было никакого сомнения в том, что до передовых осталось меньше километра. Симон. Дни и ночи, IX. От Кишинева до деревни Гаурени всего восемнадцать верст. Гарш. Из восп. рядового Иванова, I*» [196, т. 3, с. 820] – образная схема «расположение объекта и ориентира на шкале пространственной протяженности, при котором расстояние от объекта до ориентира формирует сферу со значением количества»;

у предлога *ДО* в МДСДЯ ЛСВ «4) для обозначения приблизительного количества: – До трии тысящ мужь да идуть <...> *Иис. Нав. VII. 3 по сп. XVII в.*» [203, т. 1, с. 670], у предлога *О* в ЛСВ «а) съ винит. пад. <...> 3) для обозначения приблизительного числа – около: – Кромѣ окупу взяли о сто рублевъ. *Зап. о Ржевск. дан. п. 1479 г.*» [203, т. 2, с. 492], у предлога *СЪ* ЛСВ «съ винит. пад. <...> 4) для обозначения приблизительного количества – около, съ, до: – <...> Кочевинскую ... пустошь купиль игумень Христофоръ тому лѣтъ съ шестьдесятъ. *Прав. гр. Кирил. мон. ок. 1490 г.*» [203, т. 3, с. 638], у предлога *С* в ССРЛЯ ЛСВ «18. *С* вин. пад. Употребляется при указании на приблизительную меру чего-либо в отношении времени, пространства, веса, количества и т. п., в знач. приблизительно, около. *Погостить с неделю. Подождать с минуту*» [196, т. 13, с. 20] – образная схема «расположение объекта на координатном луче со шкалой числового деления возле ориентира со значением меньшего числа»;

у предлога *НА* в ССРЛЯ ЛСВ «14. *С вин. падежом* употребляется при обозначении меры, количества, определяющих границы чего-нибудь. *Стрелять на двести метров <...> Опоздать на двадцать минут. Всех покупок было почти на сто тысяч рублей. Гог. Мертв. души*» [196, т. 7, с. 11] – образная схема «направление к / местоположение объекта относительно ориентира по шкале пространственной либо временной протяженности, при котором отрезок между точками расположения объекта и ориентира формирует сферу количества»;

«16. *С предл. падежом* употребляется при указании на уровень, количество, расстояние, в пределах которого совершается, происходит что-либо (с оттенком пространственных отношений). *На третьем шагу Обломов отрезвился совсем от сна и начал потягиваться, зевая. Гонч. Обломов <...> [Аня:] Мама живет на пятом этаже. Чех. Вишн. Сад*» [196, т. 7, с. 12] – образная схема «расположение точки объекта в точке ориентира на шкале количества, при котором отмечается точное количество, указанное ориентиром»;

«17. *Разг.* После именит. падежа имени и перед предл. падежом того же слова указывает на распространенность, множественность кого-, чего-нибудь. *Яма на яме. Дыра на дыре*» [196, т. 7, с. 12] – образная схема «расположение координаты объекта в точке ориентира, при котором отсутствие пространства между объектом и ориентиром формирует семантику количественной избыточности»;

у предлога *ПОД* в ССРЛЯ ЛСВ «II. *С винительным* употребляется: 13. *Разг.* При приблизительном обозначении чего-либо. *Он указал на Тарханларова, стоявшего у крыльца в кругу окончательно собранных и готовых теперь на все понятых. Тут уже было их человек под сто. Данил. Воля, I, б. На подводе первой самой председатель едет сам, а за ним самим – обоз: ржи под тонну, что ни воз... Грибач. Колх. «Большевик» 20.»* [196, т. 10, с. 211] – образная схема «расположение возле ориентира на шкале количественного измерения со значением неточного количества» либо «местоположение возле

границ ориентира как сферы, вмещающей определенное количество чего-либо при условии полного ее заполнения»;

«20. *С твор. пад.* Употребляется при указании на дополнительное количество чего-либо. *Пробыть час с четвертью. Заплатить пять с полтиной.* ◇ *Приехала она домой через двое с половиной суток.* Чех. *Попрыгунья, 5*» [196, т. 13, с. 20] – образная схема «расположение координаты объекта дальше координаты ориентира на шкале количественного измерения; сфера количества формируется расстоянием от начала деления шкалы через координату ориентира до координаты объекта».

Таким образом, несмотря на случаи сохранения предлогом образной схемы пространственной ориентации в конструкциях с числительными, предлог демонстрирует множественные случаи замены пространственной семантики ЯС «количество».

Было отмечено, что отсутствие контекстной сочетаемости с глаголами ЛСГ бытия и движения также может формировать группу производных предлогов с ЯС «количество». В семной структуре таких предлогов утрачивается базисная образная схема пространственной ориентации:

у предлога *НА* ЛСВ «15. *С вин. падежом* употребляется при указании на количественный показатель изменения чего-либо в результате какого-либо действия (с оттенком обстоятельственных отношений). *«Разделить на три. Расколоть на две части. <...> – Триста на девятнадцать получается ровно пять тысяч семьсот рублей.* Федин, *Необыкн. лето*» [196, т. 7, с. 11–12];

у предлога *ПО* ЛСВ «22. *С дат. и вин.* употребляется при обозначении величины, размера, количества чего-либо. А. *С существительными с дат.:*
а) Последовательно, одно за другим, в том же самом размере. [Глаша:] *Я вам корень китайский принесла, настоящий. Пейте, Маркел Ильич, по капле в день.* Афиноген. *Далекое, III, 6.* б) *Несколькими одновременно в том же самом размере. Они схватили по полену в руки и начали колотить в них.* Гог. *Тарас Бульба, 3 <...>*»

Б. С числительными: а) *С дат.*: по одному (одной), по пяти, по шести, по семи, по восьми и т. п., по двадцати, по тридцати, по сорока, по пятидесяти и т. п., по девяноста, по сто и т. п. б) *С вин.*: по два (две), по три, по четыре, по двести, по триста, по четыреста; по двое, по трое. *Каждый месяц он высылал ей по 75 рублей. Чех. Попрыгунья, 5.* <...> в) Особо: по пятисот, по шестисот, по семисот, по девятисот, по полтора, по полторы» [196, т. 10, с. 10]; данное значение также указано в МДСДЯ в ЛСВ «а) съ дат. пад. <...> 12) для обозначения распределения количества: – <...> Обѣщавъ имъ по сребренику дати. *Нест. Бор. Гл. 5.*» [203, т. 3, с. 981];

у предлога *СЪ* в МДСДЯ ЛСВ «съ винит. пад. <...> 5) для обозначения равного, подобного количества: – Съ горсть не имы силы <...> *Ос. VIII. 7 по сп. XV в.*» [203, т. 3, с. 638].

Следует обратить внимание на то, что в ССРЛЯ ЛСВ объединены в семантические категории по выражению общего понятия. Данные семантические категории зачастую могут не соответствовать семантике языковых смыслов, так как в основе языкового смысла лежит понятийная категория, формирующая высказывание и выражающая наиболее общие синтаксические смыслы. Так, например, в значении предлога *ЗА* «12. *С вин.* употребляется для обозначения превышения какого-либо количества, меры чего-либо: больше, сверх чего-либо» [196, т. 4, с. 203]. В сочетании с числительными приводятся примеры как семантики количественных отношений – «*Населения в Балчуговском заводе считалось за десять тысяч. Мам.-Сиб. Золото*», так и семантики количественно-определятельных отношений с указанием на атрибут и формированием ЯС «признак» – «*Лежат двое бойцов в снегу. Шлемы подобраны, хотя мороз за двадцать градусов. Диков. Тов. Начальник*», и семантику состояния с формированием именного предиката – «*[Гагину] было уже за пятьдесят лет, но он казался еще молодым человеком. Тург. Ася*» [196, т. 4, с. 203]. Таким образом, один ЛСВ полисемичной единицы, отображенный в лексикографической статье, может

выражать различные ЯС. При определении ЯС мы будем учитывать как семантику языковой единицы, так и семантику высказывания.

Анализ лексикографических статей непроизводных предлогов в ССРЛЯ показал, что языковых смыслов, при выражении которых предлог формирует двойную пропозицию, четыре: «уступка» (определяется лексией «несмотря на то что»), «условие» (лексиями «если... то...»; «при условии того, что...»), а также ЯС «цель» и «время» с оттенком семантики условия, формирующие двойную пропозицию в определенных контекстных ситуациях. Категории «уступка» и «условие» в МДСДЯ не зафиксированы.

ЯС «уступка» в ССРЛЯ выражается предлогом *ПРИ* в ЛСВ «16. Несмотря на какие-либо обстоятельства. [*Лотохин*] *При такой нежной душе она имеет довольно сильный характер. А. Остр. Красавец-мужч. IV, 2.* [= несмотря на то что она обладает нежной душой, у нее сильный характер] – *Что вы смеетесь? Что вы нашли смешного? Но Сережа, при самом искреннем желании, не может ответить. Сераф. Сережа, 4* [= несмотря на то что у него искреннее желание, он не может отвечать]» [196, т. 11, с. 323-324].

ЯС «условие» выражается следующими значениями предлогов:

предлогом *В* в сочетании с предложным падежом ЛСВ «4. Указывает на обстоятельство или условие, в которых протекает действие или находится кто-либо <...> [*Сальери:*] *Я стал творить; но в тишине, но в тайне, Не смея помышлять еще о славе. Пушкин. Моц. и Сальери, сц. I*» [= стал творить, но при условии соблюдения тишины и тайны] [196, т. 2, с. 14–15];

предлогом *ПОД* в ЛСВ «III. С творительным употребляется: 14. // При обозначении условия, обстоятельства, при котором осуществляется действие. [*Борис:*] *Смотрите же, вы оба: О том, что здесь вы слышали сейчас, Иль видели – молчать под смертной казнью! А. К. Толст. Царь Борис, 5* [= если не будете молчать, то будете приговорены к смертной казни]. [*Беспандин:*] *Какого кучера я подкупал... что вы? что вы? [Каурова:] Да, сударь! Он под присягой готов все показать. Тург. Завтрак у предводит. 8* [= даже при условии того, что он принесет присягу, он готов давать показания]. – *Вы только,*

пожалуйста, не рассказывайте. Я вам говорю под секретом. Дост. Село Степанчиково. I, 10 [= я вам говорю об этом при условии, что это останется секретом] [196, т. 10, с. 211–212].

ЯС «условие», формируемый как побочный в конструкциях, выражающих ЯС «время»: предлог *С* в ЛСВ «6. *С род. пад.* Употребляется при указании на обстоятельство, предшествующее какому-либо действию, состоянию. *Открыл [мальчик] глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Бунин, Танька* [= взглянул так светло, как смотрят, когда только отошли ото сна]. – *Обещал сейчас же с получки деньги занести, а до сих пор нет. Верес, Два конца, I, 1* [= обещал деньги занести, когда получит]» [196, т. 13, с. 16–17].

Выражающийся пропозиционально ЯС «цель» реализуется в следующем ЛСВ 13 предлога *С*: «13. *С твор. пад.* Употребляется при указании на цель совершения действия. *Прийти с докладом. Отправить с поручением* [= прийти, чтобы выступить с докладом; отправить, чтобы выполнил поручение]» [196, т. 13, с. 18].

Таким образом, ЯС «уступка» и «условие» формируются непроизводными предлогами в функции пропозициональных предикатов. При выражении иных ЯС непроизводные предлоги выступают в высказывании в качестве событийных предикатов. Следовательно, способы развития значений в предлогах, играющих в высказывании роль пропозициональных предикатов, находятся в тесной связи с трансформацией, характеризующей процесс внутриуровневой омонимии.

Вышеперечисленные случаи изменения пространственного значения предлогов – расширение семантики базиса с сохранением пространственных отношений, метафоризация / метонимизация пространственных отношений, а также замена ЯС «пространство» иными ЯС являются примерами формирования новой семантики предлога вследствие особых синтагматических условий, контекстного окружения. Мы определяем степень воздействия ономаσιологического признака на ономаσιологический базис предлога по

ослабленности пространственной семантики предлога и ее утрате. Случаи расширения, метафоризации / метонимизации пространственной семантики предлога мы будем считать результатом наложения признака на базис в ономаσιологической структуре предлога, случаи вытеснения пространственного ЯС иными ЯС – замещением базиса признаком. Таким образом, мы выделяем следующие степени перехода – контаминацию базиса и признака и омонимию исконного базиса и измененного базиса в результате замещения его признаком.

2.2.3. Грамматикализация предлога в русском языке. Под процессом грамматикализации предлога мы условились понимать процесс частичной или полной утраты пространственной семантики под воздействием усиления релятивной функции.

В МДСДЯ грамматические значения предлогов не указаны. При анализе лексикографических описаний неизменяемых предлогов в ССРЛЯ мы пришли к выводу, что усиление связочной функции наблюдается у предлогов в случае сочетания с глаголом, формирующим предсказуемую синтаксическую связь, выраженную сильным управлением. Под «сильным» в теории синтаксиса принято понимать вид управления, проявляющийся в тех случаях, когда между господствующим и зависимым словами существует необходимая связь, выражающаяся в том, что господствующее слово для реализации определенного значения нуждается в распространении падежной формой [175, с. 367]. «Русская грамматика» в § 1735 отмечает, что «к сильному глагольному управлению относятся все те связи, в которых осуществляются отношения восполняющие, объектные и комплексные объектно-обстоятельственно-восполняющие: стать рабочим, поступить в ученики, нарваться на неприятность, забежать за ограду» [179, т. 2, с. 25]. Под слабым понимается вид управления, имеющий место в тех случаях, когда связь между господствующим и зависимым словами не является обязательной, не обусловлена лексико-грамматическими особенностями господствующего слова как связь,

необходимая для реализации его значения [175, с. 367], а значит, приложимая к любому глаголу [167]. Слабое глагольное управление формируется связями, при которых объектные отношения сочетаются с определительными или обстоятельственными: работать топором (чем? и как?), раздражиться отказом (чем? и почему?), приехать за вещами (за чем? и зачем?) [179, т. 2, с. 25]. Были обнаружены следующие случаи усиления грамматического значения предлога.

1. В случае дублирования предлогом префикса глагола:

для предлога *В* ЛСВ «А. С винительным падежом <...> I. Употребляется для обозначения направления действия, движения <...> 1. Указывает на предмет или пространство, внутрь которого направлено движение... • Ставится при глаголах, сложенных с приставкой *в*, а также при некоторых других (напр, одевать, рядить и т. п.) *Малышка вошла в хату: там было пусто. Симон. Малышка <...> Ребенок тут, подле маменьки: он вглядывается в странные окружающие его лица, вслушивается в их сонный и вялый разговор. Гонч. Обломов, ч. I, гл. 9»* [196, т. 2, с. 6];

для предлога *От* ЛСВ «13. Употребляется для обозначения предмета, от которого что-либо отделяется (обычно при управляющих глаголах с приставкой *от*). *Отломать корку от пирога. = Она отправилась вперед по тропинке, откидывая хорошенькою ручкой, локоны от лица. Тург. Накануне»* [196, т. 8, с. 1228].

Следует заметить, что процесс грамматикализации в случае дублирования предлогом префикса глагола имеет место у большинства непроизводных предлогов, например: дойти до (чего), зайти за (что), изойти из (чего), набежать на (что), отбежать от (чего), пойти по (чему), подлезть под (что), сойти с (чего) и т. д.

2. В случае употребления в качестве «глагольной» и «приименной связки»:

у предлога *О* ЛСВ категории «I. Объектные отношения»: «1. С *предл.* пад. Употребляется для обозначения предмета речи, мысли, чувства при управляющем слове соответственного содержания,

а) При управляющем глаголе со значением речи, мысли, чувства. *Заботиться обо всех. Просить о помиловании <...>;*

б) При управляющем отглагольном существительном со значением речи, мысли, чувства, по управлению совпадающем с глаголом того же корня. <...> *О чем теперь ее мечтание? Пушкин, Е. О. Оканчивал он рассказы вздохом сожаления о прошлом. Гонч. Обрыв <...>;*

в) При управляющем отглагольном существительном со значением речи, мысли, чувства, по управлению отличающемся от соответствующего глагола. *Начались критические исследования о самом языке, правда, довольно поверхностные, но для того времени чрезвычайно важные. Тург. «Фауст» Гете <...> Они потеряли всякое представление о времени. Ночь тянулась нескончаемо долго. Катаев, За власть Советов» [196, т. 8, с. 5–6];*

для предлога *С* ЛСВ категории «Объектные отношения» «22. *С твор. пад.* // Употребляется как грамматический показатель управления при некоторых глаголах и именах. *Расправиться с врагом. Считаться с условиями.* = *Мотовство часто сопрягается с художественной любовью изящного, с благородными порывами. Герцен, Капризы и раздумье, 2. Руки тряслись у старика, и он не мог справиться с бинтами. Тург. Отцы и дети, 27» [196, т. 13, с. 21].*

В указанных значениях предлогов *О* и *С* объектная семантика является выражением грамматического значения сильного управления глагола. Таким образом, данные значения грамматические и выполняют функцию связи глагола с управляемой падежной формой, выражают ЯС «предметность».

Процесс грамматикализации предлога мы связываем с воздействием предиката на базис в ономасиологической структуре предлога. Как и в случае с модалацией, отмечаем различную степень воздействия ономасиологического признака на ономасиологический базис предлога по факту ослабления либо утраты пространственной семантики предлога. В связи с чем случаи сохранения пространственной семантики при усилении релятивной функции мы будем рассматривать как результат наложения ономасиологического

предиката на ономасиологический базис предлога (базисно-предикатный контаминант), а случаи вытеснения исконной пространственной семантики семантикой релятивности – как результат замещения ономасиологическим предикатом ономасиологического базиса предлога (предикатный омоним).

2.2.4. Синкретизм грамматикализации и модалации предлога в русском языке. Особую группу составляют значения предлогов, обладающие не только усиленной релятивной функцией, но и актуализирующие объектную семантику. В конструкциях, выражающих данное значение, глагол демонстрирует менее сильное управление (как известно, существуют степени градации сильного управления) [167, с. 285–288], в результате этого объектная семантика управляемой формы не является «пустой», а указывает на характер отношений с управляемой единицей. Данная группа значений выражает ЯС «предметность», отображенный в наибольшей по количеству группе ЛСВ производных предлогов в ССРЛЯ и МДСДЯ. Например, у предлога *В* в ССРЛЯ ЛСВ «Б. *С предложным надежом...* б. Указывает на область применения или проявления какого-либо действия, свойства и т. п. *Вы можете мне помочь в моих агрономических работах. Тург. Отцы и дети, VI. Правдин: В грамматике он силен. Фонвиз. Недоросль, д. IV, явл. 8*», [196, т. 2, с. 16] у предлога *За* – ЛСВ «18. *С вин.* употребляется для обозначения лица или предмета, которые берут, которых касаются, до которых дотрагиваются и т. п. *А заяц за ушко медвежье тут же тянет. Крыл. Заяц на ловле. Пошли, друг за друга держались, И меньше прежнего при палке спотыкались. Хемницер, Слепцы*» [196, т. 4, с. 205–206], «19. *С вин.* употребляется для обозначения лица, вещи или состояния, являющихся предметом чьей-либо ответственности, заботы и т. п. [*Наталья Петровна:*] *Она сирота, моя воспитанница: я отвечаю за нее, за ее будущность, за ее счастье. Тург. Месяц в деревне*» [196, т. 4, с. 206], у предлога *На* ЛСВ «22. *С вин. надежом* употребляется при обозначении лица или предмета, который вызывает какое-либо действие (состояние) или по отношению к которому это действие (состояние)

проявляется. *Он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ящичка. Лерм. Максим Максимыч*» [196, т. 7, с. 13], «23. *С вин. падежом употребляется при обозначении лица, коллектива или явления, на которые рассчитывают, надеются, к которым проявляют интерес. Надеяться на товарища. о [Обломовцы] гадают на червонного короля да на трефовую даму. Гонч. Обломов*» [196, т. 7, с. 14], у предлога *ОТ* ЛСВ «11. Употребляется для обозначения социальной среды, группы, из которой кто-либо происходит, или предмета, явления, но которому что-либо называется. *Родился я от небогатых родителей. Тург. Гамлет Щигр. у. Кэт – собака от премированных родителей, хорошо известных всем знатокам собак. Пришв. Собаки*» [196, т. 8, с. 1228] и др.

Такие значения отображают как усиление грамматической семантики, так и объектную семантику предлога, а значит, могут считаться случаями замещения исконного пространственного базиса непроизводного предлога контаминацией ономаσιологического предиката и признака.

Следует отметить, что ЯС «предметность» может быть образован не только путем замещения базиса предикатом (формирование «пустого» грамматического значения) или путем замещения базиса предлога контаминацией ономаσιологического предиката и признака (усиление грамматической функции предлога и изменение пространственной семантики на объектную), но и путем замещения базиса признаком – способом формирования остальных непространственных ЯС. Такие ЯС формируются при слабом глагольном управлении. Примерами ЯС «предметность», образованного путем замещения ономаσιологического базиса ономаσιологическим признаком в ономаσιологической структуре предлога являются: у предлога *ЗА* в ССРЛЯ ЛСВ «15. *С вин. означает: вместо кого-либо. И слаб и робок был, как дети; Чужие люди за него Зверей и рыб ловили в сети. Пушкин. Цыганы. Покойник у меня в Москве в извозчиках жил; за меня, признаться, и оброк вносил. Тург. Малин. вода*» [196, т. 4, с. 204], «21. *С твор. употребляется для обозначения лица или предмета, являющихся целью движения, перемещения и т. п.*

По дёбрям гнался Лев за Серной; Уже ее он достигал И взором алчным пожирал Обед себе в ней, сытный, верный. Крыл. Лев, Серна и Лиса.» [196, т. 4, с. 206–207], у предлога *НА* ЛСВ «24. С вин. надежом употребляется при обозначении предмета, части чего-либо, являющихся опорой, основанием чего-либо. *Поставить карету на рессоры»* [196, т. 7, с. 14], у предлога *ПОД* ЛСВ «II. С винительным употребляется: 6. При обозначении предмета, за который берутся, захватывая его снизу. *Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором. Гог. Мертв. души, 1,1. У подъезда стоял конь. Два конюха осторожно держали его под уздцы, и все опасливо стояли от него в почтительном отдалении. Дост. Маленьк. герой»* [196, т. 10, с. 210].

Таким образом, ЯС «предметность» предлога может быть сформирован тремя способами: замещением базиса предикатом в ономаσιологической структуре предлога (при глаголах с сильным управлением с формированием исключительно грамматического значения), замещением базиса признаком в ономаσιологической структуре предлога (при глаголах со слабым управлением и с формированием объектной семантики) и путем замещения базиса контаминацией предиката и признака (при глаголах с «ослабленным» сильным управлением, актуализации грамматической и объектной семантики).

2.3. Своеобразие формирования межуровневых префиксальных омонимов. Рассмотрим ономаσιологические принципы формирования межуровневых префиксальных омонимов на основе сравнения семантики предлога и омонимичного префикса путем анализа сочетаний полнозначных слов с предлогами и их конденсации в префиксальное слово.

В МДСДЯ лексикографическое описание префиксов основано на понимании языковой природы префикса как «слитного» предлога [203, т. 1, с. 1083–1084; т. 3, с. 592; т. 3, с. 1108], в связи с чем префиксальное слово понимается как сложная единица [203, т. 2, с. 281; т. 2, с. 772]. На основании этого в большинстве лексикографических статей «слитные» предлоги не описываются: в словаре указаны значения для 5 из 14 «слитных» предлогов –

ИЗЪ, *НАДЪ*, *ОТЪ*, *СЪ*, *У* [203, т. 1, с. 1083–1084; 203, т. 2, с. 281, 772; 203, т. 3, с. 592, 1108], при этом предлоги *ИЗЪ* и *СЪ* получили лексикографическое описание вследствие фонетического и графического изменения предлога в результате закрепления в языке словообразовательного статуса единицы.

Анализ лексикографических статей префиксов в ССРЛЯ показал, что ЛСВ приставок формируют три группы: в словообразовательном составе имени, в составе глагола и в составе наречий, – каждая из которых обладает своими принципами формирования семантики производной единицы. Рассмотрим семантику именных и глагольных префиксов, омонимичных непроизводным предлогам.

2.3.1. Модели формирования именного префикса. При образовании именного префикса пространственная семантика непроизводного предлога может либо сохраняться, либо изменяться в иные ЯС.

1. Модель формирования именного префикса, омонимичного сохранившему пространственный базис предлогу – выражение ЯС «пространство»:

приставка *ЗА* по ССРЛЯ «Вносит значение, употребляясь при образовании: <...> б) прилагательных и существительных: нахождение по ту сторону, позади, вне пределов чего-либо: *загородный, заречный, зарубежный, заморский, заоблачный, заокеанский и т. п.; загорье, Заволжье, заречье и т. п.*» [196, т. 4, с. 209]; за городом – *загородный*, за рекой – *заречье*: префикс образован путем конденсации сочетания «предлог + имя» в префиксальное имя, способ словообразования – приставочно-суффиксальный, префикс сохраняет пространственную семантику базиса предлога;

аналогично:

приставка *НА* «II. Употребляется при образовании прилагательных и существительных со значением: находящийся поверх чего-нибудь, на чем-

нибудь, *напр.: нарукавный, наколенный, нарукавник, нагрудник и т. п.*» [196, т. 7, с. 17]; на рукаве – нарукавный, на груди – нагрудник;

слитный предлог *НАДЪ* в МДСДЯ «въ сложеніи съ другими словами, обозначаетъ находженіе сверху чего-нибудь, <...> прибавленіе» [203, т. 2, с. 281]; данное значение приставки *НАД* также указано в ССРЛЯ «I. Употребляясь при образовании имен существительных и прилагательных, вносит в них значение: положение выше чего-нибудь, поверх чего-нибудь, *напр.: надземный, надкостный, надпалубный, надбровье, надколенник, надъязычный и т. п.*» [196, т. 7, с. 129] над землей – надземный, над костью – надкостный;

приставка *ПО* «II. Употребляется для образования прилагательных, наречий, существительных и вносит значение: <...> 4. Находящийся, расположенный вдоль, около чего-либо: *поволжский, пограничный, поморский, поморье, поречье и т. п.*» [196, т. 10, с. 10–11]: по Волге – поволжский, по реке – поречье;

приставка *ПОД* «II. Употребляется при образовании имен существительных и прилагательных, внося в них значение: 1. Положения или нахождения ниже чего-либо, внизу чего-либо: *подземелье, поджелудочный, подстрочный, подоснова, подводный, подпочва, подворотничок, подъязычный и т. п.*» [196, т. 10, с. 213]: под землей – подземелье, под желудком – поджелудочный;

«2. Положения или нахождения около, поблизости чего-либо: *подмосковный, подтропики, подлесье, подгородный и т. п.*» [196, т. 10, с. 213]: под Москвой – подмосковный, под тропиками – подтропики;

приставка *ПРЕД* «2. В существительных: находжение чего-либо впереди, перед чем-либо, *напр.: предбанник, преддверие, предсердие*» [196, т. 11, с. 91]: перед баней – предбанник, место перед дверью – преддверие;

приставка *ПРИ* «II. Употребляется для образования прилагательных и существительных со значением: расположенный возле, около чего-либо, *напр.:*

прибольничный, прибрежье, привокзальный, пригаражный, приморье» [196, т. 11, с. 325]: при больнице – прибольничный, при берегу – прибрежье;

слитный префикс *СѸ* в МДСДЯ «означающий <...> соединение, сближение, подобно предлогу *съ*, напр. въ словахъ *сѸпругъ, сѸседь*» [203, т. 3, с. 592].

2. Модель формирования именного префикса с порождением модального значения от пространственного ЛСВ предлога:

а) приставки с ЯС «МЕРА И СТЕПЕНЬ»:

приставка *ПОД* «II. Употребляется при образовании имен существительных и прилагательных, внося в них значение: <...> 3. Части более крупного единства, объединения: *подгруппа, подстанция, подкласс, подвид и т. п.*»: под группой – подгруппа, станция – подстанция; значение производной единицы не равнозначно значению производящих единиц: языковой смысл «пространство», выражаемый производящим предлогом, замещается в префиксе ЯС «мера и степень»;

«5. Звания ниже другого, должности помощника: *подмастерье, подьесаул, подпасок и т. п.*» – выражения с семантикой подчиненности указанному лицу быть под мастером (есаулом, пастухом) – подмастерье, подьесаул, подпасок; ЯС «предметность» – ЯС «мера и степень»;

б. Сходства с чем-либо в каком-либо отношении: *подгруздь, подзол и т. п.*» [196, т. 10, с. 214];

приставка *ПО* «II. Употребляется для образования прилагательных, наречий, существительных и вносит значение: 1. Относящийся к каждому из указываемых предметов, производимый, исчисляемый и т. п. за каждый предмет: *поверстный, повзводный, помесячный, постраничный, почасовой, повзводно, помесячно, постранично и т. п.*» [196, т. 10, с. 11]: по верстам, по месяцам (предметность) – поверстный, повзводный (многократность выполнения действия, мера и степень);

5. Употребляется в составе сравнительной степени прилагательных и наречий со значением некоторого усиления качества: *побольше, поменьше, получше, поновее, посвежее и т. п.*» [196, т. 10, с. 11] – нет знач. предлога;

приставка *ПРИ* «III. Употребляется для образования существительных со значением: дополнительного оттенка к чему-либо основному (с переносом ударения на приставку), *напр.: привкус, призвук, присвист*» [196, т. 11, с. 325]: при вкусе, при звуке (совместность, предметность) – призвук, привкус (мера и степень);

слитный предлог *СѸ* в МДСДЯ «означающий <...> неполноту, неопределённость, как в словахъ *сѸмракъ, сѸмнѣниѸ*» [203, т. 3, с. 592];

слитный предлог *У* в МДСДЯ «1) въ соединеніи съ прилагательными качественными обозначаетъ слабую степень качества, *напр.: Ѹзелень – зеленоватый, Ѹчермень – красноватый*» [203, т. 3, с. 1108];

б) приставки с ЯС «ВРЕМЯ»:

приставка *ДО* «3. При именном корне образует прилагательное со значением: предшествовавший, совершившийся прежде чего-либо, *напр.: доисторический, допетровский, досрочный, дошкольный и т. п.*» [196, т. 3, с. 832]: до Петра, до срока (время);

приставка *ПО* «II. Употребляется для образования прилагательных, наречий, существительных и вносит значение: 3. Относящийся ко времени после чего-либо: *повоенный, пооктябрьский, пореформенный и т. п.*» [196, т. 10, с. 11]: по войне, по Октябрю (время);

приставка *ПРЕД* «3. В прилагательных: раньше чего-либо, *напр.: предвыборный, предгрозовой, предпосевной, предпраздничный, предрассветный, предъюбилейный*» [196, т. 11, с. 91] перед выборами, перед грозой (время);

в) приставки с ЯС «ПРЕДМЕТНОСТЬ»:

приставка *ОТ* «Б. Употребляясь при образовании имен существительных и прилагательных, указывает на происхождение от чего-либо, связь с чем-либо, *напр.: отглагольный, отыменный*» [196, т. 8, с. 1231];

приставка *ПО* «2. Соответствующий чему-либо, находящийся в соответствии с чем-либо: *подходящий, поземельный, посильный, посильно и т.п.*» [196, т. 10, с. 11];

приставка *ПОД* «II. Употребляется при образовании имен существительных и прилагательных, внося в них значение: <...> 4. Нахождения в чьем-либо ведении, в чьей-либо власти, в сфере чего-либо: *поднадзорный, подопытный, подследственный, подневольный, подсудный, подначальный и т. п.*» [196, т. 10, с. 213–214];

приставка *С* «II. Только с о. Употребляется для образования существительных и прилагательных, обозначающих совместность, сопутствие, взаимную связь и т. п., *напр.: соавтор, собрат, содокладчик, соответчик, соплеменник, соученик, согласный, сопричастный и т. п.*» [196, т. 13, с. 25].

Таким образом, мы отмечаем в случаях присоединения к именным основам префикса, омонимичного непроизводному предлогу, появление в семантике производной основы несвойственного именам модального значения с указанием контекстной локальной характеристики объекта либо акцентированием его свойств, формирующих ЯС «время», «мера и степень», «предметность».

2.3.2. Модели формирования глагольного префикса. 1. Модель формирования глагольного префикса, омонимичного предлогу, сохранившему пространственный базис: выражение ЯС «ПРОСТРАНСТВО»:

приставка *В* «Приставка, обозначающая направленность действия внутрь чего-либо: *вбивать, вбирать, вгибать, врываться, всматриваться*» [196, т. 2, с. 19]: сохранение образной схемы, но замена релятивности результативностью;

аналогично:

приставка *ЗА* «Вносит значение, употребляясь при образовании:

а) глаголов: <...> 3. Направления действия за предмет или границы чего-либо [как объемного ориентира, так и в пространство ограниченной плоскости]: *забежать, забрести, заехать, заслать и т. п.*» [196, т. 4, с. 209];

приставка *ИЗ* «Употребляясь при образовании глаголов, вносит значение:

2) направленности движения изнутри: *издергать, излучать, изрыгать и т. п.*» [196, т. 5, с. 85];

приставка *НА* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них имен и вносит следующие значения: 1. Направление действия на поверхность предмета, столкновение с предметом в результате приближения к нему, *напр.: набежать, наскочить, налететь, наплыть, наехать и т. п. на кого-, что-либо.* 2. Наложение на предмет, *напр.: насадить, налепить и т. п. что-нибудь на кого-, что-либо*» [196, т. 7, с. 16];

приставка *ПОД* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них слов: <...> 2. Направленности действия в сторону нижней части, к низу или под низ чего-нибудь: *подложить, подставлять, подставка, подстилать, подшивать, подмочить, подоткнуть, подклеить, подвязывать, подгрызть и т. п.*» [196, т. 10, с. 213];

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов. 1. Вносит значение распространения действия по поверхности предмета, вокруг или по краям его, *напр.: оевать, обливать, окрашивать, очищать, охватывать.* // Вносит значение движения мимо данного предмета, обхода его стороной, *напр.: объезжать, обходить <...>*; 8. Вносит значение проявления преимущества (перед кем-либо) в выполнении действия (в данных случаях синонимом приставки *об...*, *обо...*, *объ...* является приставка *пере...*), *напр.: обогнать, обскакать, обхитрить*» [196, т. 8, с. 8–9];

приставка *ОТ* «А. Употребляется при образовании глаголов. <...>

2. Вносит значение отделения, отклонения кого-, чего-либо: а) Значение устранения, удаления кого-, чего-либо, *напр.: отводить, отгонять, отсылать,*

отвергать, б) Значение отделения, отсечения от чего-либо, *напр.: отбавлять, отделять, отрывать, отдирать*. <...> 4. Вносит значение движения в сторону от кого-, чего-либо, *напр.: отходить, отъезжать, отдаляться*. <...> 7. Указывает, что действие совершается с целью раскрыть, обнажить, обнаружить, ослабить, *напр.: отвинчивать, отвертывать, открывать, откручивать*» [196, т. 8, с. 1230–1231];

приставка *С* «I. Употребляется при образовании глаголов и придает им следующие значения: 1. Удаления: а) с поверхности предмета, в сторону от предмета, *напр.: сбривать, скашивать, смывать, срубить, съехать (с квартиры), сойти (с рельс), сорваться (с цепи)*; б) движения сверху вниз, *напр.: сбегать (с горы), свешиваться, скатываться, склоняться, спрыгивать, спускаться (с лестницы), стекать*. 2. Движения с разных сторон в одно место (обычно с частицей «ся»), *напр.: сбегаться, слетаться, съезжаться, стекаться* [196, т. 13, с. 24].

Изменение семантики местоположения предлогов *ПРИ* и *У* на семантику направления в связи с переходом в префиксальную морфему и приобретение семы результативности (перевод глагола статики в разряд глаголов динамического действия по наличию в самой результативной семантике значения достижения определенной цели):

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: 1. Полного сближения с местом, в которое кто-, что-либо направляется, *напр.: приезжать, прибывать, прибегать, привозить, притаскивать, пригонять*. 2. Перемещения чего-либо в непосредственную близость к чему-либо, *напр.: приставлять, прислонять, приближать, приваливать, пригребать*» [196, т. 11, с. 324];

приставка *У* «I. Употребляется для образования глаголов, внося следующие значения: 1. Направленности движения прочь, в сторону от кого-, чего-либо, откуда-либо, *напр.: улететь, убежать, утечь, уплыть, уползти, ускакать, уйти*. <...> 4. Размещения всего в каких-либо пределах, границах,

в каком-либо пространстве, *напр.: уписать, уписаться, уложить, уложиться, утискать, утискаться*» [196, т. 16, с. 10].

Формирование обратной семантики:

приставка *ПОД* – «снизу вверх» (в связи с приобретением результативности) «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них слов [результативная семантика без пространственного знач., но в сочетании с глаголами движения]: 1. Направленности действия снизу вверх: *подбрасывать, поддерживать, подпрыгивать, подпрыгивание и т. п.* <...> 3. Приближения к кому-, чему-либо: *подъехать, подползти, подбежать, подвозить, подвоз, подходить, подход, подводить, подносить, подноска и т. п.*» [196, т. 10, с. 213].

Таким образом, образование глагольного префиксального омонима осуществляется путем изменения релятивной семантики предиката предлога на результативную и наложения ее на ономаσιологический базис предлога.

2. Модель формирования префиксального омонима предлога с расширением / сужением пространственной семантики:

приставка *НА* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них имен и вносит следующие значения: 3. Осуществление действия на поверхности предмета (образование на поверхности предмета нароста, налета и т. д.), *напр.: навязнуть, нагореть, намерзнуть, насохнуть и т. п.*» [196, т. 7, с. 16];

приставка *НАД* «II. Употребляясь при образовании глаголов и производных от них слов, вносит в них значения: 1. Увеличения чего-нибудь добавлением к нему чего-либо, *напр.: надвязать, надстроить, надковать, надставить, надшивать, надставка, надстройка, надставной и т. д.*» [196, т. 7, с. 129]; данное значение для слитного предлога *НАДЬ* указывается в МДСДЯ: «въ сложеніи съ другими словами, обозначаетъ <...> дѣйствіе сверху, прибавленіе [203, т. 2, с. 281];

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов. 1. Вносит значение распространения действия по поверхности предмета, вокруг или по

краям его, *напр.: овевать, обливать, окрашивать, очищать, охватывать*» [196, т. 8, с. 8];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...> 3. Скрепления, соединения посредством чего-либо, укрепления на чем-либо, *напр.: приделывать, привязывать, привинчивать, приколачивать, прикручивать, пришивать*.

// Плотного скрепления с чем-либо, в результате чего-либо, *напр.: прикипать, приставать, примерзать*.

// Достижения, совпадения чего-либо в результате обработки, *напр.: прикраивать (рукав), пришлифовывать (детали), пригонять (раму)*» [196, т. 11, с. 324–325].

Таким образом, процесс формирования глагольного префикса, омонимичного непроизводному предлогу с модальным значением, осуществляется по общему принципу формирования глагольных префиксальных омонимов предлога – замещением семантики релятивности семантикой результативности предиката и наложением предиката на модальный – с наложением признака – базис предлога. Таким образом, формирование префикса на основе модального предлога осуществляется путем изменения семантики предиката и наложения его на контаминацию признака и базиса предлога.

3. Модель образования префикса, омонимичного значениям непространственных предлогов (ЯС «мера (полнота) и степень», «время», «образ и способ действия / состояния», «цель», «состояние», «предметность»):

А) образование глагольного префиксального омонима к предлогу с ЯС «МЕРА И СТЕПЕНЬ»:

приставка *ДО* «1. Придает глаголам и производным от них словам значение окончания, полного завершения, предела действия или достижения цели, *напр.: добросить, докурить, долететь, допрыгнуть и т. п.*» [196, т. 3, с. 832]: значение противоположно семантике производящего предлога (бросить до – значение направления с целью достижения цели, добросить –

результативность, достижение цели в связи с актуализацией в ОС предлога предикатного компонента); аналогично: «• Придает значение прибавки сверх чего-либо, пополнения чего-либо до известной меры, до нормы, *напр.: добавить, доплатить, дополнить и т. п.*»: платить до (указание предела) – доплатить (достижение предела);

2. При глаголах, оканчивающихся на -ся, придает слову значение отрицательной оценки результата чего-либо, *напр.: довозиться, дозвониться, доиграться, допрыгаться и т. п.*» [196, т. 3, с. 832];

приставка *ЗА* «Вносит значение, употребляясь при образовании:

а) глаголов: <...> 2. попутного действия: *забежать, заехать, залететь, занести и т. п.*» не соответствует сочетаниям «бежать за чем, нести за чем» с пространственным значением;

4. выхода действия из обычных или допустимых границ: *заговориться, заждаться, заработать, засидеться и т. п.*» [196, т. 4, с. 209] – нет аналогичных значений у предлога;

приставка *ИЗ* «Употребляясь при образовании глаголов, вносит значение:

1) исчерпанности, предельной полноты действия (состояния): *изгрызть, измылиться, износить, изрешетить, изобью, изойти, изорвать, изъездить, изъерзать, исходить, исхулиганиться, исчерпаться и т. п.*» [196, т. 5, с. 85] – нет сочетаний с аналогичной семантикой у предлога;

приставка *НА* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них имен и вносит следующие значения:

4. Полноту, чрезмерность, количество в проявлении действия, *напр.: наговорить, набрать, навозить, напечь, напилить и т. п.*

// Нарастание, количественное расширение какого-нибудь действия: *набежало много народу, налетело много птиц и т. п.*

// Увеличение, добавление до необходимого предела, до определенной нормы, *напр.: набавить (рубль), нарастить (веревку) и т. п.*

// Заполнение пустоты, наполнение чего-либо чем-нибудь, *напр.: набить (подушку пухом), накачать (шину), налить (ведро водой) и т. д.*

// Основательность (иногда чрезмерность) действия, *напр.: наспиртовать, насолить, настудить, натопить и т. п.*

// В глаголах на -ся: пресыщенность, полное удовлетворение действием самого действующего субъекта, *напр.: много, вдоволь наболтаться, наговориться, належаться, напиться, напрыгаться, наработаться и т. п.*

5. В глаголах с суффиксами -ыва-, -ива-, -ва-: ослабленность, незначительное проявление действия, *напр.: наигрывать, напевать, насвистывать и т. п.*» [196, т. 7, с. 16–17];

приставка *НАД* «II. Употребляясь при образовании глаголов и производных от них слов, вносит в них значения:

2. Неполного действия, распространяемого не на весь предмет, а на его поверхность или на его часть, *напр.: надгнуть, надъедать, надогнуть, надпилить, надпороть, надрез, надпиливание и т. д.*» [196, т. 7, с. 129–130];

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов.

5. Вносит значение чрезмерности какого-либо действия, *напр.: объедаться, опаивать, опиваться*

8. Вносит значение проявления преимущества (перед кем-либо) в выполнении действия (в данных случаях синонимом приставки об..., обо..., объ... является приставка пере..., *напр.: обогнать, обскакать, обхитрить*» [196, т. 8, с. 9];

приставка *ПО* «I. Употребляется для образования: А. Глаголов совершенного вида и вносит значение: <...>

3. Ограниченной длительности действия, иногда в сочетании с дополнительным оттенком незначительной или неполной меры действия: *полакомиться, попеть, постонать, постоять и т. п.*

4. Действия, совершаемого всеми или многими лицами, либо распространяемого на все или многие предметы: *побросать (все или многое, всех или многих), пожалить (всех или многих), попрыгать (все или многое, всех или многих), попрыгаться (о всех или многих) и т. п.*

5. В соединении с некоторыми приставочными глаголами совершенного и (реже) несовершенного видов указывает на совершение действия всеми, многими лицами, распространение действия на все, многие объекты или же на ограниченность меры действия: *повыбежать* (*выбежать друг за другом; о всех или многих*), *повывезти* (*вывезти все или многое, всех или многих*), *повыехать* (*выехать; о всех или многих*), *позакапывать* (*закопать все или многое, всех или многих, одно, одного за другим*), *позакопать* (*закопать все или многое, всех или многих*), *поистаскать* (*истаскать несколько, в какой-либо степени*), *понабится* (*набится во множестве*), *поприбивать* (*прибить все или многое, одно за другим*), *поприбить* (*прибить все или многое*).

Б. Глаголов несовершенного вида (обычно с суффиксами -ыва-, -ива- в основе) и вносит значение неопределенно длительного повторяющегося действия, нередко с дополнительным оттенком неполноты, ослабленной меры действия: *покуривать* (*курить понемногу или время от времени*), *постанывать* (*стонать слегка или время от времени*), *поигрывать* (*играть понемногу или время от времени*), *почитывать* (*читать понемногу или время от времени*) и т. п.» [196, т. 10, с. 10–11];

приставка *ПОД* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них слов, внося в них значение: <...>

4. Добавления чего-либо (для увеличения количества чего-либо): *подкачать* (*воды*), *подлить*, *поддать* (*пару*), *подсыпать*, *подмотать*, *подкупить* (*продуктов*) и т. п.

5. Совершения или проявления действия (состояния) не в полную меру, не в полную силу: *подсохнуть*, *подгнуть*, *подлечиться*, *подрости*, *подгореть*, *подмокнуть*, *подпереть* и т. п.

6. Совершения действия дополнительно (для достижения лучшего результата): *подвинтить*, *подвеять* (*зерно*), *подварить*, *подвощить*, *подгладить*, *подкрутить* и т. п.» [196, т. 10, с. 213];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...>

4. Добавления чего-либо (для увеличения количества чего-либо), *напр.: прибавлять (белья), прикупать (сахару), примолоть (муки).*

5. Дополнения сверх чего-либо, *напр.: присчитывать, приплюсовывать (единицу), приписывать (постскриптум), придать (артиллерию отряду).* <...>

9. Совершения или проявления действия не в полную меру, не в полной степени, *напр.: приотворять, привставать, призавянуть, притушить*» [196, т. 11, с. 324–325];

приставка У «I. Употребляется для образования глаголов, внося следующие значения: <...>

5. Распространения действия на весь объект, охвата действием всего объекта, *напр.: умазать, умазаться, убелить, устлать, употеть, усыпать.* <...>

8. Прочности, основательности действия (в сочетании с частицей -ся), *напр.: угнездиться, усесться, улечься*» [196, т. 16, с. 10–11];

Б) образование префиксального омонима к предлогу с ЯС «ВРЕМЯ»:

приставка ЗА: «Вносит значение, употребляясь при образовании:

а) глаголов: 1. начала действия: *заплодировать, забегать, забредить, застучать и т. п.*» [196, т. 4, с. 209] – нет аналогичной семантики у предлога;

приставка ОТ «А. Употребляется при образовании глаголов. 1. Указывает на законченность действия глагола, придавая ему при этом различные значения, <...> б) Значение окончания действия по истечении какого-либо времени, *напр.: отвоевать 4 года, отработать свое время*» [196, т. 8, с. 1230];

приставка ПО «I. Употребляется для образования: А. Глаголов совершенного вида и вносит значение: <...> 2. Начала действия: *поехать, полезть, полететь, поползти и т. п.*» [196, т. 10, с. 10];

приставка ПЕРЕД «1. В глаголах: совершения чего-либо заранее, предварительно, *напр.: предвещать, предостерегать, предрекать, предупредить, предусматривать*» [196, т. 11, с. 91];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...> 10. Ограниченности действия во времени, *напр.: приободряться, присмиреть, притихнуть, призадуматься*» [196, т. 11, с. 325];

В) образование префиксального омонима к предлогу с ЯС «ОБРАЗ И СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ, СОСТОЯНИЯ»

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов. <...> 3. Служит для образования отыменных глаголов со значением: делать кем-, каким-либо или наделить чем-либо (в соответствии со значением корня глагола), *напр.: обновлять, огрублять, озаглавливать, озвучивать, ожесточать, оперять, оснащать* <...>

6. Соединяясь с некоторыми глаголами на -ся, придает им значение, отрицающее значение корня глагола, *напр. : ослушаться, ослышаться* <...>

9. Вносит значение направленности действия в ущерб тому, для кого оно производится, *напр. обвешивать, обмеривать, обсчитывать, объегоривать, обыгрывать*» [196, т. 8, с. 9];

приставка *ОТ* «А. Употребляется при образовании глаголов. 1. Указывает на законченность действия глагола, придавая ему при этом различные значения, <...> Е) Обозначает результат действия или состояния, состоящий в повреждении чего-либо, причинении урона чему-либо (в сочетании с глаголами типа лежать, сидеть, бить, ходить), *напр.: отбивать кулаки, отлежать спину*» [196, т. 8, с. 1230];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...> 12. Сопутствующего действия (формы несомн. вида с суффиксами -ыва, -ива), *напр.: приплясывать, присвистывать, приговаривать, прибаюкивать*» [196, т. 11, с. 325];

приставка *У* «I. Употребляется для образования глаголов, внося следующие значения: <...> 2. Уменьшения или вмещения объема, размера, массы чего-либо путем отъятия части от целого, *напр.: утесать, усечь, ушить, урезать* <...>

3. Приобретения нового качества, свойства или изменения степени проявления имеющегося качества, свойства, *напр.: посушить, уценить, удорожить, удешевить, уплотнить, умягчить, увлажнить, умякнуть, укоротить, удлинить* <...>

6. Достижения ожидаемого, предполагаемого, требуемого результата, *напр.: уговорить, умертвить, утешить, усмирить, уварить, усолить*» [196, т. 16, с. 10-11];

приставка *ПОД* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них слов, внося в них значение: <...>

7. Совершения действия скрытно, тайком, исподтишка: *подглядеть, подговорить, подкараулить, подслушать, подстроить (шутку), подсказать, подсмотреть и т. п.*

8. Совершения действия как повторения или сопровождения другого действия: *подпеть, подыграть (на скрипке), поддакивать, подвизгивать и т. п.*» [196, т. 10, с. 213];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...> 6. Направленности действия в интересах субъекта, *напр.: приберегать, припрятывать, прикарманивать, припасать*» [196, т. 11, с. 324];

приставка *С* «I. Употребляется при образовании глаголов и придает им следующие значения: <...> 7. Результативности: б) движения туда и обратно, *напр.: сбегать (в магазин), слетать, сходить (за хлебом)*» [196, т. 13, с. 25];

Г) образование ЯС «ЦЕЛЬ»:

приставка *ОТ* «А. Употребляется при образовании глаголов. 1. Указывает на законченность действия глагола, придавая ему при этом различные значения, <...> в) Значение окончания действия с достижением какого-либо результата, какой-либо цели, *напр.: отвалить 10 пар валенок, отпахать 3 га, отпрять свой долг* <...>

б. Указывает, что действие совершается для избавления, освобождения кого-либо от чего-либо, *напр.: откачивать, отпаивать, отхаживать*» [196, т. 8, с. 1230–1231];

Д) образование ЯС «СОСТОЯНИЕ»:

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов <...> 4. Служит для образования отыменных глаголов со значением: делаться кем- или каким-либо, *напр.: обабиться, обанкрочиваться, обомшеть, онемечиваться, оледеневать, одуревать*» [196, т. 8, с. 9];

приставка *С* «I. Употребляется (при образовании глаголов и придает им следующие значения: <...> 7. Результативности: а) наступления какого-либо состояния, появления свойства в результате действия, *напр.: сглаживаться, сгорбливаться, сгущаться, смягчаться, спиваться*» [196, т. 13, с. 25].

Е) образование ЯС «ПРЕДМЕТНОСТЬ»:

приставка *НАД* «III. Словам *надзирать, надсматривать, надзор, надсмотр* и др. придает значение: *руководить, руководство кем-, чем-либо*» [196, т. 7, с. 130];

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов <...> 2. Вносит значение активной направленности действия на предмет, производства какого-либо действия над предметом, *напр.: обрабатывать, овладевать, оплакивать, очаровывать*» [196, т. 8, с. 8–9];

слитный предлог *ОТЬ* в МДСДЯ «1) окончание дѣйствія, *напр. отъобѣдати* – кончить обѣдъ, *отъмолитися* – кончить молитву и т. д. <...> 4) отрицание, *напр. отъѣповати* – потерять надежду, *отчаяться*; *отъчанине* – отсутствие надежды» [203, т. 2, с. 771–772]; приставка *ОТ* в ССРЛЯ «А. Употребляется при образовании глаголов <...> 5. Указывает, что кто-либо освободился, избавился от чего-либо неприятного, уклонился от выполнения чего-либо, *напр.: отбояриваться, отговариваться, отделяваться, отписываться*;

6. Указывает, что действие совершается для избавления, освобождения кого-либо от чего-либо, *напр.: откачивать, отпаивать, отхаживать*» [196, т. 8, с. 1227];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: <...> 7. Сжатия, стеснения, сглаживания чего-либо чем-либо, *напр.: прижимать, придавливать, приминать, приглаживать*» [196, т. 11, с. 324];

приставка *С* «I. Употребляется при образовании глаголов и придает им следующие значения: <...> 3. Соединения: а) сосредоточения в одном месте, *напр.: скапливать, складывать, сконцентрировать, сучивать, сселять*; б) скрепления, сближения, *напр.: сваривать, связывать, сжимать (пальцы), скручивать, сцеплять*.

4. Совместности, соучастия, *напр.: собеседовать, собутыльничать, сожительствовать, сопричислять, сотрапезничать, сотрудничать*.

5. Взаимности действия (с частицей «ся»), *напр.: сговариваться, созвониться, соревноваться, сработаться, сторговаться*.

6. Сопоставления: а) сравнения, приблизительного приравнивания, *напр.: сверять, сличать, сообразовывать, соотносить, соразмерять, сравнивать*; б) копирования, *напр.: списывать, срисовывать*.

7. Результативности: в) расходования в результате действия, *напр.: скармливать, смыливать, спаивать (молоко)*» [196, т. 13, с. 24–25].

В данных случаях производные предлоги не содержат семантику достижения ориентира, не сочетаются с глаголами движения и не обладают результативной семантикой. В данных значениях наблюдается межуровневый переход предлога с модальной семантикой (образованного путем замещения базиса ономаσιологическим признаком) в префикс с модальной семантикой на основании дистрибуции либо формирования модальной семантики префикса в основе производного слова.

4. Модель формирования грамматического префикса совершенного вида:

приставка *ДО* «1. Придает глаголам и производным от них словам значение окончания, полного завершения, предела действия или достижения цели, *напр.: добросить, докурить, долететь, допрыгнуть и т. п.*» [196, т. 3, с. 832] (из пространства и цели + результативное знач. приставки);

приставка *ЗА* «Вносит значение, употребляясь при образовании: а) глаголов: <...> 5. достижения действием результата: *заклеить, закопать, закрыть, заткнуть; асфальтировать – заасфальтировать, пылиться – запылиться и т. п.*»; [196, т. 4, с. 209]

приставка *ИЗ* «Употребляясь при образовании глаголов, вносит значение: <...> 4) совершенного вида: *жарить – изжарить, печь – испечь, пугать – испугать и т. п.*» [196, т. 5, с. 85–86];

приставка *НА* «I. Употребляется при образовании глаголов и производных от них имен и вносит следующие значения: <...> 6. Служит для образования совершенного вида, не внося каких-либо иных оттенков значения, *напр.: написать, нарисовать, наклеветать и т. п.*» [196, т. 7, с. 17];

приставка *О* «Употребляется при образовании глаголов <...> 7. Служит для образования совершенного вида некоторых глаголов, *напр.: одряхлеть, озвереть, окрепнуть, ослепнуть, обозлить, облысеть*» [196, т. 8, с. 9];

слитный предлог *ОТЪ* в МДСДЯ обозначает «2) результат дѣйствія, *напр.: отъдоитиса – быти вскормленным, возрасти*» [203, т. 2, с. 772]; приставка

ОТ в ССРЛЯ «А. Употребляется при образовании глаголов. 1. Указывает на законченность действия глагола, придавая ему при этом различные значения,

а) Значение полного окончания действия, прекращения какого-либо дела, занятия (в непереходных глаголах совершенного вида), *напр.: отбежать, отгреметь, отобедать, отсеяться.*

г) Значение окончания действия, совершаемого с особой тщательностью, *напр.: отбеливать, отделявать, отглаживать, отлакировывать, отшлифовывать* [семантика тщательности в суффиксах вторичной имперфективации -ыва-, -ива-],

д) Значение окончания какого-либо действия, совершаемого с большой интенсивностью, *напр.: отругать, отодрать, отколотить, отчитать, <...>*

3. Указывает на то, что состояние, в котором находился предмет, является причиной отделения его от чего-либо, *напр.: отболеть, отгнить, отклеиваться, отмокнуть, отсохнуть <...>*

8. Служит для образования совершенного вида, *напр.: благодарить – отблагодарить, сыреть – отсыреть»* [196, т. 8, с. 1230–1231];

приставка *ПО* «I. Употребляется для образования: А. Глаголов совершенного вида и вносит значение:

1. Завершенности, законченности действия: *побледнеть, покрасить, поставить, построить и т. п»* [196, т. 10, с. 10];

приставка *ПРИ* «I. Употребляется для образования глаголов и вносит следующие значения: 8. Достижения какого-либо результата, *напр.: приохотить, приискивать, приручать, пристрастить (к чтению).*

// Окончательного уничтожения, умерщвления кого-либо, *напр.: прирезать, приколоть, прикончить, пристрелить.*

// С частицей *-ся* вносит значение привыкания к чему-либо или надоедания чего-либо вследствие частого употребления, повторяемости (в форме сов. вида), *напр.: приглядеться, приесться, примелькаться, принюхаться.*

11. В простореч. и обл. речи – полной исчерпанности объекта действия (формы сов. вида), *напр.: приесть (весь хлеб), припеть (все песни), прижечь (все дрова).*

13. Служит для образования сов. вида, *напр.: мирить – примирить, сниться – присниться, готовить – приготовить, грозить – пригрозить»* [196, т. 11, с. 324–325];

приставка *С* «I. Употребляется при образовании глаголов и придает им следующие значения: <...>

8. Служит для образования совершенного вида, *напр.: сделать, слукавить, смастерить, соврать, спеть, станцевать, сыграть»* [196, т. 13, с. 25];

слитный префикс *ѣ* в МДСДЯ «2) въ соединеніи съ глаголами и отглагольными словами обозначаетъ совершение дѣйствія, доведение дѣйствія до конца, напр.: *ѣбити, ѣвѣдѣти, ѣгасити, ѣговоръ*» [203, т. 3, с. 1108]; приставка *У* в ССРЛЯ «II. Употребляется для образования формы глагола совершенного вида, напр.: *убаюкать, ужалить, украсть, узнать, умыть*» [196, т. 16, с. 11].

В данных значениях пространственная семантика префикса полностью замещается семантикой результативности. Таким образом, процесс формирования префиксального омонима происходит путем изменения предиката предлога с семантики релятивности на семантику результативности и последующего замещения им семантики базиса предлога.

Выводы

Непроизводные предлоги современного русского языка, как показал анализ словарных статей ССРЛЯ и МДСДЯ, в базовом, как правило, первом ЛСВ выражают денотативную семантику [171], не обусловленную контекстом и парадигматически закреплённую. Денотативной локативной семантикой непроизводных предлогов мы будем называть семантику отношений, выражаемых «образной схемой» – примитивными геометрическими и топологическими характеристиками пространства, лежащими в основе первообразных значений непроизводных предлогов. Образная схема строится на основе описания отношений объекта и ориентира. Под «направлением» мы понимаем семантику движения объекта относительно ориентира с целью его достижения или удаления от него (*идти до / из / от / с чего-либо*). Под «местоположением» – расположение объекта относительно ориентира, при этом расположение может быть как при статичном положении объекта, так и при его динамичном действии, однако без семантики направления по отношению к ориентиру (например: *и «сидеть», и «бежать» перед кем-, чем-либо / при ком-, чем-либо / у кого-, чего-либо*). Исключение составляют

предлоги *над* и *по*, которые характеризуют местоположение динамического объекта (например: *пролететь / трудиться / склоняться над кем-чем-либо; идти / катиться / следовать по чему-либо*). На основании того, что локативную семантику предлоги способны выражать без контекста, а семантика образной схемы выступает в качестве денотативной семантики производных предлогов, мы будем считать ЯС «пространство» исконным ЯС предлогов, выражающим их первичную категоризацию. Таким образом, говоря об ономасиологической структуре производного предлога, мы утверждаем ЯС «пространство» его ономасиологическим базисом, соответствующим семантике первичной категоризации языковой единицы.

Производные ЛСВ предлогов формируются исключительно в контексте – при глагольном или именном управлении словоформой. При этом изменение семантики ономасиологического базиса предлога является результатом воздействия на него ономасиологического признака – лексической семантики контекстного окружения – или ономасиологического предиката – синтаксической семантики контекстного окружения – путем их наложения либо замещения. В ходе анализа семантической структуры производных предлогов были выделены модели формирования вторичных ЛСВ предлогов в зависимости от наложения или замещения компонентов их ономасиологической структуры. Предлоги *В, ЗА, НА ПОД* в зависимости от контекста способны выражать либо языковую категорию «местоположение» – расположение объекта по отношению к ориентиру и формируют категорию «местоположение» (*быть В, НА ком? / чем? быть ЗА, ПОД кем? / чем?*), либо языковую категорию «направление» – движение объекта относительно ориентира по заданной траектории (*направляться ВО, НА, ПОД кого? / что? направляться ЗА кем? / чем?*). Семантика местоположения у предлогов *В, ЗА, НАД, ПОД* описывается и в статике, и в динамике – занимая неизменное положение относительно ориентира объект пребывает либо в состоянии покоя, либо испытывает / производит динамическое действие. Подобная характеристика состояния / действия объекта выходит за рамки геометрического описания

пространства и относится к сфере функционального описания значения предлогов. Мы предлагаем первичными для предлогов с семантикой местоположения считать значения с семантикой пребывания объекта в статике, а семантику динамического действия объекта считать расширенной.

Выделены формы наложения на ономаσιологический базис ономаσιологического признака или ономаσιологического предиката. В первом случае возможно формирование образной или когнитивной метафоры. Представление о пространственных координатах начинают осознаваться как отвлеченные понятия при сохранении между ними семантики пространственных отношений, однако осознаваемой как соответствующей пространству реальной действительности. Во втором – формирование синтаксически обусловленных и конструктивно ограниченных значений предлога. Формы замещения ономаσιологического базиса ономаσιологическим признаком и ономаσιологическим предикатом обозначают формирование иных ЯС или формирование ЛСВ предлогов, выражающих исключительно грамматическую семантику.

Предлоги способны выразить все ЯС, кроме ЯС «действие и процесс». На основании этого в системе предлогов были выявлены три внутриуровневых омонима: событийный предикат (ЛСВ предлогов, выражающие ЯС в рамках одной пропозиции – все ЯС, кроме ЯС «действие (процесс)», «уступка» и «условие»), пропозициональный предикат (ЛСВ, выражающие ЯС, формирующие двойную пропозицию, – ЯС «уступка» и «условие») и непередикат (ЛСВ, обладающие исключительно грамматическим значением оформления глагольного управления и выражающие грамматическую предметность).

В ономаσιологической структуре производного префикса ономаσιологический предикат соответствует грамматической семантике лексемы, а ономаσιологический признак – ее лексической семантике. На основании этого все ЛСВ производных предлогов делятся на три группы:

в словообразовательном составе имен, в словообразовательном составе глаголов и в словообразовательном составе наречий.

Префиксальное словообразование имен не изменяет грамматического значения производящей основы имени, но вносит в его лексическое значение локативную, темпоральную или оценочную семантику, на основании этого мы говорим о формировании именной префиксы путем воздействия в ОС предлога ономаσιологического признака на ономаσιологический базис. Анализ ЛСВ префиксов в ССРЛЯ показал, что межуровневый переход «предлог – именной префикс» формируется двумя моделями ономаσιологической структуры предлогов: 1) моделью порождения базисом предлога модальной семантики признака как результат синтагматической вторичной номинации (выражается именными префиксами с локативным значением местоположения, вносящими в семантику производящей основы имени модальную семантику ориентации объекта в пространстве); 2) моделью замещения ономаσιологического базиса ономаσιологическим признаком предлога (выражается именными префиксами с непространственной семантикой, образованными от предлогов, выражающих ЯС «время», «мера и степень», «предметность»).

Ономаσιологический анализ ЛСВ глагольных префиксов показал, что все разнообразие семантики глагольных префиксов является результатом трех моделей: наложения измененного предиката (с семантикой результативности) на базис (формирование глагольных префиксов с пространственной семантикой и семантикой), замещения ономаσιологического базиса измененным ономаσιологическим предикатом (формирование грамматического префикса, служащего показателем вида глагола), комплексным замещением признака и измененного предиката ономаσιологического базиса (формирование глагольного префикса с непространственным ЯС).

РАЗДЕЛ 3.
МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРИ- И МЕЖУРОВНЕВОЙ
ОМОНИМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
XVII–XVIII ВЕКОВ

3.1. Модели формирования лексико-семантического варианта предлога и его внутриуровневых омонимов.

3.1.1. Модель сохранения ономазиологического базиса предлогом, выражающим языковой смысл «пространство». Под моделью сохранения базиса предлога мы будем понимать выражение предлогом исконного ЯС «пространство». В текстах «Летописная книга» С.И. Шаховского [160] и «Древняя российская история» М.В. Ломоносова [80] неизменяемые предлоги вертикальной оси *НА*, *ПОД* и горизонтальной – *В*, *ЗА* так же, как и в современном русском языке, в зависимости от контекста могут либо отвечать на вопрос «где?» и выражать семантику местоположения объекта относительно ориентира, либо отвечать на вопрос «куда?» и указывать направление объекта относительно ориентира.

В основе пространственной семантики неизменяемых предлогов лежит образная схема, характеризующая выражаемые ими отношения внеязыковой действительности. Основываясь на представленных в когнитивной лингвистике методах геометрического и топологического анализа образной схемы предлогов, мы будем производить ее описание, учитывая характер пространственных отношений объекта и ориентира.

При характеристике ориентира мы, вслед за А.А. Закарян, будем выделять семантику его области, служащей местом для расположения объекта либо конечной точкой его направления: у предлога *В* – указание области внутри ориентира, у предлога *ЗА* – области позади ориентира, у предлога *НА* – области на поверхности ориентира, у предлога *ПОД* – области ниже ориентира.

На основании этого мы предлагаем выделять следующие пространственные ономаσιологические базисы вышеперечисленных предлогов: при выражении местоположения предлог *В* формирует ономаσιологический базис₁, указывающий область внутри ориентира как место для расположения объекта; при обозначении направления – ономаσιологический базис₂, указывающий область внутри ориентира как пространство, в которое направлено движение объекта. У предлога *ЗА* базис₁ обладает семантикой указания области позади ориентира как места для расположения объекта; базис₂ – области позади ориентира как места, к которому направлено движение объекта. Базис₁ предлога *НА* указывает на поверхность ориентира как на место расположения объекта, базис₂ – на поверхность ориентира как место, к которому направлено движение объекта. Базис₁ предлога *ПОД* указывает на область ниже ориентира как на место расположения объекта, базис₂ – на область ниже ориентира как пространство, к которому направлено движение объекта.

При характеристике пространства мы будем различать три его типа: 1) одномерное, представленное координатной прямой, на которой расположение объекта и ориентира определяется длиной соединяющего их отрезка при местоположении и величиной траектории при направлении; 2) двумерное, представленное двумя осями координат, формирующими плоскость, на которой расположение либо направление объекта относительно ориентира будет производиться с учетом ширины и длины ориентира; 3) трехмерное, формируемое тремя осями координат, характеризующими расположение либо направление объекта относительно ориентира с учетом длины, ширины и высоты ориентира.

Таким образом, тип пространства мы будем определять по характеру ориентира: если в контексте актуализируются свойства ориентира как объемной фигуры, пространство трехмерно; если ориентир характеризуется как очерченное пространство на плоскости, пространство двумерно; если для указания пространственных отношений между объектом и ориентиром не

требуется указания топологических параметров объема, площади, ширины ориентира (даже если в реальной действительности описываемая реалья обладает данными характеристиками), то он определяется как точка на координатной прямой в одномерном пространстве.

На основании сказанного мы предлагаем выделять следующие разновидности базиса₁: местоположение объекта относительно объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{1.1.}), местоположение объекта относительно очерченного пространства на плоскости (базис_{1.2.}), местоположение объекта относительно ориентира на координатной прямой (базис_{1.3.}) и три лексико-семантических варианта базиса₂: направление относительно части объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{2.1.}), направление относительно части очерченного пространства на плоскости (базис_{2.2.}) и направление относительно точки на координатной прямой (базис_{2.3.}).

При учете типа пространства нами были смоделированы 6 типов образных схем, лежащих в основе 6 базисов непроектируемых предлогов *В, ЗА, НА, ПОД*.

Формирование базиса₁ предлога с семантикой местоположения объекта относительно ориентира. Семантика местоположения формируется в конструкциях с глаголами статического действия (глаголами бытия) при указании расположения объекта относительно ориентира (базис₁). Охарактеризуем разновидности ономастологических базисов данной категории в зависимости от трех видов пространства и типа предлогов.

1. Значение местоположения объекта относительно объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{1.1.}):

базис_{1.1.} предлога *В* указывает на внутренние границы объемной фигуры как на пространство для расположения объекта (например: *царь во постелней своей храмине сидяще, и внезапно случися ему смерть, падъ и издше* [160, с. 372]; *за дарами бы пришелъ самъ и постояль бы у ней въ рѣкъ Почайной какъ она стояла у него въ Купѣли* [80, с. 80]);

базис_{1.1}. предлога *ЗА* указывает на область возле задней / дальней границы объемной фигуры как на место для расположения объекта (например: *в то жь время... случися царю Борису в царствующем граде сидѣтъ за столомъ въ царском своемъ домѣ, обѣднее кушанье творяще по обычаю царскому* [160, с. 372]; *на Осколдовой могилѣ поставлена потомъ церковь Святаго Николая; Дирова могила за святою Ириною* [т. е за храмом святой Ирины; метонимия]» [80, с. 61]);

базис_{1.1}. предлога *НА* указывает на поверхность объемной фигуры как на место для расположения объекта (например: *Святовиду [языческому богу, вырезанному из дерева] честію слѣдовалъ Прове или Проно, особливо у Вагрскихъ Славянь; стоялъ на великомъ и кудрявомъ дубѣ* [80, с. 20]; *иные не имѣя на плечахъ одѣянія, въ однѣхъ штанахъ бьются съ непріятелемъ* [80, с. 18]);

базис_{1.1} предлога *ПОД* указывает на нижнюю границу объемной фигуры, ниже или возле которой располагается объект – в текстах «Летописная книга» С.И. Шаховского и «Древняя российская история» М.В. Ломоносова не актуализирован.

2. Значение местоположения объекта относительно очерченного пространства на плоскости (базис_{1.2}):

базис_{1.2}. предлога *В* указывает на внутреннюю область очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта (например: *Калокирь начинатель сея войны, сидѣвшій тогда въ городѣ, услышавъ звукъ трубъ отъ Греческаго войска, и присудствіе самого Цимисхія, ужаснулся, и немедля тайно изъ города ушолъ въ станъ Россійской* [80, с. 87]; *Татаре обитали тогда далече въ Азіи къ Востоку; и потому Скифскаго имени у Грековъ не носили* [80, с. 35]);

базис_{1.2}. предлога *ЗА* указывает на область возле дальней границы очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта (например: *Плинїи пишетъ, что за „рѣкою Вилліею страна Пафлагонская...* [80, с. 12]);

базис_{1.2.} предлога *НА* указывает на область внутри очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта (например: *во время таковой тѣсной осады Кіева и возможно было имѣть сообщенія съ собравшимися людьми для освобожденія города, и въ ладьяхъ на другой сторонѣ Днепра стоящими [80, с. 82]; при берегѣ на плотахъ стоятъ облаченные Священники и Діаконы, рѣка наполнена обнаженными людьми, всякаго возраста и пола [80, с. 120]);*

базис_{1.2.} предлога *ПОД* указывает на область возле очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта – в текстах «Летописная книга» С.И. Шаховского и «Древняя российская история» М.В. Ломоносова не актуализирован.

3. Значение местоположения объекта относительно ориентира на координатной прямой (базис_{1.3.}):

базис_{1.3.} предлога *В*, указывающий семантику местоположения относительно точки на координатной прямой отсутствует, так как семантика предлога *В* содержит сему топологической характеристики ориентира «вместимость» и не может характеризовать одномерное пространство;

базис_{1.3.} предлога *ЗА* указывает на область позади точки на горизонтальной координатной прямой как на пространство для расположения точки-объекта (в текстах «Летописная книга» С.И. Шаховского и «Древняя российская история» М.В. Ломоносова не актуализирован);

базис_{1.3.} предлога *НА* указывает на точку на горизонтальной координатной прямой как на ориентир, служащий координатой расположения другой точки-объекта (в текстах не актуализирован);

базис_{1.3.} предлога *ПОД* указывает на точку на вертикальной координатной прямой, область ниже которой служит пространством для расположения точки-объекта (в текстах не актуализирован).

Базис₁ с семантикой местоположения формирует у предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* валентностную сочетаемость со следующими синтаксическими единицами в роли управляющего падежной формой слова:

1) связка *быть* в различных формах (например: *и дошед до Колязина монастыря, еже есть на рекѣ на Волге* [160, с. 398]), включая случаи ее элиминации (например: *въ Росіи Славяне Новгородскіе; Поляне на Днѣпрѣ по горамъ Кіевскимъ; Древляне въ Червонной Росіи, между Днѣпромъ и Припятью; <...> Волынцы въ Волини <...>, и другія поколѣнія по разнымъ мѣстамъ обитая, и соединяясь съ Варягами Россами, пресильныя войны подымали противъ Грековъ* [80, с. 8]; *Радегастъ держалъ на груди щитъ съ изображенною воловою головою; въ лѣвой рукѣ копье; на шлемѣ петухъ съ распостертыми крилами* [80, с. 20]) и именные ее формы (например: *солдаты бывшіе въ городѣ, думая, что только Славянѣ было, сколько показалось, внезапно вооруженные учинили выласку* [80, с. 27]);

2) однозначными глаголами в связочной функции либо глаголами статики с семантикой пространственного положения (например: *при берегѣ на плотахъ стоятъ облаченные Священники и Діаконы, рѣка наполнена обнаженными людьми, всякаго возраста и пола* [80, с. 120]; *случися царю Борису в царствующемъ граде сидѣть за столомъ въ царьскомъ своемъ домѣ, обѣднее кушанье творяще по обычаю царскому* [160, с. 372]); их формами (например: *во время таковой тѣсной осады Кіева и возможно было имѣть сообщенія съ собравшимися людьми для освобожденія города, и въ ладьяхъ на другой сторонѣ Днепра стоящими* [80, с. 82]; *нынѣ великій Новгородъ, которой отъ Угровъ бѣлыхъ, обитавшихъ въ Сибирскихъ предѣлахъ въ Югорской землѣ, раззоренъ и въ конечное запусѣніе былъ положенъ* [80, с. 40]);

3) глаголами статики, их формами и производными субстантивными образованиями со значением результата действия, включающего пространственные ориентиры (например: *Чудскаго народу прежде многихъ вѣковъ могущество большее нынѣшняго, признать должно, что они въ Сѣверѣ великую часть земель еще и прежде того занимали, и неотмѣнно въ общемъ имени Скифовъ заключались отъ Греческихъ и Римскихъ писателей* [80, с. 35]; *Россіяне <...> пребываніе свое на Дунаѣ утвердить въ намѣреніи положили* [80, с. 85]; *сему разсужденію согласуются многія свидѣтельства великихъ*

древнихъ писателей; изъ которыхъ первое предложимъ о древнемъ обитаніи Славянъ Вендовъ въ Азіи, единоплемянныхъ съ Европейскими, отъ нихъ произшедшими [80, с. 12]);

5) в отрицательных конструкциях либо при именах с семантикой отрицания какого-либо факта бытия (например: въ отсутствіе Великаго Князя Святослава на Дунаѣ, пришли на Россію Печенѣги [80, с. 82].

Формирование базиса₂ предлога с семантикой направления объекта относительно ориентира. Семантика направления формируется в конструкциях с глаголами движения и направленного действия при указании вектора пути объекта относительно ориентира (базис₂). Охарактеризуем разновидности ономаσιологических базисов данной категории в зависимости от трех видов пространств и типа предлога.

1. Значение направления относительно части объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{2.1}):

базис_{2.1} предлога *В* указывает на внутренние границы объемной фигуры как на пространство, в которое направлено движение объекта (например: ...царевич Дмитрей... просит царевича, дабы ѣхал в дом его [160, с. 368]; и посемъ поидоша в царския покои и тамо пребываше [160, с. 380]);

базис_{2.1} предлога *ЗА* указывает на область возле задней / дальней границы объемной фигуры как на место, к которому направлено движение объекта (например: во един же день случися сему названному царю ѣхати в поле за стены града на утешение свое [160, с. 406]);

базис_{2.1} предлога *НА* указывает на поверхность объемного ориентира как на место, к которому направлено движение объекта (например: уже не приготивишиися мѣщане жестоко возмущились: <...> ибо съ начала кипящее масло и смолу лили на приступающихъ [80, с. 28]; и хотя люди всякаго возраста на нихъ бросали камень; однако бѣдства не отвратили [80, с. 28]; прежде войны на Грековѣ, спросилъ Олегъ Волхвовѣ отъ чего ему конецъ жизни приключится, Отвѣтъ дали, что отъ любимаго своего коня умретъ.

Для того положилъ онъ никогда на него не садиться, ниже къ себѣ приводить; но поставить и кормить на особливомъ мѣстѣ [80, с. 66]);

базис_{2.1}. предлога *ПОД* указывает на нижнюю границу объемной фигуры, в область ниже которой направлено движение объекта (например: *при входѣ Ярополкѣ между страхомъ и надеждою ко Владимиру въ дверяхъ принять подъ пазухи шпагами отъ двухъ Варяговъ и мертвъ повержень* [80, с. 97]).

2. Значение направления относительно части очерченного пространства на плоскости (базис_{2.2}):

базис_{2.2}. предлога *В* указывает на область внутри очерченного пространства на плоскости как на место, в которое направлено движение объекта (например: *по мале времени пострижения своего изыде той чернецъ во царствующий град Москву, и тамо доиде пречестныя обители архаггела Михаила и великого чудотворца Алексѣя, и прият бысть архиморитом...* [160, с. 366]; *царевы же воеводы поидоша во град, а поляцы нача шатры ставити и почиша сном – токмо стражи не спят* [160, с. 390]);

базис_{2.2}. предлога *ЗА* указывает на область возле задней / дальней границы очерченного пространства на плоскости как на место, к которому направлено движение объекта (например: *съ сими словами сѣлъ на коня, и бродомъ за рѣку противъ Ярослава побхаль* [80, с. 133]; *такимъ образомъ достигъ Днѣпра, и скинувъ платьѣ за рѣку поплыль* [80, с. 82]);

базис_{2.2}. предлога *НА* указывает на область внутри очерченного пространства на плоскости как на место, к которому направлено движение объекта (например: *и такъ побхаль на мѣсто гдѣ лежали голыя кости* [80, с. 67]);

базис_{2.2}. предлога *ПОД* указывает на область возле очерченного пространства на плоскости как на место, к которому направлено движение объекта (например: *и собрашася вси людие сѣверскихъ градов, и препояшася оружием, и поидоша под царствующий град Москву, и положись обозами за семь верстъ царствующаго града Москвы* [160, с. 384]; *царь же Василей собра воинство и повель итти под Колугу, и тамо его облегоша* [160, с. 384]);

3. Значение направления относительно точки на координатной прямой (базис_{2.3.}):

базис_{2.3.} предлога *В* с семантикой направления относительно точки на координатной прямой отсутствует, так как семантика предлога *В* содержит сему топологической характеристики ориентира «вместимость»;

базис_{2.3.} предлога *ЗА* указывает на область позади точки на координатной прямой как на пространство, к которому направлено движение точки-объекта (в текстах не актуализирован);

базис_{2.3.} предлога *НА* указывает на точку на координатной прямой как на ориентир направления движения точки-объекта (например, если ориентир – название жителей страны или части света: *уже полагая на Игоря надежду въ правленіи государства Олегъ, принялъ намѣреніе итти на Грековъ* (синекдоха: жители – страна) [80, с. 62]; *потомъ какъ Римская имперія стала приходитъ въ упадокъ, тогда Славяне стараясь отметить древнюю предковъ своихъ обиду, предпринимали отъ Сѣвера на Полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиніанѣ великомъ Царѣ Греческомъ, чему примѣръ даю изъ Проконія* [80, с. 26]; *и поидоша на неправедныхъ римлян, и тако имъ жестоко и немилостивъно отомщение покушаяся воздати* [160, с. 410]);

базис_{2.3.} предлога *ПОД* указывает на точку на координатной прямой, в пространство ниже / возле которой направлено движение точки-объекта (в текстах не актуализирован).

Таким образом, при характеристике исконного базиса производных предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* мы выделяем два базисных омонима, один из которых характеризует пространственные отношения в значении местоположения, другой – в значении направления. Каждый из двух типов базисов имеет ЛСВ, характеризующие локативные отношения объектов в трех типах пространств: одномерном, двухмерном и трехмерном. Особенностью предлогов *НА* и *ПОД* является указание ориентира в трехмерном пространстве относительно вертикальной оси, в двухмерном – относительно осей на горизонтальной плоскости.

3.1.2. Модель наложения признака на базис в ономаσιологической структуре предлога. Под моделью наложения признака на базис в ОС предлога мы понимаем контекстное изменение исконной пространственной семантики предлога. В текстах «Летописная книга» С.И. Шаховского и «Древняя российская история» М.В. Ломоносова, как и в современном русском языке, в результате наложения признака на базис в ОС предлога формируются модель расширения исконного значения путем формирования новых сем и модель метафоризации / метонимизации (языковой или образной) исконного значения предлога. Особый интерес представляет третий тип реализации модели наложения признака на базис в ОС предлога – модель контекстной гибридности базиса₁ (местоположение) и базиса₂ (направление) в ОС предлога. Данная модель может быть реализована только у предлогов *В, ЗА, НА, ПОД*, семантической особенностью которых является способность в зависимости от контекста выразить семантику либо местоположения, либо направления. Данная модель проявляется при одновременной актуализации семантики направления и местоположения, что приводит к нивелированию в подобных контекстах базисной омонимии предлога и образованию базисного гибрида. Выявляется два типа формирования гибридного базиса предлогов: 1) в сочетании с глаголами направленного действия / движения в форме совершенного вида (в данных конструкциях одновременно выражается семантика направления действия / движения к ориентиру и местоположение относительно ориентира вследствие его достижения); 2) в конструкциях «глагол волеизъявления + глагол статики (бытия) + управляемая конструкция в винительном падеже с семантикой направления».

1. Модели формирования гибридности базиса₁ (местоположение) и базиса₂ (направление) предлога.

В группе сочетаний предлогов *В, ЗА, НА, ПОД* с глаголами динамики, обладающих результативной семантикой достижения ориентира, мы выделяем следующую семантику гибридности базисов:

у предлога *В*:

базис_{2.1.+1.1.} с семантикой достижения местоположения внутри границ объемного ориентира (например: *приведену ж ему бывшу в дом королевский, и вшедшу ему в полату, король противу ево востание учини и почте ево царскимъ достояниемъ и, одари ево, отпусти* [160, с. 368]; *Царь же ноименованный Василей <...> приидоша в соборную церковь пресвятая Богородица честнаго и славнаго ея Успения, и молебное пѣние творяше* [160, с. 380]);

базис_{2.2.+1.2.} с семантикой достижения местоположения внутри очерченного пространства на плоскости (например: *и сошедшимся имъ в мѣсте, глаголемом Чегъмлиг, и ту составиша брань жесточайшую* [160, с. 372]; *бысть же к нему приведеных воевод царевых во град Путивль единокровный царевъ бояринъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ* [160, с. 374]);

у предлога *ЗА*:

базис_{2.1.+1.1.} с семантикой достижения местоположения возле задней границы объемного ориентира (в текстах не актуализирован);

базис_{2.2.+1.2.} с семантикой достижения местоположения возле дальней границы очерченного пространства на плоскости (например: *связаны и вопрошены, для чего Славенское войско за Дунай переправилось?* [80, с. 28]);

у предлога *НА*:

базис_{2.1.+1.1.} с семантикой достижения поверхности объемной фигуры (например: *Великое голубей и ворбьевъ множество прилѣтевъ во свои гнѣзда съ огнемъ подъ кровли, въ голубятни и на башни, зажгли на всѣхъ мѣстахъ городъ* [80, с. 78]; *съ сими словами сѣлъ на коня, и бродомъ за рѣку противъ Ярослава поѣхалъ* [80, с. 133]);

базис_{2.2.+1.2.} с семантикой достижения очерченного пространства на плоскости (например: *Цимисхій на мѣсто сраженія прискакавъ, ободряетъ своихъ къ бою; изнемогихъ исъ побоища уклоняющихся повелѣваетъ укрѣплять виномъ и водою* [80, с. 90]; *пришедшихъ на Искорестъ встрѣтили*

Древляне вооруженною рукою [80, с. 77]; и положиша его пред враты градицими на площади, нага суца, в знакъ, ничим не прикровень [160, с. 380]);

– при расширении семантики местоположения как положения рядом с ориентиром:

базис_{2.2.1.+1.2.1.} предлога *НА* с семантикой достижения области возле очерченного пространства на плоскости (например: *и пришедшу ему на реку на Угру [80, с. 16]; обитавшиѣ около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнїя нашедшихъ и поселившихся межъ ними Римлянъ, перешли къ Сѣверу, на Бугъ, Вислу, Днѣпръ, Двину и Волховъ [80, с. 16]; царь же Василей воинству своему повелѣ стати близ полковъ литовскихъ на рѣчке Ходынке» [160, с. 390]);*

у предлога *ПОД*:

базис_{2.1.+1.1.} с семантикой достижения местоположения ниже нижней стороны объемной фигуры (например: *Великое голубей и ворбѣевъ множество прилѣтевъ во свои гнѣзда съ огнемъ подъ кровли, въ голубятни и на башни, зажгли на всѣхъ мѣстахъ городъ [80, с. 78]);*

– при расширении семантики местоположения как положения рядом с ориентиром:

базис_{2.1.1.+1.1.1.} с семантикой достижения местоположения возле нижней стороны объемной фигуры (например: *снидошася людие купно под стѣны града побѣдимыя Москвы [160, с. 410]; а под ногами же положиша боярина Петра Басманова: с ним за едино дѣло убиень бысть от народа. И тако лежа трупы их <...> на площади три дни [160, с. 380]; царь Василей повелѣ воеводамъ и начальником положитися обозами под забралом града [160, с. 392]);*

базис_{2.2.1.+1.2.1.} с семантикой достижения местоположения возле границ очерченного пространства на плоскости (например: *царевы же воеводы и начальницы придоша со всѣмъ войскомъ под городокъ зовомый Кромы [160, с. 372]; той же названный царь Дмитрей никако сего ужасеся, поидоша с своим воинством собранным под царствующий град [160, с. 388]; И сошедшимся имъ в селѣ Тушинѣ, и нача брань смертнующу спущати. [160, с. 396]).*

Следует отметить, что не всякий глагол в совершенном виде ЛСГ движения или направленного действия формирует гибридный базис предлога. Такими глаголами являются или выражающие общую идею движения бесприставочные глаголы (идти, бежать и т. п.), или обладающие значением направления к ориентиру. Не обладают гибридной семантикой глаголы в таких контекстах, как *разыдошась в дома своя* [160, с. 372], *уже солнцу уклонившуся на запад* и *покрыся земля ноцною тмою, и тако преста брань* [160, с. 370], так как в приведенных примерах приставочные глаголы актуализируют семантику ориентира, указывающую координату начала движения, а не его направление (ср.: *разойтись из (чего?)*, *уклониться от (чего?)*). На основании этого в синтагмах *разыдошась в дома* и *уклонившуся на запад* формируется геометрическое значение пути с точками начала и конца движения, а грамматическая семантика совершенного вида понимается как результат удаления от точки начала движения.

Второй тип гибридности базисов у предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* обнаруживается в конструкциях «глагол волеизъявления + глагол статики (бытия) + управляемая конструкция в винительном падеже с семантикой направления». При реализации в различных предлогах данный базис приобретает следующую семантику:

у предлога *В*:

базис_{1.1.+2.1.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления во внутренние границы объемной фигуры (в текстах не актуализирован);

базис_{1.2.+2.2.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления во внутренние границы очерченного пространства на плоскости (в текстах не актуализирован);

у предлога *ЗА*:

базис_{1.1.+2.1.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления в сторону задней границы объемного ориентира (в текстах не реализован);

базис_{1.2.+2.2.} с семантикой местоположения как результат предполагаемого направления в сторону дальней границы объемного ориентира (в текстах не актуализирован);

у предлога *НА*:

базис_{1.1.+2.1.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления на поверхность объемного ориентира (в текстах не реализован);

базис_{1.2.+2.2.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления в границы очерченного пространства на плоскости (например: *нареченный же царь Борис Федоровичь съдь на царствующем граде Москвѣ, и прибежа к нему вѣсникъ от восточныхъ страны из украинныхъ городовъ, яко хочет крымский царь быти на христианския грады со множеством вои [160, с. 364]);*

у предлога *ПОД*:

базис_{2.1.+1.1.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления в область ниже нижней границы ориентира (в текстах не актуализирован);

базис_{2.1.+1.1.} обладает семантикой местоположения как результат предполагаемого направления в область возле границ очерченного ориентира на плоскости (в текстах не актуализирован).

Таким образом, были отмечены случаи одновременного выражения гибридной семантики и местоположения, и направления четырьмя производными предлогами *В, ЗА, НА, ПОД* в конструкции «предлог + глагол направленного действия / движения в форме совершенного вида» и предлогом *НА* в конструкции «глагол волеизъявления + глагол статики (бытия) + управляемая конструкция в винительном падеже с семантикой направления».

2. Модель расширения / сужения исконного значения путем формирования новых сем в пространственной семантике базиса предлога.

Под расширением семантики базиса предлога мы будем понимать обогащение его семантического объема по сравнению с исходной моделью.

Под сужением семантики базиса предлога – упрощение его семантического объема по сравнению с исходной моделью.

В ходе контекстного анализа производных предлогов в текстах «Летописной книги» и «Древней российской истории» было установлено, что расширение или сужение пространственной семантики осуществляется путем образования дополнительной семы, характеризующей объект, ориентир, пространство для расположения объекта или характер протекания действия / состояния. Наиболее продуктивными, характерными для предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* являются примеры сужения семантики ориентира, расширения семантики пространства и расширения семантики действия / состояния.

А. Сужение семантики базиса предлога.

Сужение семантики ориентира в образной схеме предлога представлено случаями характеристики различных географических объектов, существующих в трехмерном пространстве, таких как *город*, *озеро*, *река* и проч., как картографических координат – очерченных фигур на плоскости. Так, в примерах с семантикой расположения в водоеме либо перемещения по водоему при помощи плавучего средства водоем воспринимается как поверхность (например: *въ Сѣверную Двину рѣку съ моря входили морскими судами до нѣкотораго купческаго города* [80, с. 33]). В случае если контекстная семантика выражает значение погружения в водоем, водоем сохраняет значение трехмерного ориентира (например: *иныя въ водѣ по колѣна, иныя по поясъ, другіе по шею* [80, с. 120]; *за дарами бы пришелъ самъ и постоялъ бы у ней въ рѣкѣ Почайной какъ она стояла у него въ Купѣли* [80, с. 80]).

Б. Расширение семантики базиса предлога.

Б.1. Расширение семантики ориентира. В образной схеме значений географических объектов ЛСГ «водоем» поверхность ориентира воспринимается как не предназначенная для расположения объектов, в связи с чем семантика местоположения объекта в границах ориентира расширятся до значения расположения объекта возле ориентира (например: *и дошед до Колязина монастыря, еже есть на рѣкѣ на Волге* [160, с. 398]).

Данное значение не реализуется в предлогах *В* и *ЗА*, так как предлог *В* обладает топологической семой «вместимость» и указывает на внутреннее пространство ориентира, а семантика исконного базиса предлога *ЗА* указывает на пространство, находящееся позади или возле ориентира. Данное значение актуализируется в ЛСВ двух предлогов: *НА* и *ПОД*. При этом у предлога *НА* семантика местоположения возле ориентира реализуется в случае отсутствия возможности расположения объекта на поверхности ориентира, у предлога *ПОД* – в случае отсутствия возможности расположения объекта ниже объемной фигуры ориентира. При определении ориентира как очерченного пространства на плоскости базис_{1.2} предлога *ПОД* без расширения значения указывает местоположение объекта вблизи ориентира. Приведем примеры контекстного употребления расширенной семантики ориентира в образной схеме базиса:

1) при указании местоположения объекта относительно ориентира (базис₁):

базис_{1.2.1} предлога *НА* указывает на область возле очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта (например: *такое множество и могущество Славенскаго народа, уже во дни первыхъ Князей росіискихъ извѣстно изъ Нестора и изъ другихъ иностранныхъ писателей. Ибо въ Росіи Славяне Новгородскіе; Поляне на Днѣпрѣ по горамъ Кіевскимъ; Древляне въ Червонной Росіи, между Днѣпромъ и Припятью; Полочане на Двинѣ, <...> Радимичи на Сожѣ; Вятичи на Окѣ, и другія поколѣнія по разнымъ мѣстамъ обитая, и соединяясь съ Варягами Россами, пресильныя войны подымали противъ Грековъ [80, с. 8]; и дошед до Колязина монастыря, еже есть на рекѣ на Волге [160, с. 398]);*

базис_{1.1.1} предлога *ПОД* указывает на область возле нижней границы объемной фигуры как место для расположения объекта (в текстах не актуализирован);

2) при указании направления объекта относительно ориентира (базис₂)

базис_{2.2.1} предлога *НА* указывает на область возле очерченного пространства на плоскости как на место, к которому направлено движение

объекта (например: *а потомъ пострици я повельъ, и отосла ея в дальнюю пустыню, в горы, на Бълоозеро, близ пречестныя обители – Кирилова монастыря* [160, с. 376]);

базис_{2.1.1.} предлога *ПОД* указывает на область возле нижней границы объемной фигуры как на место, к которому направлено движение объекта (например: *той ж Иванъ Болотников поидоша во ополчении своем под стены града* [160, с. 384]).

Б.2. Расширение семантики местоположения при объекте, производящем либо испытывающем динамичное действие.

Данное значение формируется в сочетании с глаголами динамичного действия, протекающего в указанных пространственных границах. Следовательно, данное действие не обладает векторной семантикой и формируется в базисе₁ предлога с семантикой местоположения. Данное значение не может быть актуализировано в одномерном типе пространства, представленном в качестве координатной оси, так как для размещения динамичного объекта пространство должно обладать топологическими характеристиками площади либо объема. Рассмотрим данный тип расширения семантики базиса с учетом типа пространств (трехмерного или двухмерного) и пространственных ориентиров:

1) в трехмерном типе пространства – значение местоположения объекта, производящего / испытывающего динамичное действие относительно объемной фигуры (базис_{1.1.}):

базис_{1.1.А.} предлога *В* указывает на внутреннее пространство объемной фигуры ориентира, внутри которого осуществляется действие / процесс (например: *иныя въ водѣ по колѣна, иныя по поясъ, другіе по шею; моются, купаются, плаваютъ [80, с. 120]; *ибо ежели вина въ рогѣ не много убыло; почиталось плодородія признакомъ [80, с. 21]; *по взятіи города, послалъ Ярополкъ искать его между трупами мертвыхъ, и по объявленію нѣкоего Древлянина искали его во рву ѿблой день, разбирая убіенныхъ [80, с. 94]);***

базис_{1.1.1.A} предлога *ЗА* указывает на область возле задней / дальней границы объемной фигуры ориентира, на которой осуществляется действие / процесс (в текстах не актуализирован);

базис_{1.1.1.A} предлога *НА* указывает на поверхность объемной фигуры ориентира, на которой осуществляется действие / процесс (например: *надъ мертвыми отправляютъ тризны, потомъ на струбѣ сожигаютъ, и пепель съ костью въ сосудахъ на столпахъ ставятъ при дорогахъ* [80, с. 19]; *На холмѣ, гдѣ Перунъ стоялъ, построена церковь Святаго Василія, въ честь Государскаго Ангела* [80, с. 119]);

базис_{1.1.1.A} предлога *ПОД* указывает на нижнюю границу объемной фигуры, ниже которой осуществляется действие / процесс (не актуализирован);

– при расширении семантики местоположения как положения рядом с ориентиром:

базис_{1.1.1.1.A} предлога *ПОД* указывает на нижнюю границу объемной фигуры, возле которой осуществляется действие / процесс (например: *людиѣ ж вдашася невозвратному бѣгству и оружия своя от себя меташа, ови ж сами под коньскими ногами напрасно умираху* [160, с. 388]);

2) в двухмерном пространстве – значение местоположения объекта, производящего / испытывающего динамичное действие относительно очерченного пространства на плоскости (базис_{1.2}):

базис_{1.2.A} предлога *В* указывает на внутренние границы очерченного пространства на плоскости как на место, на котором осуществляется действие / процесс (например: *и заповѣда своей части оную часть людей насилувати и смерти их предовати <...> и грады краснѣйшая разрушати, а в нихъ православныхъ християнъ немилостивно убивати – даж и до суцихъ младенецъ* [160, с. 360]; *пострижение его бѣ во единой от убогихъ пустынь галицкой страны, Борки зовомыи; и отецъ бо и мати его близ того монастыря жителство имѣяху* [160, с. 366]);

базис_{1.2.A} предлога *ЗА* указывает на область возле дальней границы очерченного пространства на плоскости как на место, на котором

осуществляется действие / процесс (например: *Владимиръ <...> услышалъ что хотя пользоваться его отсудствіемъ и небаясь утомленнаго войска, приближились съ великими силами Печеньги, и за Трубешемъ противъ него ополчились* [80, с. 123]);

базис_{1.2.A} предлога *НА* указывает на внутренние границы очерченного пространства на плоскости как на место, на котором осуществляется действие / процесс (например: *и тако от них мнози на празе врат [= на пороге крепостных ворот] градных умираху, и велие падение бысть им [160, с. 386]; на четвертый ж день повелѣнно бысть боляры трупъ ево зжещи на всполии града [= на городском всполье] во аде [160, с. 380]; *сіе нашествие Угровъ было <...> для утѣсненія Угровъ отъ Восточныхъ татарскихъ народовъ, которые тогда начали приходииь въ силу, и на Западѣ простираться* [80, с. 40]);*

базис_{1.1.A} предлога *НА* указывает на пространство во внутренних границах очерченного пространства на плоскости, на котором осуществляется действие / процесс (не реализован в текстах);

– при расширении семантики местоположения как положения рядом с ориентиром:

базис_{1.1.1.A} предлога *НА* указывает на пространство возле внутренних границ очерченного пространства на плоскости, на котором осуществляется действие / процесс (например: *для приведенія въ Христіянство земли Суздальскія, подвигся самъ Владимиръ съ Митрополитомъ, обновиль множество народа крещеніемъ; поставиль на Клязмѣ городъ; и наложивъ ему свое имя, украсиль паче всѣхъ городовъ Россійскихъ [80, с. 121–122]; Радимичи побѣжденные на рѣкѣ Песчанѣ Владимировымъ военачальникомъ именуемымъ Волчьимъ хвостомъ данниковъ число умножили [80, с. 102]);*

базис_{1.2.A} предлога *ПОД* указывает на область возле очерченного пространства на плоскости как на место, на котором осуществляется действие / процесс (например: *в то же время, егда ополчахуся цареви воеводы под Колугою, той же предреченный царевичъ прииде ис Путивля града под град Тулу со множествомъ воинъ, и посла воевод своих со многимъ воинствомъ на*

воевод царевых: да составлять брань с ними и град Колугу учинят свободну [160, с. 384]), а также при словах, указывающих временные сроки, длительность протекания действия на указанном месте (например: казацы Ростригины <...> Царевым же воеводамъ стояше под городком три месяца, и брань безчисленно творяше, и ис пушакъ из великих изогненныхъ непрестанно стреляху, и городок тот запалиша многожды [160, с. 372]; Обатуръ <...> пришед со множеством воинъ, поплени же окрестный многия грады Московского государства, и подо Пъсковым многое время продолжи своего стояния [160, с. 360]).

3. Модель метафоризации / метонимизации пространственной семантики базиса предлога.

Формирование метафорического значения. Контекстный анализ показал, что в языке XVII–XVIII вв., как и в современном русском языке, формирование метафорического значения пространственной образной схемы осуществляется двумя способами: путем изменения представления о пространственных координатах – объекте и / или ориентире, которые начинают осознаваться как отвлеченные понятия, либо при восприятии всей образной схемы, сохраняющей пространственные отношения, как неспособной быть реализованной в материальной действительности.

Примерами приобретения объектами и ориентирами семантики абстрактного понятия, преобразованного в пространственных образных схемах в значение непространственной сферы проявления свойств, процессов, состояний, явлений действительности являются следующие значения предлогов:

1) метафоризация местоположения объекта относительно ориентира (базис₁):

а) метафоризация местоположения объекта относительно объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{1.1}):

базис_{1.1}. предлога *В* указывает на внутренние границы объемной фигуры как на пространство для расположения объекта (например: *началницы же и*

воеводы полского воинства <...> боязнь велию от него [Лжедмитрия] в сердцы своемъ имѣяху [160, с. 406]);

– при расширении семантики местоположения: объект производит либо испытывает динамичное действие:

базис_{1.1.A} предлога *В* указывает на внутренние границы объемной фигуры как на пространство, в котором осуществляется действие / процесс (например: повѣствованія производятъ движенія въ сердцахъ чловѣческихъ [80, с. 4]);

базис_{1.1.A} предлога *ПОД* указывает на нижнюю границу объемной фигуры на плоскости, ниже которой осуществляется действие / процесс (например: уже зимъ прошедши, время же бо прииде, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ течение свое, в зодеею же входитъ Овен [160, с. 388]);

б) метафоризация местоположения объекта относительно очерченного пространства на плоскости (базис_{1.2}): примеры в текстах не выявлены;

– при расширении семантики местоположения: объект производит либо испытывает динамичное действие:

базис_{1.2.A} предлога *В* указывает на внутренние границы очерченного пространства на плоскости как на место, на котором осуществляется действие / процесс (например: и промчеса то слово во всем воиньстве, яко наутрие хоцет с поляцы мир быти, и почиша сном людие в сю ноць безо всякого опасения [160, с. 390]);

в) метафоризация местоположения объекта относительно точки на координатной прямой (базис_{1.3}): примеры в текстах не выявлены;

2) метафоризация направления объекта относительно ориентира (базис₂):

а) метафоризация направления объекта относительно части объемной фигуры в трехмерном пространстве (базис_{2.1}):

базис_{2.1} предлога *НА* указывает на поверхность объемного ориентира как на место, к которому направлено движение объекта (например: и тако возрадовахуся людие радостию велиею зѣло <...>, хваля всецедраго в Трошцы славимаго бога, иже на херувимѣхъ седяй, и на смиренныя призирая, и на боящихся его велия щедроты своя изливая [160, с. 422]);

б) метафоризация направления относительно части очерченного пространства на плоскости (базис_{2.2.}):

базис_{2.2.} предлога *В* указывает на область внутри очерченного пространства на плоскости как на место, в которое направлено движение объекта (например: *время же бо прииде, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ течение свое, в зодеею же входитъ Овен, в нем же ноцъ со днемъ уравниетца* [160, с. 388]);

базис_{2.2.} предлога *НА* указывает на область очерченного пространства на плоскости как на место, к которому направлено движение объекта (например: *и солнце уже на концы зодѣи Рыб текущи, егда последняя дни феврала месяца преходятъ, и наставаху месяцъ он мартъ* [160, с. 392]).

в) метафоризация направления объекта относительно ориентира на координатной прямой (базис_{1.3.}):

базис_{2.3.} предлога *НА* указывает на точку на координатной прямой как на ориентир направления движения объекта (например, если ориентир – абстрактное понятие: *подвигнутый за то на гнѣвъ Владимиръ, велѣлъ исправлять къ Нову граду дороги и мосты, хотя итти войною на Ярослава, взять уреченное, и мститъ сыновнее къ родителю презорство* [80, с. 127];

базис_{2.3.} предлога *В* с семантикой направления относительно точки на координатной прямой отсутствует, так как семантика предлога *В* содержит сему топологической характеристики ориентира «вместимость» и не может быть реализована в одномерном пространстве. В случае выражения ориентиром абстрактного понятия ориентир воспринимается как сфера реализации указанного понятия и может быть представлена в качестве ограниченного пространства на плоскости (например: *Не приводитъ сердца въ радостное умиленіе неистовая ихъ вѣра, и усердія къ Богу не возбуждаетъ* [80, с. 114]).

Формирование метонимического значения производного предлога осуществляется путем изменения в пространственной образной схеме семантики ориентира, приобретающего значение, образованное по общим принципам создания метонимического переноса. Так, наиболее продуктивной

моделью метонимизации ориентира является перенос «место – деятельность, связанная с этим местом» в следующих значениях:

базис_{1.2.} предлога *НА* указывает на область внутри очерченного пространства на плоскости как на место для расположения объекта (например: *сѣде же царь Василей на Москвѣ* [160, с. 382]);

базис_{2.1.} предлога *НА* указывает на поверхность объемного ориентира как на место, к которому направлено движение объекта (например: *и оттоле посылает от себя грамоты во град Черниговъ и Путивль, и во всѣ грады сѣверския, яко онъ есть царевичъ Дмитрей, сохранен от смерти, идет на царский престол* [160, с. 370]);

базис_{2.1.+1.1.} предлога *НА* с семантикой достижения поверхности объемной фигуры (например: *понеже на царский дом недостоин еси зрѣти, ты же, безстудно, яко пес, на царский престол вскочи, и сидящаго на немъ царева сына и с матерю его опроверже и горкия смерти сподоби* [160, с. 378]);

базис_{2.2.+1.2.} предлога *НА* с семантикой достижения очерченного пространства на плоскости (например: *в четвертый ж день убиения Ростригина приидоша на Лобное мѣсто бояринъ князь Василей Иванович Шуйской и со иными, и собра весь народ о патриаршеском избрании* [160, с. 380]; *бояре ж московскии и весь синклит царский совѣт сотвориша с патриархомъ Ермогеномъ: да послютца послы до короля под Смоленскъ просить сына ево королевича Владислава [= прийти] на Росѣйское царство* [160, с. 404]);

базис_{2.2.+1.2.} предлога *НА* с семантикой достижения местоположения внутри очерченного пространства на плоскости (например: *нареченный же царь Борис Федоровичъ сѣдѣ на царствующем граде Москвѣ* [160, с. 364]).

Таким образом, мы отметили следующие варианты реализации модели наложения признака на базис в ОС предлога: 1) формирование гибридного базиса предлога, совмещающего семантику и направления, и местоположения в двух типах конструкций: а) в сочетании предлога с глаголом направленного действия / движения в форме совершенного вида, б) в конструкциях «глагол

волеизъявления + глагол статики (бытия) + управляемая конструкция в винительном падеже с семантикой направления»; 2) сужение исконного значения базиса предлога в случаях характеристики различных географических объектов, существующих в трехмерном пространстве, как двухмерных; 3) расширение исконного значения базиса путем формирования новых сем, характеризующих объект либо ориентир; 4) модель метафоризации (языковой или образной) исконного значения предлога, формируемая а) путем изменении представления о пространственных координатах – объекте и / или ориентире, которые начинают осознаваться как отвлеченные понятия или б) при восприятии всей образной схемы, сохраняющей пространственные отношения, однако неспособной быть реализованной в материальной действительности; 5) модель метонимизации исконного значения предлога.

3.1.3. Модель замещения базиса признаком в ономаσιологической структуре предлога. Под моделью замещения признаком базиса в ОС предлога мы понимаем утрату неизменным предлогом исконного пространственного значения и формирование у него десяти из двенадцати выражаемых предлогами ЯС – всех, кроме исконного ЯС «пространство», ЯС «действие (процесс)» и ЯС «предметность», обладающего выраженной грамматической функцией. При анализе способов развития у неизменных предлогов непространственной семантики мы будем использовать топологический подход и предлагаем разделять случаи сохранения предлогом образной схемы и случаи ее утраты. Под сохранением образной схемы мы понимаем сочетание предлога с глаголами движения и бытия (локализации), которое формирует «ложные» образные схемы направления и местоположения. ЯС, формируемые в синтаксических конструкциях предлога с глаголом, не входящим в ЛСГ бытия (локализации) и движения, будут рассмотрены нами по общему правилу определения ЯС языковых единиц – путем постановки вопроса, выраженного местоимением.

Рассмотрим модели формирования нового языкового смысла в ЛСВ предлога на примере текстов XVII–XVIII вв.

ЯС «ВРЕМЯ», согласно концепции М.В. Варламова и М.П. Варламовой [41], формируется путем представления пространства в виде координатного луча с временной шкалой. Так, предлог *В* и предлог *НА* описывают событие, произошедшее в конкретной временной период, объект в их образных схемах совпадает с точкой расположения на луче ориентира, указывающего момент или период времени: *и бысть в лѣто седмое царства его вниде слух во уши его, яко проявися в литовьских градах царевичь Дмитрей, его же он убити повель* [160, с. 366]; *и король полский <...> от царьствующаго града отступи и мирное поставление на дванадесет лѣтъ утверди* [160, с. 360]; *на четвертый ж день повельнно бысть боляры трупъ ево зжещи на всполии града во аде, его же самъ при животъ своемъ сотвори* [160, с. 380]. Предлог *ЗА* называет временной промежуток, предшествующий указанному ориентиром событию. Образная схема предлога *ЗА* может быть представлена в качестве величины отрезка от точки расположения объекта до точки ориентира на координатном луче, например: *ибо городъ Архангельской едва за двѣсти лѣтъ принялъ свое начало* [80, с. 33]; *ибо за тысячу лѣтъ не ставили въ стыдъ и владѣющіе Государи обогащаться таковымъ хищнымъ промысломъ, которой на Балтійскомъ морѣ едва около двенатцатаго столѣтія изъ обычая вышель* [80, с. 41]. Предлог *ПОД* с ЯС «время» в текстах С.И. Шаховского и М.В. Ломоносова не реализуется.

ЯС «ОБРАЗ ДЕЙСТВИЯ», по мнению В.М. Варламова, может быть представлен в виде сферы потенциально возможной реализации различных акций/поступков/способов действия в топологической макро-зоне; конкретная характеристика действия определяется расположением точки объекта в той или иной сфере. Так, предлоги *В* и *НА* формируют образную схему расположения точки, характеризующей действие, внутри одной из сфер макрополя, например: *посемъ препровождася день въ яденіи и питіи, и за стыдъ почитали, ежели кто не напился до пьяна* [80, с. 21]; *той ж Иванъ Болотниковъ поидоша во*

ополчении своем под стены града [160, с. 384]; въ приближеніи къ Днѣпру Свенельдь совѣтоваль Святославу итти къ Кіеву на коняхъ, представляя опасность водяного ходу, и что въ порогахъ стояли Печенѣги [80, с. 92]; когда на скоку заносилъ [жреческий конь] напередъ правую ногу; почитали за доброе предзнаменование предприѣмлемаго дѣла; когда же лѣвую простиралъ напередъ далѣе признавали за худое предвозвѣщеніе [80, с. 22]. Предлог ПОД с ЯС «образ действия» может быть охарактеризован как схема расположения объекта возле сферы действия, что формирует семантику приобретения качества, например: Привязаннаго къ хвосту конскому волокли на Днѣпрской берегъ подъ жестокимъ битьемъ палками [80, с. 119].

ЯС «КОЛИЧЕСТВО» формируется в виде координатной оси со шкалой деления, характеризующей число и количество. Так, предлог ЗА обозначает количество, превышающее количество, обозначенное координатой ориентира на числовой оси, и находится дальше ориентира в сторону числового увеличения (например: *и тако поидоша гетман Желковский повелѣниемъ королевским, до царствующаго града изшед, положися обозами за дванадцать версть града* [160, с. 402]).

ЯС «МЕРА И СТЕПЕНЬ» обозначает недифференцированное количество и может быть представлено в виде координатного луча без числовой шкалы деления. Большее или меньшее проявление качества действия, указанного предлогом, может быть отмечено как степень удаленности точки, характеризующей действие, от координаты ориентира по направлению вектора луча (увеличение качества действия) либо в обратном направлении (уменьшение). Так, предлог В характеризует действие, совершенное в той мере, какова названа ориентиром, и занимает положение в точке ориентира: *и промчесья то слово во всю Росию [160, с. 366]; началниковъ всего Російского государства и воевод, вкупе же и всѣхъ людей подрученны себѣ учини, яко же самому царю, во всемъ послушну ему быти и повелѣнное творити [160, с. 362].* Аналогичное значение образной схемы ЯС «мера» и у предлога НА: *учинивъ по*

великому пространству раззореніе, дошли до долгой стѣны, которая на день пути отстоитъ отъ Царя града [80, с. 30].

Образные схемы ЯС «ЦЕЛЬ» и «ПРИЧИНА» могут быть представлены в виде координатного луча, характеризующего действие объекта в развитии. Формирование ЯС «ЦЕЛЬ» может быть отображено на луче расположением объекта в точке начала луча, а ориентира на луче, формируя расстояние между двумя данными координатами как путь достижения объектом ориентира. ЯС «ПРИЧИНА» – расположением объекта на луче, а ориентира – в точке его начала, характеризуя путь, преодоленный объектом от ориентира. Примерами формирования ЯС «цель» на основе сохранения образной схемы служат следующие контексты: у предлога *В* – *печенегамъ* [царь Роман] послалъ шелковые поставки въ даръ, и много золота [80, с. 69]; *ЗА* – приходящихъ Россіянъ за данью [греки должны] довольствоватъ по желанію ихъ пищею и напитками [80, с. 63], у предлога *НА* – *посредѣ* *тоя послѣдня седмицы, сирѣчь фторникъ, <...> людие ж грацкие, по обычею своему, изшедше из домовъ своих: на церковное правило, ови ж на куплю* [160, с. 408].

ЯС «СОСТОЯНИЕ» характеризуется в образной схеме в виде сферы проявления того или иного состояния и расположением объекта относительно данной сферы: в ней, рядом, на расстоянии и т. п. Предлог *В* указывает положение точки, характеризующей объект, внутри сферы названного состояния: *не усрами же ся и славна народа, но и паче в завещательномъ союзе дружбы себѣ имѣху и ихъ, сих не помилова, напрасно оболгати повелѣ, и безчестнѣ влечаху по улицам грацким* [160, с. 364]; *по возвращеніи въ Россію объявили Послы Ольгу заключеніе мира, которымъ довольствуясь, пребывалъ протчее время своя жизни въ покоѣ* [80, с. 66]; либо направления к сфере состояния: *и такъ можетъ быть сіе нашествіе Угровъ было отчасти <...> за вступленіе ихъ въ Сибирскіе краи для утѣсненія Угровъ отъ Восточныхъ Татарскихъ народовъ, которые тогда начали приходишь въ силу, и на Западѣ простиратъся* [80, с. 40]; или со значением гибридности: *между тѣмъ Игорь пришелъ въ мужество, ходилъ на войны подѣ Ольгомъ, и народъ началъ*

показывать ему послушаніе [80, с. 62]; древляне <...> храбростію Игоревую побѣждены и приведены въ послушаніе [80, с. 67].

ЯС, формирующие сложную пропозицию (УСТУПКА, УСЛОВИЕ), а также в конструкциях при глаголах, не входящих в ЛСГ бытия (локализации) и движения, не могут быть объяснены через образную схему. Согласно отечественной функциональной школе, все ЯС категоризируются местоимениями либо лексиями (сложными по структуре номинативными единицами, выполняющими роль смыслового категоризатора в случаях определения ЯС, в основе которых лежит двойная пропозиция).

Так, ЯС «ВРЕМЯ» определяется местоименным вопросом «когда?» (например: въ лѣто 7042-го году, декабря въ 2 день, преставися великий князь Василей Иванович [160, с. 358]; Многія области, которыя въ самодержавство первыхъ Князей Россійскихъ Чудскимъ народомъ обитаемы были, послѣ Славянами наполнились [80, с. 6]; за день передъ праздникомъ долженъ былъ самъ жрецъ прежде приношенія жертвы и служенія чисто выместъ капище [80, с. 21]; и король полскій <...> время подал благоулучно: от царьствующаго града отступи и мирное поставление на дванадесеть лѣтъ утверди [160, с. 360]).

ЯС «ОБРАЗ И СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ» определяется вопросом «как?», «каким образом?» (например: и умилосердися Богъ на люди своя, время благополучно подаде, и возвеличи царя и люди, и повелѣ державствовати тихо и безмятежно, во благонравии живущи [160, с. 360]; поклонясь садятся, изумленнымъ лицемъ, и какъ обуяшіе оглядываются на стороны [80, с. 114]; в малемъ же времени собрашась вся воинства в сонмъ едину и начаша брани чинити подо властію воевод своих [160, с. 366]).

ЯС «КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА» определяется вопросом «какой?» – и повелѣ имъ славныя дома во царствующемъ граде огнемъ запалить, дабы людие о своихъ напастехъ попечение имели [160, с. 362]; тогда Притичь Воевода побуждалъ собравшихся въ судахъ Россіянъ, представляя въ городъ бѣдственную нужду, необходимый гнѣвъ

Святославовъ, и казнь за оплошность и боязливость [80, с. 82]; *Готическіе и другіе Сверхъ народовъ походы на Римъ и на Грецію* довольно известны съ военными славными дѣлами [80, с. 42]; *Историкъ <...> описывая ихъ дѣла подь предводительствомъ Королей Шведскихъ, именовалъ бы ихъ хотя въ одномъ мѣстѣ Шведами, чего однако ни гдѣ не видно* [80, с. 41].

ЯС «КОЛИЧЕСТВО» определяется вопросом «сколько?» (например: *и тако поидоша гетман Желковскій повельніемъ королевскимъ, до царствующаго града изшед, положися обозами за дванадесят верстъ града* [160, с. 402]).

ЯС «МЕРА И СТЕПЕНЬ» формируется вопросом «насколько?» (например: *и потом утвердися рука ево во всемъ царстве Московском, и нападе страх и трепет велий на вся люди, и начаша ему вѣрно служити от млада даж и до велика* [160, с. 364]; *самъ взявъ отъ Грековъ шелковыя поставы, серебро и золото на все свое войско, въ Киевъ возвратился* [80, с. 69]).

ЯС «ЦЕЛЬ» определяется вопросом «зачем?» (например: *и такъ дошедъ до Пруссіи, которая тогда для жестокихъ нападеній отъ Поляковъ весьма ослабѣла, себѣ оную покорили; и достигнувъ до Ливонской Чуди взяли во владѣніе, о которой Россійскіе Князи не пеклись, будучи тогда въ раздѣленіи и межусобіи* [80, с. 44]; *посемъ выливалъ жрецъ вино изъ рога передъ ногами Святovidовыми, и наливалъ въ него новое, пилъ за его здоровье, и просилъ, чтобы людямъ своимъ и отечеству подалъ изобиліе, богатство и побѣду надъ непріятельми* [80, с. 21]); *мечъ ему [государю] данъ отъ Бога не токмо противъ непріятелей; но и на казнь законопреступныхъ* [80, с. 126].

ЯС «ПРИЧИНА» выявляется вопросом «почему?» (например: *нѣмцы ж, в силѣ крѣпости своя, мужески сихъ восприемлют, жестоко защищение предлагают и пищальнымъ стреляниемъ до смерти поляковъ уязвляютъ и смерти предають* [160, с. 402]; *азъ же убогий за грубость дѣлъ своихъ не токмо чести достоин, но и челоукомъ зватися непотребень, скотского ради житія своего и свинского нрава* [160, с. 426]; *Ерманарикъ Король Остроготскій <...> за свирѣпство отъ Роксоланъ лишень жизни* [80, с. 51]; *на семъ твердомъ основаніи приступимъ къ особливому исслѣдованію Варяговъ Россовъ, отъ*

которыхъ Славенскіе и отчасти Чудскіе старобытныя въ нашемъ Отеествѣ обитатели получили себѣ обще Государей съ великимъ потомствомъ [80, с. 42]; *Анема храбрый <...> устремился на своемъ конѣ прямо противъ Святослава, и ударилъ его по головѣ саблею; но онъ не врежденъ подѣ своимъ шлемомъ остался: Анема убитъ по крѣпкой оборонѣ [80, с. 91]).*

ЯС «СОСТОЯНИЕ» – вопросом «в каком состоянии?» (например: *внуки, Бояре и весь народъ жалостнымъ воплемъ, отдали послѣднее цѣлованіе великой Героинѣ, премудрой правительницѣ и истинной богоугодницѣ; жившей въ супружествѣ сорокъ два года, послѣ Игоря до крещенія десять, въ Христіанствѣ пятнатцать, всего близъ лѣтъ семидесяти [80, с. 84]; мы случися быти в великой печали и терпѣнии, овогда ж в заключении и во изгнании, и тогда посещенъ бывах от боголюбцовъ милостиною скудости моя ради и душеполезными бесѣдами [160, с. 426]; московити ж народи в недоумѣнии быша, видя со обою страну врагов, вооруженных на ся [160, с. 402]; *Елисавета Княжна, Ярославля была за братомъ Короля Олава святаго за Гаралдомъ [80, с. 140]; пріобрѣтаннымъ богатствомъ, и Косожескимъ народомъ въ подданствѣ, надменный Мстиславъ распростеръ свои желанія ко владѣніямъ Ярославлимъ, видя, что едва не вся Россійская держава, послѣ погибели протчихъ братьей, подѣ его повелительствомъ [80, с. 136]).**

Таким образом, предлоги *В, ЗА, НА, ПОД* могут выражать большинство ЯС, формируемых в контексте двумя способами: при глаголах бытия (локализации), движения и направленного действия – метафоризацией образной схемы, описывающей непространственные явления через пространственные отношения; в синтаксических конструкциях с другими типами глаголов – путем утраты образной схемы. В ономаσιологической структуре предлога появление непространственного ЯС, независимо от типа процесса формирования, характеризуется как результат замещения ономасиологическим признаком ономасиологического базиса предлога.

3.1.4. Модель наложения предиката на базис в ономаσιологической структуре предлога. Под моделью наложения предиката на базис в ОС предлога мы понимаем процесс усиления у предлога связочной функции. Было установлено, что предлоги актуализируют связочную функцию в сочетании с глаголами сильного управления. Такими глаголами могут быть префиксальные глаголы, требующие предлог, дублирующий семантику префикса, либо предлог, синонимичный префиксу.

Приведем наиболее продуктивные примеры сочетаний предлогов с префиксальными глаголами. Предлог *В* с ЛСВ направления во внутренние границы объемного ориентира и глагол с приставкой *В-*, обладающий значением действия, направленного вглубь ориентира (например: *когда войну начать хотѣли; втыкали передъ капищемъ въ землю острыми концами шесть коней, по два вмѣшѣ крестообразно* [базис_{2.1.}] [80, с. 22]; *въ сіе нашествіе Россіянъ на Греческія области учинены великіе грабленія и раззоренія церквей и монастырей; люди многіе посѣчены, разстрѣлены и вбитыми гвоздьми въ голову умерщвлѣны безчеловѣчно* [базис_{2.1.}] [80, с. 68]); предлог *В* с ЛСВ направления в очерченное пространство на плоскости и глагол с приставкой *В-*, входящий в ЛСГ «движение» (например: *друзии ж людие московского воинства, часть едина, вбегоша во град Болховъ и затворишась* [базис_{2.2.}] [160, с. 388]; *и такъ можетъ быть сіе нашествіе Угровъ было отчасти изъ зависти къ Новгородцамъ за вступленіе ихъ въ Сибирскіе краи для корысти* [базис_{2.2.}] [80, с. 40]).

У предлога *НА* с семантикой направления к поверхности объемного ориентира наблюдается ослабление базисного пространственного значения и усиление релятивной функции в сочетании с глаголом, обладающим префиксом *НА-* или *ВОЗ-* со значением направления к вершине (например: *Поляцы ж, яко неистовствени, дыхая на пролитіе крови и на восхищеніе великого сокровища, и скоро оружія препоясают, и на кони своя восходятъ, и на великий царствующій град нападают и, подкладаниемъ огненым, пламень велий возжигают* [базис_{2.1.}] [160, с. 408]; *и тако воины повѣленное исполняют, и на*

стены градикия возходят [базис_{2.1.}] [160, с. 412]). Сочетание с префиксом ВОЗ-продуктивно и для ЛСВ предлога *НА* с семантикой указания на ориентир в двухмерном пространстве, обладающим значением направления в границы очерченного пространства на плоскости (например: *повинуясь раболѣбно посланная, съ такимъ страннымъ позорищемъ взошли на дворъ теремной* [базис_{2.2.}] [80, с. 74]) либо с ЛСВ «направление к точке, обозначенной на координатной прямой» (например: *да вестъ, твое благородие, яко царский корень ото Августа кесаря на Московскомъ государстве пресекаемъ, мнози волцы и хищницы востаха на ны и на царствующий град* [базис_{2.3.}] [160, с. 404]). С данным ЛСВ предлога также продуктивны сочетания глаголов с семантикой «направление движения» либо «направление действия» (либо их форм) и префиксов *НА* (например: *в той же день началницы московского собрания наипаче силу восхищаютъ и оружия своя на враги мощне направляют, и тако безчисленныя брани творятъ на всякъ день» [базис_{2.3.}] [160, с. 412]; *Московскии ж воини мужески их восприемлют, и ополчение дивное противу враговъ своих сотворяютъ: и рысканиемъ конскимъ смѣло на поляцы наускаютъ, и в силъ крѣпости своя мочне сих погнетают; и шеломы их разсѣкают, и трупы их на двѣ части разделяютъ» [базис_{2.3.}] [160, с. 410]).**

Предлог *ПОД* со значением направления в место ниже / возле нижней границы трехмерного ориентира сочетается с глаголами, обладающими приставкой *ПОД* с семантикой осуществления действия ниже / возле объекта, зачастую принося различные коннотативные значения. Так, например, в сочетании *лошадь четырьмя ногами привязывали къ четыремъ сваямъ, и подъ поставленныя по обѣимъ сторонамъ костры дровъ, подложивъ огонь, сожигали живыхъ коня и всадника* [базис_{2.1.}] [80, с. 22] глагольный префикс *ПОД*- обладает семантикой совершения действия не в полном объеме.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что предлоги *В*, *ЗА*, *НА* *ПОД* усиливают релятивное значение в сочетании с глаголами, содержащими синонимичный (или омонимичный) предлогу префикс. В данной конструкции наблюдается грамматикализация предлога, выраженная в его

ономасиологической структуре наложением семантики предиката на семантику базиса.

3.1.5. Модель замещения базиса контаминацией признака и предиката в ономасиологической структуре предлога. В данной модели наблюдается вытеснение предикатной и признаковой семантикой значение базиса в ОС предлога. Процесс формирования грамматического значения предлога связан с процессом утраты предлогом пространственной семантики под воздействием усиления связочной функции. При анализе лексикографических статей предлогов ССРЛЯ было установлено, что функцию «приглагольной» и «приименной» связки в русском языке могут выполнять только два предлога – *О* и *С* в конструкциях сильного управления глагола с одноместной валентностью. У остальных предлогов процесс грамматикализации связан с выражением ЯС «предметность», характеризующимся усилением релятивной функции при глаголе, обладающим многоместной валентностью.

Группа ЛСВ предлогов *В*, *ЗА*, *НА* выражающих ЯС «предметность», является наибольшей по числу контекстных употреблений. Предлог *ПОД* в двухмерном типе пространства обладает семантикой указания приблизительного местоположения – «около, вблизи ориентира» и обладает меньшей частотностью употребления в текстах С.И. Шаховского и М.В. Ломоносова, что объясняется стилистическими особенностями исторических трудов, в которых события пространственно-временного континуума описываются максимально точно. ЯС «предметность» у предлога *ПОД* в текстах не актуализирован.

ЯС «предметность» предлога *В* обнаруживается в таких синтагмах, как «принят во что»: *по мале времени пострижения своего изыде той чернецъ во царствующий град Москву, и тамо доиде пречестныя обители архаггела Михаила и великого чудотворца Алексѣя, и прят бысть архиморитом и всею братьею въ пречестную обитель в крылошеский чин [160, с. 366]; «ставить во что»: *ибо за тысячу лѣтъ не ставили въ стыдъ и владѣющіе Государи**

обогащаться таковымъ хищнымъ промысломъ, которой на Балтійскомъ морѣ едва около двенатцатаго столѣтїя изъ обычая вышелъ [80, с. 41]; «облечь во что»: *предреченный ж князь Вешневецкий, слышавъ таковое дѣло о нем, совлече с него мнишеское одѣяние и облече его во свѣтлыя ризы, и светлицы ему во своемъ дому устрои, и слуги ему подаде* [160, с. 368] и под.

У предлога ЗА ЯС «предметность» формируется в таких контекстах, как «мстить за кого, что»: *Ольга увѣряя ихъ сказать велѣла : что за Игоря трожды мстила, и больше гнѣта на нихъ не покажетъ; но взять дань, въ Кіевъ возвратится со всею силою* [80, с. 77]; «платить за что»: *за продажу и покупку топаровъ не платитъ пошлины* [80, с. 64]; «гнаться за кем, чем» *гонясь за нимъ, подъ предводительствомъ Царя Мадїя сына Прототїева, вошли въ Мидїю* [80, с. 38]; «благодарность за что»: *бо Царь Греческой отъ просвѣщенной крещенїемъ и въ Кіевъ возвратившейся, Ольги посольствомъ требовалъ обѣщанныхъ даровъ воску, бѣлыхъ мѣховъ, рабовъ и войска за его дары въ благодарность* [80, с. 80] и т. п.

У предлога НА ЯС проявляется в таких контекстах, как «уповать на кого, что»: *и уповая на свою у Новгородцовъ важность и на сообщниковъ, говорилъ не закрытно, что Рурикъ пришолъ привести ихъ Россамъ въ рабство и въ роды родовъ утвердить самодержавство* [80, с. 59]; «жаловаться на кого, что»: *долго такъ стоявъ, преодолюнные нетерпѣливостїю солдаты съ неудовольствїемъ стали жаловаться на Полководцовъ; что сами пищею будучи довольны, презирають солдатъ недостатками утомленныхъ, и не хотятъ вступить въ сраженїе съ непрїятели* [80, с. 29]; «согласиться на что»: *на требованїе согласились, просили мира, из прекращенїя раззорительныхъ военныхъ дѣйствїй* [80, с. 63].

Таким образом, при замещении ономасиологического базиса контаминацией ономасиологического признака и ономасиологического предиката у предлогов вытесняется исконное пространственное значение релятивной и объектной семантикой, в результате чего формируется ЯС предметность.

3.2. Модели формирования межуровневых префиксальных омонимов на основе ономаσιологической структуры предлога. Анализ текстов С.И. Шаховского и М.В. Ломоносова показал, что в языке XVII–XVIII века, как и в современном русском языке, ЛСВ приставок образуют три группы: в словообразовательном составе имени, в составе глагола и в составе наречий, каждая из которых обладает своими принципами формирования семантики производной единицы. В нашей работе будет рассмотрена семантика именных и глагольных префиксов, являющихся межуровневыми омонимами непроеводных предлогов.

3.2.1. Модели образования именного префикса на основе ономаσιологической структуры предлога. Префиксальное словообразование имен не изменяет грамматического значения производящей основы. Общий принцип формирования именных префиксов мы обнаруживаем в утрате предиката ономаσιологической структурой предлога.

В сфере именных префиксов выделяются префиксы, сохранившие ономаσιологический базис предлога с пространственной семантикой, и префиксы, развившие модальное значение. В первом случае межуровневый функциональный переход предлога в префикс осуществляется способом синтагматической вторичной номинации – стяжением сочетания именной формы и предлога в префиксальное слово, например: *Сарматы отъ Мидянь произшедшіе изъ задонскихъ мѣсть далье къ вечернимъ странамъ простирались* [базис_{1.1.}] [80, с. 23]. Лексема «задонских» была образована из сочетания «за Доном». В ономаσιологической структуре префикса ЗА-отражается утрата релятивного значения ономаσιологического предиката предлога, так как ономаσιологический предикат выражает грамматическую семантику и, в отличие от глагольных префиксов, не может быть воплощен в ОС именного префикса.

Именной префикс вносит контекстный фон в семантику производного имени, указывая особенности пространственного положения объекта,

названного в производящей основе. Таким образом, в префиксальном отыменном имени пространственная семантика рассматривается как модальная.

Аналогичным образом были образованы лексемы «подземные» (под землей) и «подколенки» (под коленками) с семантикой «ниже указанного предмета, под ним, вглубине него» в контекстах *призваннымъ, якобы для договору, въ городъ Печеньгамъ притворные подземные ключи показаны, съ ихъ употребленіемъ, кисель на пищу съ сытою поставленъ и въ станъ ихъ для увѣренія Князей и Военачальниковъ отпущенъ* [базис_{1.1.}] [80, с. 125]; *Сива или Сиба нагая женщина, волосы назади висѣли до подколѣнковъ; въ правои рукѣ яблоко, въ лѣвой виноградной гроздь держала* [базис_{1.1.}] [80, с. 20].

Пространственная характеристика объекта, выраженная префиксом, может претерпевать различные метафорические или метонимические изменения. Так, например, префикс *ПОД* может приобретать значение «быть в чьей-либо власти», указывая на более низкое социальное положение как на местоположение объекта ниже ориентира на вертикальной координатной оси в пространственной образной схеме предлога (например: *немало цѣлыхъ областей осталось, которыя крещенія убѣгали, особливо подвластные Россійской державѣ Чудскіе народы, жившіе около Мурома, Суздаля и Ростова* [базис_{1.1.}] [80, с. 120]; *боляре ж и началницы, вкупе и весь народ царствующаго града, подручны бысть Ростриге, его же мнят царевичемъ быти, поидоша в стрѣтение его и царство в руцѣ его вдаша* [базис_{1.1.}] [160, с. 376]). С другой стороны, антонимичный предлогу *ПОД* предлог *НА* может выражать семантику «обладать властью», быть выше кого-либо по социальному положению как располагаться выше или на поверхности ориентира в образной схеме базиса. Так, лексема «намѣстникъ» со значением «правитель» содержит в производящей основе метонимический перенос «место – люди, живущие на этом месте»: *в Новгородъ поставилъ намѣстникомъ дядю своего Добрыню, и послалъ съ нимъ идоловъ* [базис_{1.1.}] [80, с. 100]. Данные значения образованы путем наложения ономаσιологического признака на ономаσιологический базис префикса.

Именные префиксы могут утрачивать пространственное значение, выражая иные ЯС – время, меру и степень, количество и др. Так, например, в исторических числительных второго десятка предлог *НА*, обладающий семантикой увеличения количества, названного последующим числительным «десять», мог писаться как префикс, оформляя единое слово «надесеть»: *утвердясъ на владѣнїи, собрали войско и пошли на Царь градъ во время Михаила Царя, въ четвертое надесять лѣто его державы* [80, с. 60]. ЯС «мера и степень» обнаруживаются у именных префиксов с семантикой степени проявления признака: *царь же Василей возрастом мал, образом же не лепымъ, очи имѣя подслѣны* [160, с. 424].

Единственной приставкой, не участвующей в словообразовании имен существительных и прилагательных, является приставка *В-*, обладающая семантикой глагольной морфемы.

Таким образом, переход предлог – именной префикс осуществляется путем утраты в ОС предлога релятивной семантики предиката.

3.2.2. Модели формирования глагольного префикса на основе ономаσιологической структуры предлога. В семантике глагольных префиксов большое значение имеет семантика предиката, выражающая конститутивную для глагольных префиксов семантику результативности. Предикат префикса формирует валентностную сочетаемость глагола: приставочные глаголы обладают сильным управлением, требуя управляемой формы с предлогом, дублирующим префикс, что приводит к ослаблению семантики базиса в ОС предлога. Таким образом, процесс перехода предлога в глагольную приставку отражен в модели изменения предложного предиката с семантикой релятивности на префиксальный предикат с семантикой результативности и его наложение на базис в ОС предлога. Рассмотрим семантику глагольных префиксов в зависимости от семантики трансформируемых омонимичных предлогов.

Префикс *В-* в соответствии со значениями предлога *В* может обладать следующими значениями:

базис_{2.1.}, выражающий семантику достижения внутреннего пространства объемной фигуры (например: *когда войну начать хотѣли; втыкали передъ капищемъ въ землю острыми концами шесть коней, по два вмѣстѣ крестообразно* [базис_{2.1.}] [80, с. 22]; *люди многіе посѣчены, разстрѣлены и вбитыми гвоздьми въ голову умерщвлѣны безчеловѣчно»* [базис_{2.1.}] [80, с. 68]; *при устѣ, гдѣ въ Варяжское море вливается, былъ нѣкогда преславной городъ Виннета, въ которомъ многонародное пристанище Грекамъ и Варварамъ, около жившимъ* [базис_{2.2.}] [80, с. 190]);

базис_{2.2.}, выражающий семантику достижения внутренних границ очерченного пространства на плоскости (например: *царь же ноименованный Василей въѣха во град* [базис_{2.2.}] [160, с. 380]; *и такъ можетъ быть сіе нашествіе Угровъ было <...> изъ зависти къ Новгородцамъ за вступленіе ихъ въ Сибирскіе краи для корысти* [базис_{2.2.}] [80, с. 40]; *друзи ж людие московского воинства, часть едина, вбегоша во град Болховъ и затворишася* [базис_{2.2.}] [160, с. 388]).

Префикс *ЗА-*:

базис_{2.1.}, выражающий достижение области возле задней / дальней границы объемной фигуры (в текстах не актуализирован);

базис_{2.2.}, выражающий семантику достижения и расположения в области возле задней / дальней границы очерченного пространства на плоскости (например: *обрадованные тѣмъ Печенѣги пороги заступили и Святославу пресѣкши путь, отвсюду Россіянъ окружили* [базис_{2.2.}] [80, с. 92]; *дочь Скїалву имѣлъ въ супружествѣ; которая послѣ заманивъ мужа въ свое отечество, коварнымъ образомъ соннаго убила, отца своего смерть отмщая* [базис_{2.2.}] [80, с. 33]).

Префикс *НА-*:

базис_{2.1.}, выражающий семантику достижения поверхности объемного ориентира (например: *Древляне въ праздничномъ платьѣ цвѣтно надевишсь,*

выѣжжають изъ города на встрѣчу, и принимаютъ ее съ великою честію [базис_{2.1.}] [80, с. 76]);

базис_{2.2.}, выражающий семантику достижения очерченного пространства на плоскости (например: *и повелѣ с коней сходить и на град мужественно наступать»* [базис_{2.2.}] [160, с. 412]; *и дошед городка Зубцова, и оттолѣ поидоша ноцию под городок Старицу, в нем же бѣ сядят государевы люди, и на городок той нападоша напрасно, и со всѣ страны поидоша на стѣны града* [базис_{2.2.}] [160, с. 394]);

базис_{2.3.}, выражающий семантику достижения точки на координатной прямой (например: *Поляцы ж противу нашедших на ны жестоко и тяжко защищение предлагают: копейным пожжежениемъ и вострыми стрѣлами смертне уязвляют и смерти предают* [базис_{2.3.}] [160, с. 396]; *воевода ж московскаго воинства князь Михайла Шуйской повелѣ в рог трубити и мужественно наступати* [базис_{2.3.}] [160, с. 396]).

Префикс ПОД-:

базис_{2.1.}, выражающий семантику достижения области ниже или рядом с нижней границей объемной фигуры (например: *лошадь четырьми ногами привязывали къ четыремъ сваямъ, и подъ поставленныя по обѣимъ сторонамъ костры дровъ, подложивъ огонь, сожигали живыхъ коня и всадника* [базис_{2.1.}] [80, с. 22]; *Греки извнутри, здѣлавъ подъ стѣною подкопъ, уносили землю въ городъ, и Россіянъ привели въ удивленіе, что толь долго рва наполнить не могутъ* [базис_{2.1.}] [80, с. 116]). Значения обладают дополнительной коннотацией: «подложить» «подкопать» – появление семантики меры, интенсивности действия, контекстное значение действия, совершенного не в полной мере);

базис_{2.2.}, выражающий семантику достижения области возле очерченного пространства на плоскости (например: *и какъ подплыль подъ Угорское близъ Кіева, послалъ къ Осколду и Диру съ вѣстію, что идутъ купцы въ Грецію отъ Ольга и отъ Игоря* [базис_{2.2.}] [80, с. 61]).

Таким образом, при формировании глагольного префикса ономасиологический базис предлога испытывает воздействие ономасиологического предиката с семантикой результативности. Переход предлог – глагольный префикс осуществляется путем изменения предиката предлога с семантики релятивности на семантику результативности и наложения ее на пространственное значение базиса предлога.

Модель замещения базиса предикатом в ономасиологической структуре префикса. Отдельную группу составляют префиксы, утратившие пространственное значение и выполняющие исключительно грамматическую функцию – служащие для образования совершенного вида глагола. Такие префиксы встречаются в глаголах, не входящих в ЛСГ «движение», «направленное действие» и «бытийные глаголы» (например: *по сему показанію трубы найдены, засыпаны, и вода отведена отъ города* [80, с. 116]; *поползновенія буйной младости загладилъ челоуколюбимыми дѣлами умѣренныя и кроткія страсти* [80, с. 127]; *буде же онъ Грекомъ куплень; заплатитъ ему данную цѣну* [80, с. 71]; *о сей же побѣде градуцкой оставих написати* [160, с. 398]; *но пришедшихъ въ Мидію Кіаксаръ Царь знатнѣйшихъ Скифовъ созвавъ на великое пированіе и напоивъ, побилъ всѣхъ сонныхъ; а протчихъ выгналъ изъ Мидіи военною силою* [80, с. 38]; *восточное плечо рѣки Нѣмени, впадающее въ Курской заливъ, называется Руса, которое имя конечно носитъ на себѣ по Варягамъ Россамъ* [80, с. 44]; *соединеніе двухъ сихъ народовъ подтверждается согласіемъ въ избраніи на общее владѣніе Князей Варяжскихъ, которые съ роды своими и со множествомъ подданныхъ къ Славянамъ и Чуди преселились, и соединивъ ихъ, утвердили самодержавство* [80, с. 6]).

Единственной приставкой, не способной выражать грамматическое значение совершенного вида глагола (результативная семантика) без пространственного, является приставка *В-*.

Модель замещения ономаσιологического базиса предлога контаминацией признака и измененного предиката. Как было показано в ходе анализа ЛСВ приставок, описанных в лексикографических статьях, префиксы обладают широким диапазоном непространственной семантики и способны выражать такие ЯС, как «время», «мера и степень», «образ и способ действия», «цель», «состояние», «предметность». В текстах С.И. Шаховского и М.В. Ломоносова данные значения непродуктивны и представлены единичными случаями. Так, например, ЯС «время» выражен в семантике глагола начала действия: *печеньгъ видя соперника ростомъ передъ собою мала [онъ былъ посредственъ] презиралъ и насмѣхался; и вдрухъ напустившись на него, закричалъ страшнымъ голосомъ [80, с. 124]; отъ страшнаго сего чуда и отъ загорѣвшихся судовъ бросались многіе въ воду и всѣ принуждены были спастись бѣгствомъ [80, с. 68]; ЯС «мера и степень» в семантике чрезмерности проявления действия: *триста конныхъ нарочныхъ воиновъ, сколько могли награбить, все въ капище приносили, что жрецъ употреблялъ на украшеніе онаго [80, с. 21],* либо в семантике неполноты действия: *москвичи ж оставъишиися, яко побѣдоносцы бегут по дорогам и по стопам, и не вѣмъ, камо бежать, не имуще, гдѣ главы подклонити [160, с. 410].**

Мы констатируем утрату семантической связи производной единицы с прототипическим значением исходного предлога «пространство» вследствие возникновения внутренних омонимов *ЗА, НА*. В этой модели наблюдаем контекстную утрату базисной семантики в ономаσιологической структуре производной единицы и утверждение интегральной семантики ономаσιологического признака, обусловленное активностью новых отношений, то есть проявлением новой семантики ономаσιологического предиката.

Таким образом, было установлено, что в языке существует два принципа взаимодействия компонентов ОС предлога в процессе формирования межуровневого префиксального омонима: при образовании именного префикса – путем утраты в ОС предлога ономаσιологического предиката, так как ономаσιологический предикат выражает грамматическую семантику; при

образовании глагольного префикса – путем изменения семантики ономаσιологического предиката с релятивной на результативную и ее наложения на семантику базиса в ОС предлога. Если на контаминант предиката и базиса в ОС глагольного предлога накладывается признак, у предлога ЯС «пространство» замещается иными ЯС; если базис замещается предикатом, предлог выражает исключительно грамматическое значение результативности.

Выводы

Функционально активными предлогами, выражающими ЯС «пространство», в текстах XVII–XVIII веков являются производные предлоги *В, ЗА, НА, ПОД*.

Механизм описания лексико-семантических вариантов межуровневых омонимов в функциональной омогруппе предлог-приставка учитывает семантику самих исходных единиц, семантику их внутриуровневых омонимов и производных языковых единиц.

Способы формирования омогруппы предлог-приставка учитывают взаимодействие компонентов ономаσιологических структур функциональных омонимов и представлены в виде моделей воздействия на ономаσιологический базис предлога ономаσιологического признака и / или предиката путем наложения или замещения.

В текстах XVII–VIII вв. выявлены все модели, построенные на базе лексикографии XIX–XX веков: 1) модель сохранения ономаσιологического базиса; 2) модели наложения на базис ономаσιологического признака или предиката; 3) модели замещения базиса ономаσιологическим признаком или предикатом; 4) модель замещения базиса контаминацией предиката и признака.

В модели сохранения ономаσιологического базиса производные предлоги выражают пространственную семантику. Особенность семантики производных предлогов *В, ЗА, НА, ПОД* заключается в способности данных предлогов в зависимости от контекста выражать значение либо

местоположения (*быти въ городѣ, сидѣть за столомъ, стоять на плахахъ*) либо направления (*поидоша во градъ, ѡхати за стены града, поѡхаль на мѣсто, идти подѣ Колугу*).

В моделях наложения признака на базис в ОС предлога наблюдается формирование полисемичной структуры предлога в рамках локативной семантики. Данная модель реализуется в ОС всех анализируемых предлогов в случаях расширения либо сужения пространственного значения предлога (например, сема расположения возле поверхности ориентира у предлога *НА*: *и дошед до Колязина монастыря, еже есть на рекѣ на Волге*); при формировании метафорического либо метонимического значения образной схемы предлога (*подвигнутый за то на гнѣвъ, на царский престол вскочи*); в случаях контекстной гибридности базиса, выражающего семантику местоположения, и базиса, выражающего семантику направления, предлога (*Цимисхій на мѣсто сраженія прискакавъ, хоцет крымский царь быти на християнския грады*).

Модель наложения на ономаσιологический базис ономаσιологического предиката формируется в сочетании с глаголами с сильной валентностью и приводит к образованию синтаксически обусловленных, конструктивно ограниченных значений предлога (*вбегоша во град, оружия на враги направляют, подѣ костры дровѣ подложивѣ*).

В модели замещения базиса признаком или предикатом происходит формирование внутриуровневого омонима – предлога, выражающего один из десяти ЯС, свойственных событийным предикатам (*бысть в лѣто седмое, итти на коняхъ, изшедше на куплю* и др.), либо асемантичного предлога как грамматического показателя управления глагола. Как показал анализ текстов XVII–XVIII вв., в ономаσιологической структуре предлогов *В, ЗА, НА, ПОД* модель выражения исключительно грамматического значения не реализуется.

В модели замещения базиса контаминацией признака и предиката наблюдается выражение предлогом ЯС «предметность» с семантикой

грамматического объекта (*ставили въ стыдъ, жаловаться на Полководцовъ, за продажу и покупку не платить* и др.).

Было отмечено два основных пути формирования у предлога межуровневого функционального омонима: при переходе в именной префикс ОС предлога утрачивала предикат, выражающий релятивную семантику (*подземные ключи, подколенки*); при переходе в глагольный префикс в ОС предлога происходило изменение релятивной семантики на результивную (*вбегоша, закласти, написати, подложивъ*).

Формирование внутриуровневых омонимов в системе префиксов является результатом утраты префиксом пространственной семантики и реализуется в двух случаях: 1) при образовании нового ЯС путем замещения базиса признаком в ОС именного префикса (*подслъны* – ЯС «мера и степень», *надесеть* – ЯС «количество») или замещения базиса контаминацией признака и предиката в ОС глагольного префикса (*закричал, загорѣвшихся* – семантика начала действия, ЯС «время»; *награбить, подкрѣпляя, подклонити* – семантика чрезмерности либо неполноты действия, ЯС «мера и степень»); 2) приобретения префиксом функции грамматического показателя вида глагола путем замещения ономаσιологического базиса измененным ономаσιологическим предикатом в ОС предлога (*заплатить, написати*).

ВЫВОДЫ

Функциональная омонимия – разновидность вторичной номинации, представляющей результат трансформационных процессов в языке. В современной лингвистике утвердилось мнение, что производному элементу свойственна «двойная отнесенность», которая определяется как «способность производного к одновременному отражению семантических признаков исходного и результирующего классов слов» [117, с. 65]. Применение когнитивно-ономасиологического подхода при анализе явлений функциональной омонимии позволяет выявить общие принципы действия механизма трансформации исходной языковой единицы в производную.

Теория трансформационных явлений представлена разными самостоятельными понятийными сферами в соответствии с лингвистическим направлением. Мы различаем эти направления, называя учение Ноэма Хомского генеративной грамматикой, а вопросы перехода в области частей речи и функциональной омонимии – трансформациологией. Под межуровневой функциональной омонимией мы понимаем такую трансформацию, которая отображает случаи параллельного употребления одного звукового комплекса на разных уровнях языка; соответственно под «внутриуровневой» понимается процесс перехода, который охватывает единицы одного языкового яруса. Мы определяем межуровневые функциональные омонимы как две (и более) языковые единицы, совпадающие по звучанию, этимологически родственные и ранее являющиеся вариантами одной языковой единицы, но в результате процесса диахронных преобразований находящие свою реализацию на различных уровнях языка. Основным принципом межуровневой омонимии, названный В.Н. Мигириным [146], заключается в направлении вектора трансформационной мотивации от единиц высшего ранга к низшему. В терминосистеме трансформациологии мы используем понятие «функциональная омогруппа» («функциональный оморяд», по определению

Е.Н. Сидоренко), которое включает тип «двучленного ряда» – омонимичного ряда, включающего исходную и производную форму, или трансформант.

Наименее разработанная область трансформациологии – описание механизма формирования межуровневой омонимии слова и морфемы. Вопрос о наличии в языке межуровневой функциональной омонимии «слово – морфема» является дискуссионным и отрицается лингвистами, не включающими в состав номинативных единиц языка морфемы. Функциональное направление лингвистики относит к группе номинативных единиц как лексические единицы – слова и словосочетания, так и служебные слова, морфемы и грамматические форманты. В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения о наличии у предлога и у префикса категории номинативности, которая обозначает процесс называния и вычленения фрагментов внеязыковой действительности, и определяем приставку как структурную единицу языка, соотносимую со словообразовательным ярусом и сформированную на базе трансформации непроемного предлога. Ю.С. Степанов под функциональной трансформацией предлагает понимать процесс преобразования языковых единиц при сохранении тождества их сигнификата и изменении денотата либо замещения денотата сигнификатом [205].

Ономасиология как дисциплина, изучающая средства и способы называния элементов внеязыковой действительности в ходе ее познания человеком, основывается на выявлении и описании способов и средств языковой категоризации, на установлении когнитивно-семантических суперкатегорий. Особенностью ономасиологического подхода является изучение соотношения общего понятия для класса явлений с языковой категорией с учетом формирования разноуровневого семантического поля. Ономасиология исследует единицы именованного различного типа: номинативные, прономинальные, словные, расчлененные и т. д. Ономасиологический подход в рамках когнитивной лингвистики к омогруппе межуровневого типа – «слово-морфема» – отражает языковые принципы выражения означаемого в означаемом, выявляет связь значения, подлежащего вербализации, с формой

его выражения и выясняет способ формирования данных значений в данном знаке.

Общей методологией анализа языка для теории трансформациологии, когнитивной лингвистики и ономазиологии определяем понимание языка в качестве ментальной структуры, состоящей из набора семантических универсалий, реализуемых в единицах различных категорий, уровней и конструкций; а оперативной единицей исследования языка – некую языковую универсалию, репрезентирующуюся в различных типах языковых знаков. Так, когнитивистика выбирает «концепт» – содержательную единицу памяти, схему-понятие, выражаемую системой разноуровневых языковых компонентов; ономазиология – «языковой смысл» – такой ментальный модельный конструкт, который выполняет функцию категоризатора существующих в психике понятийных структур; современная трансформациология оперирует понятием «функциональный омоним» – семантико-грамматической единицей, находящей реализацию в различных грамматических категориях и представляющую сигнификативную взаимосвязь уровней языка. В последние десятилетия наблюдается интерес к процессам интеграции между проявлениями языковой универсалии в когнитивно-ономазиологическом освещении.

В качестве инструмента анализа языковых единиц когнитивная ономазиология предлагает «ономазиологическую структуру», содержащую три компонента – базис, признак и предикат, соотносимые с тринарной моделью пропозициональной структуры – диктумом, модусом и предикатом. Центральным компонентом ономазиологической структуры является базис, отображающий семантику первичной категоризации языковой единицы, а применительно к предлогам – его производное (или этимологическое) значение. Ономазиологическим признаком, выделяющим предлог внутри класса подобных единиц, мы предлагаем считать уникальное контекстное значение, расширяющее семантику базиса предлога под воздействием синтаксического окружения. Ономазиологическим предикатом, выражающим значение отношений базиса и признака, – семантику языковой природы

вербальной единицы, определяющую ее функцию в языке: релятивную у предлога или результативную у глагольного префикса.

Денотативное значение предлогов мы обнаруживаем в способности предлогов называть отношения, соответствующие основным ономаσιологическим категориям. Способность предлогов выражать основные языковые категории и играть роль конститутивного члена пропозиции, обладающего модальной и аспектуальной семантикой, с сильными валентностными связями свидетельствует об их способности выполнять предикативную функцию. В ходе исследования мы определили языковой функцией предлога способность выступать в качестве свернутого прототипического суждения.

При анализе словарных статей «Словаря современного русского литературного языка» и «Материалов для словаря древнерусского языка» было установлено, что большинство предлогов в непроизводном значении выражают пространственную семантику.

Мы выделяем две разновидности базисного значения непроизводных предлогов в соответствии с двумя подкатегориями в структуре языкового смысла «пространство»: «местоположение» и «направление», характеризующих два типа пространственных отношений – локализации и векторной направленности. Исходя из того что пространственное значение непроизводного предлога является ядерным и проявляется как базисное в ономаσιологической структуре слова и в результате изучения словарных статей лексикографических источников XIX и XX веков, мы выделили три группы предлогов по характеристике ономаσιологического базиса. Первая группа предлогов в своей образной схеме обладает семантикой местоположения объекта относительно ориентира (*НАД, О, ПРЕД, ПО, ПРИ, У*), вторая группа – семантикой направления объекта относительно ориентира (*ДО, ИЗ, ОТ, С*), третью группу составляют предлоги, способные в зависимости от контекста выражать семантику либо направления, либо местоположения (*В, ЗА, НА, ПОД*). Расширение семантики предлога, формирование у него вторичных

значений, внутри- и межуровневых омонимов происходит на основании общих правил семантического взаимодействия элементов ономаσιологической структуры.

В ходе анализа семантической структуры производных предлогов были выделены следующие модели формирования вторичных ЛСВ предлогов в зависимости от взаимодействия компонентов их ономаσιологической структуры:

- модель сохранения ономаσιологического базиса;
- модель наложения на базис ономаσιологического признака;
- модель наложения на базис ономаσιологического предиката;
- модель замещения базиса ономаσιологическим признаком;
- модель замещения базиса ономаσιологическим предикатом;
- модель замещения базиса контаминацией предиката и признака.

В ходе анализа текстов XVII–XVIII веков было отмечено, что в модели сохранения ономаσιологического базиса производные предлоги выражают пространственную семантику, являющуюся исконной. Так, предлог *В* указывает на область внутри ориентира, предлог *ЗА* – на область позади ориентира, предлог *НА* – на область на поверхности ориентира, предлог *ПОД* – на область ниже ориентира.

В моделях наложения на базис признака или предиката в ОС предлога наблюдается формирование его полисемичной структуры в рамках локативной семантики. В моделях замещения базиса признаком или предикатом в ОС предлога формируется внутриуровневый омоним.

При наложении на базис признака происходит расширение либо сужение пространственной семантики предлога тремя путями: 1) путем добавления либо устранения сем в его производном значении; 2) путем метафоризации или метонимизации компонентов его образной схемы производного значения (*боязнь велию в сердцах своемъ имѣяху, сѣде же царь Василей на Москвѣ*); 3) в случаях контекстной гибридности базиса с семантикой местоположения и базиса с семантикой направления предлога. Первые две модели изменения

пространственной семантики были зафиксированы в текстах XVII–XVIII вв. и в современном русском языке. Модель формирования гибридного базиса предлога отображается в двух типах конструкций: 1) в сочетании с глаголами направленного действия / движения в форме совершенного вида (*сесть на коня*); 2) в сочетании с глаголом статики (бытия), управляющим словоформой в винительном падеже с семантикой направления (*хочет быти на христианския грады*), – последняя из которых в современном русском языке не реализуется.

Модель наложения на базис предиката в ОС предлога обнаруживается в сочетаниях предлогов с глаголами сильного управления, в которых у предлога наблюдается актуализация связочной функции, усиление релятивного значения и ослабление пространственной семантики. Наиболее продуктивная модель – сочетание с префиксальными глаголами, требующими предлог, дублирующий семантику префикса (*вбегоша во град, подь костры дровь подложивъ и т. п.*).

Модель замещения базиса признаком в ОС предлога представлена случаями метафоризации образной схемы предлога, описывающей непространственные явления через пространственные отношения, либо ее утраты, что приводит к выражению предлогом нового значения, свойственного событийным или пропозициональным предикатам. Как показал анализ текстов XVII–XVIII вв. и словарей XIX–XX вв., непроизводные предлоги не способны выражать один языковой смысл, свойственный событийным предикатам – «действие (процесс)», что, по нашему мнению, связано с невозможностью предлогов указывать отношения между объектами действительности в развитии. Из четырех предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* способностью выражать ЯС «условие» и приобретать значение пропозиционального предиката в современном русском языке обладают предлоги *В* и *ПОД*. В текстах XVII–XVIII вв. данное значение предлогов не зафиксировано.

При замещении базиса предикатом формируется предлог, у которого в результате усиления связочной функции пространственная семантика вытесняется грамматической. В ходе изучения словарей XIX–XX вв. и языка

XVII–XVIII вв. было установлено, что данная модель в ОС предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* не реализуется.

Модель замещения базиса контаминацией признака и предиката у предлогов *В*, *ЗА*, *НА*, *ПОД* связана с формированием ЯС «предметность», который обнаруживается в сочетаниях с глаголом или существительным с сильным управлением и характеризуется не только усилением релятивной функции предлога, но и замещением его пространственного значения объектной семантикой (*ставили въ стыдъ, жаловаться на Полководцовъ и др*).

В ходе исследования было установлено, что переход предлога в префикс осуществляется вследствие изменения семантики или элиминации предиката в ОС предлога. На основании того, что префикс представляет собой результат межуровневой функциональной омонимии предлога как следствие его синтагматической вторичной номинации, в ОС префикса отмечаются процессы, аналогичные процессам в ОС предлога, и выделяются вышеуказанные пять моделей взаимодействия компонентов в ОС предлога.

Модель наложения на базис ономаσιологического признака в ОС предлога в случае утраты релятивной семантики реализуется в системе именных префиксов. Именной префикс, указывая особенности пространственного положения объекта, названного в производящей основе, вносит в семантику основы модальный фон (*задонскихъ мѣсть* – места за Доном, *подколенки* – участки тела под коленками). Анализ текстов XVII–XVIII вв. показал, что единственной приставкой, не участвующей в именном словообразовании, является приставка *В-*, обладающая семантикой глагольной морфемы.

При трансформации метафоризированного ономаσιологического базиса предлога именной префикс сохраняет метафоризированную пространственную семантику (значение «быть в чьей-либо власти» у префикса *ПОД-* (*подовластные Россійской державѣ Чудскіе народы*); семантика «обладать властью» у префикса *НА-* (*намѣстникъ*)).

Модель замещения базиса признаком в ОС предлога в случае утраты релятивной семантики предиката реализует непространственные языковые

смыслы (например, языковой смысл «мера и степень» (*подслѣны*), языковой смысл «количество» (*надесеть* – обозначение второго десятка числительных в качестве самостоятельной лексемы)).

Модель наложения предиката на базис в ОС предлога при изменении релятивной семантики на результативную актуализируется в системе глагольных префиксов с пространственной семантикой. На основании того, что семантика результативности является конститутивным значением глагольных префиксов, данная модель является базовой ОС всех типов префиксов глагола (*идти в / за / на / под – войти, зйти, найти, подойти*).

Модель замещения предикатом базиса в ОС предлога реализуется в глагольных префиксах, у которых пространственное значение вытесняется грамматической семантикой показателя совершенного вида глагола. Такие префиксы встречаются в глаголах, не образующих лексико-семантическую группу «движение», «направленное действие», и в формах глаголов-связок «быть», «становиться» и под. (*заплатить, написать, подтверждается*). Предлог *В* в контекстах произведений «Летописная книга» С.И. Шаховского и «Древняя история российская» М.В. Ломоносова сохраняет пространственную семантику и не реализует в своей ОС данную модель.

Модель замещения базиса контаминацией предиката и признака в ОС предлога при изменении релятивной семантики предиката на результативную актуализируется в сфере глагольных префиксов, выражающих такие языковые смыслы, как «время» (*закричал, загорѣвшихся* – семантика начала действия), «мера» (*награбить, подклонити* – семантика чрезмерности либо неполноты действия). Данная модель в анализируемых текстах XVII–XVIII вв. представлена единичными случаями и является непродуктивной.

Системное изучение механизма формирования межуровневых омонимов с позиции теории ономазиологии позволяет учитывать как факты языковой, так и внеязыковой регламентации языковых процессов и сформировать целостную картину преемственности вербальных единиц различной сложности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абросимова Л.С. Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии / Л.С. Абросимова // Вестник томского государственного университета. – Томск : ТГУ, 2011. – № 351 (Октябрь 2011). – С. 7–13. – (Серия «Филология»).
2. Авакова М.Л. Дискурсивные частицы *just, only* и грамматикализация [Электронный ресурс] / М.Л. Авакова. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00015.pdf.
3. Аксаковъ К.С. Полное собраніе сочиненій : [в 3-х т.] / Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. – Москва : Университетская типографія (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ, 1861–1880. – Т. 3 : Сочиненія филологическія, Ч. 2 : Опытъ русской грамматики. – 1880. – [XXXVI], [VIII], [II], 479, [151] с.
4. Алексѣевъ П.А. Церковный словарь или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ, въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ : [в 4-х ч.] / сочиненный Московскаго Архангельскаго Собора Протопресвѣтеромъ и Императорской Россійской Академіи Членомъ Петромъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ. – Вновь исправленный и противу втораго издания весьма многими словами и реченіями дополненный. – Москва : Синодальная типографія, 1816. – Ч. 3 : От Н до С. – 329 с.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика : (Синонимические средства языка) / Юрий Дереникович Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
6. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка / Н.Д. Арутюнова // Исследования по общей теории грамматики / Ярцева В.Н. (отв. ред.). – М. : «Наука», 1968. – С. 58–116.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Нина Давидовна Арутюнова; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Нина Давидовна Арутюнова; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
9. Астафьева Н.И. Предлоги в русском языке и особенности их употребления / Нина Ивановна Астафьева. – Минск : Вышэйшая школа, 1974. – 61 с.
10. Ахмадуллина Ф.Ю. К вопросу о глаголах движения в русском и татарском языках / Ф.Ю. Ахмадуллина // Вопросы формирования грамматического строя русского языка. – Казань : Изд-во Казгоспед. ин-та, 1978. – С. 71–81.
11. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / Ольга Сергеевна Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 3-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2005. – 569, [2] с.
13. Ахманова О.С. Фонология, морфонология, морфология : учебное пособие / Ольга Сергеевна Ахманова. – М. : МГУ, 1966. – 108 с.
14. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Филологические науки.– 1983. – № 5. – С. 35–42.
15. Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010 : сборник научных и научно-методических статей / В.В. Бабайцева; под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 400 с.
16. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе / Вера Васильевна Бабайцева. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1967. – 391 с.
17. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике современного русского языка. : моногр. / Вера Васильевна Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – пер. с 3-его франц. изд. – М. : ИИЛ, 1955. – 416 с.

19. Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / А.С. Белоусова, Н.Ю. Шведова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – 121 с.

20. Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России : конец 19 – начало 20 вв. / Федор Михайлович Березин; АН СССР. Институт языкознания; [Отв. ред. Ф. П. Филин; предисл., с. 3–24, А. А. Леонтьева]. – М. : Наука, 1968. – 308, [2] с.

21. Березина Е.Н. Концептуализация пространства : предлоги against, opposite в современном английском языке и их русские соответствия : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Екатерина Николаевна Березина. – Москва, 2008. – 177 с.

22. Блумфильд Л. Язык / Леонард Блумфильд; [пер. с английского Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат; под ред. и с предисловием М. М. Гухман]. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.

23. Богородицкий В.А. Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков / Василий Алексеевич Богородицкий. – Изд. 2-ое, знач. доп. – Казань, 1917. – IV, 207, [4] с.

24. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики : из университетских чтений / Василий Алексеевич Богородицкий. – 5-е изд., перераб. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1935. – 353, [3] с., [4] л. ил.

25. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. / Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. – М. : АН СССР, 1963. – Т. I. – 384 с.; Т. II. – 391 с.

26. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке / Василий Семенович Бондаренко. – М. : Учпедгиз РСФСР, 1961. – 75 с.

27. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике / А.В. Бондарко // Универсалии и типологические исследования. – М. : Наука, 1974. – С. 54–79.

28. Бороздина И.С. Вариативность исследовательских подходов к изучению предложной семантики : история вопроса [Электронный ресурс] /

И.С. Бороздина // Ученые записки Курского государственного университета : [Электронный научный журнал]. – 2009. – № 2 (10). – Режим доступа к ресурсу : <http://scientific-notes.ru/pdf/010–12.pdf>.

29. Бороздина И.С. Семантика пространственных предлогов : На материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. / Ирина Сергеевна Бороздина. – Курск, 2003. – 219 с.

30. Бровко А.С. Предлог в синтаксическом строе предложения / А.С. Бровко. // Запорізький держ. ун-т. Вісник... філологічні науки. – 1998. – № 1. – С. 23–25.

31. Будагов Р.А. Введение в науку о языке / Рубен Александрович Будагов. – М. : Просвещение, 1965. – 489, [1] с.

32. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию / Рубен Александрович Будагов; [отв. ред. В.А. Серебренников]. – М. : Изд-во АН СССР, Ин-т языкознания, 1953. – 280 с.

33. Булаховский Л.В. Из жизни омонимов / Л.В. Булаховский // Русская речь. – М., 1928. – Вып. 3. – С. 47–60.

34. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / Александр Архипович Буров, [под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн]. – Ставрополь – Пятигорск : Издательство Ставропольского государственного университета, 2012. – 400 с.

35. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. По 5-му изд., 1881 г. / Федор Иванович Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.

36. Буслаевъ Ф.И. Опытъ исторической грамматики русскаго языка : учебное пособие для преподавателей : [Ч. 1–2] / Фодоръ Ивановичъ Буслаевъ. – Москва : Университетская типографія, 1858. – 2 т. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений). – Ч. 1 : Этимологія. – [XL], 244, [12] с. – Ч. 2 : Синтаксисъ. – [X], 428, [2] с.

37. Валеева Л.В. Дискурсивность трансформантов русских местоимений / Л.В. Валеева // Ученые записки Таврического национального университета им.

В.И. Вернадского. Филология. – Симферополь. – 2006. – Т. 19 (58). – № 4. – С. 231–236.

38. Валеева Л.В. Семантика междометий в аспекте функциональной омонимии / Л.В. Валеева // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – 2004. – № 49. – Т. 1. – С. 159–164.

39. Вандриес Ж. Язык : Лингвистическое введение в историю / Жан Вандриес. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.

40. Вардзелашвили Ж.А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж.А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. ТГУ. – Выпуск 1. – Тб., 2000. – С. 62–68.

41. Варламов М.В. Топологические модели прототипической семантики английских предлогов / М.В. Варламов, М.П. Варламова // Язык. Словесность. Культура : [научный журнал]. – 2011. – № 2. – С. 38–51.

42. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / Алевтина Ивановна Варшавская. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 135 с.

43. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы // Йозеф Вахек; [при участии Й. Дубского]; пер. с франц., нем., англ. и чешского И.А. Мельчука и В. З. Санникова. Под ред. и с предисл. А. А. Реформатского. – М. : Прогресс, 1964. – 350 с.

44. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике : избр. тр. / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 13–32.

45. Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В.В. Виноградов // Славянское языкознание : VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.) : Доклады советской делегации. – М. : Наука, 1968. – С. 53–119.

46. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): [Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература»] / Виктор

Владимирович Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 639, [1] с.

47. Вихованець І.Р. Прийменникова система української мови / Іван Романович Вихованець – К. : Наук. думка, 1980. – 286, [2] с.

48. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-синтаксичному аспекті / Іван Романович Вихованець. – К. : Наукова думка, 1988. – 256 с.

49. Воропаева И.В. Когнитивный анализ английских реляторов BEFORE, AFTER, FOR, SINCE, TILL и UNTIL : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ирина Владимировна Воропаева. – СПб., 2006. – 194 с.

50. Воротников Ю.Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» / Ю.Л. Воротников // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 42–49.

51. Воротников Ю.Л. Языковой смысл как лингвистическая категория / Ю.Л. Воротников // XI международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание языка и его единиц» : сб. научных докладов Ялта, 4–8 октября 2004 г. – Симферополь, 2004. – С. 70–72.

52. Востоковъ А.Х. Русская грамматика / Александръ Христофоровичъ Востоковъ. – СПб. : Императорская АН, 1831. – 411 с.

53. Востоковъ А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная / Александръ Христофоровичъ Востоковъ. – Двѣнадцатое изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1874. – [XII], 201, [4] с.

54. Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации / М.В. Всеволодова // Вопросы языкознания : [научный журнал]. – 2010. – № 4. – С. 3–27.

55. Всеволодова М.В. Категория русского предлога. Системные характеристики [Электронный ресурс] / М.В. Всеволодова // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» : Сборник тезисов. – М., 2007. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc 2007/pdf/10.pdf>

56. Всеволодова М.В. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики / М.В. Всеволодова // Вопросы функциональной грамматики : Сб. науч. тр. Вып. 4 / Под ред. М.И. Конюшкевич. – Гродно, 2002. – С. 14–25.

57. Всеволодова М.В. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения / М.В. Всеволодова // РЯЗР. – 1969. – № 3. – С. 73–79.

58. Выдрин В.Ф. Провербы в языке дан-гуэта / В.Ф. Выдрин // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 75–84.

59. Газизова Л.В. Пространственно-динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.В. Газизова. – Уфа, 1999. – 149 с.

60. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация : Общие вопросы / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.

61. Гак В.Г. Языковые преобразования / Владимир Григорьевич Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с

62. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1957. – 408 с.

63. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования / Борис Михайлович Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.

64. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология : учебное пособие для пединститутов / Александр Николаевич Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1958. – 406 с.

65. Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках / Леонард Георгиевич Герценберг. – Л. : Наука, 1972. – 275 с.

66. Голев Н.Д. Ономазиология как наука о номинации / Н.Д. Голев // Русское слово в языке и речи. – Кемерово : КГУ, 1977. – Вып. 2. – С. 13–22.

67. Головин Б.Н. Введение в языкознание / Борис Николаевич Головин. – М. : Высшая школа, 1966. – 329 с.
68. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: монография / Анастасия Ивановна Головня. – Минск : БГУ, 2007. – 132 с.
69. Городенська К.Г. Деривація синтаксичних одиниць / Катерина Григорівна Городенська. – К. : Наук. думка, 1991. – 191 с.
70. Гречь Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ / Николай Ивановичъ Гречь. – Санктпетербургъ : Типографія Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, 1827. – [VIII], 578, [2] с.
71. Грольман М.Б. Межъязыковые трансформации при переводе инфинитивных оборотов с английского на русский язык / М.Б. Грольман // Вопросы теории и практики перевода : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 26–29.
72. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык : в 2-х т. [учеб. пособие для общенауч. фак. и заоч. отд-ний пед. ин-тов по спец-ти «рус. яз. и лит-ра»] / Федор Кириллович Гужва. – К. : Вища школа, 1979. – 224 с.
73. Давыдовъ И.И. Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка / [Второѣ отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, под ред. Академика Ивана Ивановича Давыдова]. – Третіе изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1854. – [LXII], 512 с.
74. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в грамматике / Валерий Петрович Даниленко. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. – 347 с.
75. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108–131.
76. Данилюк І.Г. Синкретизм у системі частин мови : Автореф. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Ілля Григорович Данилюк. – Донецьк, 2006. – 20 с.

77. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. – 1980. – № 4. – С. 336–346. – (Серия лит. и языка).

78. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянков // Известия Академии наук СССР. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 320–329. – (Серия литературы и языка).

79. Добіашь А.В. Опыт симасіології частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка / Антонъ Вячеславовичъ Добиашь. – Прага : Типографія Др. Эд. Грегра, 1897. – 544 с.

80. Древняя російская історія отъ начала російскаго народа до кончины великаго князя Ярослава перваго или до 1054 года, сочиненная Михаиломъ Ломоносовымъ статскимъ Совѣтникомъ, профессоромъ Химіи, и членомъ Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академіи наукъ / Михаил Васильевич Ломоносов . – СПб : Императорская АН, 1766. – 140 + [4] с.

81. Дубровская О.Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике / О.Н. Дубровская // Вестник Астраханского государственного технического университета. – Астрахань : 2005. – № 5. – С. 129–135

82. Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии : дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Е.Н. Ермакова. – Тюмень, 2008. – 438 с.

83. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен. – М., 1958. – 400 с.

84. Жаналина Л.К. Морфема в интегративной лингвистике / Л.К. Жаналина // Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 37–46.

85. Жирмунский В.М. История немецкого языка / Виктор Максимович Жирмунский. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1965. – 423 с.

86. Жирмунский В.М. О границах слова / В.М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3–21.

87. Жуков А.В. Категориальный синкретизм фразеологических единиц / А.В. Жуков // НДВШ : Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 48–53.

88. Загнітко А.П. Синкретизм у системі синтаксичних форм / А.П. Загнітко // Синкретизм и омонимия в грамматических системах славянских языков. Тезисы докладов Межрегиональной научно-теоретической конференции / Редкол. : О.А. Колесников (отв. ред.) и др. – Измаил : Изд-во Измаильского гос. пед. ин-та, 1994. – С. 10–11.

89. Закарян А.А. Семантика пространственно-временных предлогов в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Закарян; МГЛУ. – М., 1982. – 214 с.

90. Земская Е.А. Как делаются слова / Елена Андреевна Земская; АН СССР, Ин-т русского языка АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 94 с.

91. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия : Вопросы к будущему [Текст] / Вячеслав Всеволодович Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с. – (Studia Philologica. Series Minor).

92. Изотов В.П. Тмезис как словотекст / В.П. Изотов // Научный вестник Херсонского государственного университета. Серия «Лингвистика». – Херсон : ХГУ, 2013 – Вып. 18. – С. 243–247.

93. Каламова Н.А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие / Н.А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – № 5. – С. 56–59.

94. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи) / Елена Петровна Калечиц. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 160 с.

95. Карцевский С.И. Русский язык. Ч. 1. Грамматика. Пособие для старших классов средней школы / Сергей Иосифович Карцевский. – Прага, Пламя в Праге, 1925. – 130 с.

96. Ким О.М. Омонимия на уровне частей речи в современном русском языке (материалы к спецкурсу) / Ольга Михайловна Ким. – Ташкент, 1979. – 32 с.

97. Ким О.М. Типы транспозиции на уровне морфологических категорий / О.М. Ким. // Структура и функционирование единиц русского языка : сб. науч. тр. – Ташкент, 1986. – С. 5–11.

98. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / Ольга Михайловна Ким. – Ташкент, Правление общества Узбекской ССР, Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1978. – 228 с.

99. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: (Введение в методику позиционного анализа) / Евгений Васильевич Клобуков. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 117, [2] с.

100. Ключевская А.Ю. Концептуальное поле «агрессия» как объект лингвистического исследования / А.Ю. Ключевская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – Вып. № 131. – С. 177–185.

101. Кокарева Е.А. Проблема аспектуальности в именном предложении [Электронный ресурс] / Е.А. Кокарева // I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Сборник тезисов, – М., 2001. – С. 201. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/sintaksis.doc>

102. Колесникова О.О. Синкретизм фразеологичних одиниць / О.О. Колесникова // Синкретизм и омонимия в грамматических системах славянских языков. Тезисы докладов Межрегиональной научно-теоретической конференции / Редкол. : О.А. Колесников (отв. ред.) и др. – Измаил : Изд-во Измаильского гос. пед. ин-та, 1994. – С. 26–27.

103. Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения / В.В. Колесов // Русское семантическое словообразование; отв. ред. В. М. Марков. – Ижевск, 1984. – С. 18–27.

104. Коневецкий А.К. Проблема становления наречий как отдельной части речи / А.К. Коневецкий. // Развитие частей речи в истории русского языка : Межвуз. сб. науч. тр. – Рига : Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 55–60.

105. Конюшкевич М.И. Функции предлога [Электронный ресурс] / М.И. Конюшкевич // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту / Збірник наукових праць, присвячений ювілею професора А.П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – С. 196–202. – Режим доступа: <http://mova.dn.ua/content/view/34/8/1/3/>

106. Копылов А.Н. Некоторые основы изучения предлогов / А.Н. Копылов // Филологические науки. – 1963. – № 2. – С. 169–175.

107. Косова В.А. Область последовательной эксплицитной деривации в номинативной системе русского языка (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] / В.А. Косова // Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты : материалы итоговой научной конференции] / [Н.А. Андрамонова (отв. редактор) и др. – Казань : Унипресс, 2002. – С. 34–36. – Режим доступа к ресурсу : <http://old.kpfu.ru/fil/kn3/index.php?sod=0>

108. Костадинова И. Ономазиологический аспект словообразования и вопросы обучения лексике русского языка / И. Костадинова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков : сборник. Ч. 2.; [под общей редакцией доц. д-ра Д. Митева и доц. д-ра А. Николовой]. – Шумен : издательство «Епископ Константин Преславский», 2003. – С. 148–162. – (Серия «Язык, коммуникация, культура»).

109. Косырева М.С. Категории пропозиционального анализа как предтеча и основа фреймового моделирования в дериватологии / М.С. Косырева // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 169–172.

110. Краткий словарь когнитивных терминов / [В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац; под общ. ред. Е.С. Кубряковой]. – М. : Филологический фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

111. Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога / Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 19–27.

112. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

113. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств : Сборник статей / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; РАН, Ин-т языкознания. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.

114. Кубрякова Е.С. Ономазиологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования : сборник научных статей; [отв. ред. А.Н. Тихонов]. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 21–25.

115. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

116. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении / Елена Самойловна Кубрякова – М. : Наука, 1978. – 116 с.

117. Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

118. Кургановъ Н.Г. Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку российскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія [текст] / составленный Профессоромъ и Кавалеромъ Николаемъ Гавриловичемъ Кургановымъ. – Пятое изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1793. – Ч. 1. – [X], 394 с.

119. Курилович Е.Р. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике : статьи / Ежи Курилович. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 237–250.

120. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] : сб. статей : пер. с пол., фр., англ., нем. / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.

121. Кучеренко І.К. Лексичне значення приименника / І.К. Кучеренко // Мовознавство. – 1973. – № 3. – С. 12–23.

122. Кюльмоя И.П. О синтаксическом уровне аспектуальности в русском языке [Электронный ресурс] / И.П. Кюльмоя. // I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и

современность» : Сборник тезисов. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/sintaksis.doc>

123. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Джордж Лакофф; [пер. с английского И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

124. Левковская К.А. Лексикология немецкого языка / Ксения Аристарховна Левковская. – М. : Учпедгиз, 1956. – 247 с.

125. Левковская К.А. О принципах структурно-семантического анализа языковых единиц / К.А. Левковская // Вопросы языкознания. – 1957. – № 1. – С. 41–55.

126. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / Ксения Аристарховна Левковская. – Москва : Высшая школа, 1962. – 296 с.

127. Леннгрен Л. Валентность и изоморфизм / Л. Леннгрен // Poljarnyj Vestnik. – 2008. – 11. – С. 15–27.

128. Леннгрен Л. Многоактантные предлоги в русском языке / Л. Леннгрен // Poljarnyj Vestnik. – 2006. – 9. – С. 33–41.

129. Леннгрен Л. О каламбурном предлоге *с* / Л. Леннгрен // Poljarnyj Vestnik. – 2004. – 7. – С. 14–24.

130. Леннгрен Л. О первом актанте русского предлога / Л. Леннгрен // Poljarnyj Vestnik. – 2007. – 10. – С. 27–39.

131. Лингвистический энциклопедический словарь / [Под общ. ред. В.Н. Ярцевой]. – М. : Сов. энц., 1990. – 682, [3] с.

132. Литвин Ф.А. Полисемия и омонимия служебных слов / Ф.А. Литвин // Служебные слова : Межвуз. сб. науч. тр. / [Редкол. : К.А. Тимофеев (отв. ред.) и др.]. – Новосибирск : НГУ, 1987. – С. 76–83.

133. Ломоносовъ М.В. Россійская грамматика Михайла Васильевича Ломоносова [Текст] / Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1755. – 210, [3] с.

134. Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке / М.Ф. Лукин // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 49–56.

135. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка : пособие для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы пед. институтов / Михаил Федорович Лукин. – М. : Просвещение, 1973. – 232 с.

136. Ляхова Т.Н. Явление синкретизма во фразеологии: лексико-грамматический аспект / Т.Н. Ляхова // Синкретизм и омонимия в грамматических системах славянских языков : Тезисы докладов Межрегиональной научно-теоретической конференции / Редкол. : О.А. Колесников (отв. ред.) и др. – Измаил : Изд-во Измаильского гос. пед. ин-та, 1994. – С. 37–38.

137. Малинка А.В. Лексическая номинация : ономазиологический и когнитивный подходы / А.В. Малинка, О.В. Нагель // Язык и культура : [научный журнал]. – 2011. – № 4. – С 44–56.

138. Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI–XVII вв.: Семантическая и функциональная эволюция : дисс... докт. филол. наук : 10.02.20 / Раиса Ивановна Мальцева. – Краснодар, 1999. – 415 с.

139. Манаенко Г.Н. Пропозиция и осложненное предложение [Электронный ресурс] / Г.Н. Манаенко // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / [Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 68–71. – Режим доступа: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_3.php?id=8&num=17000000

140. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1963. – Вып. 3. – С. 347–566.

141. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник [для филологических специальностей вузов] / Ю.С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.

142. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / Валентина Авраамовна Маслова. – [3-е изд., перераб. и доп]. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

143. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл ↔ текст» / И.А. Мельчук. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с. – (Сер. Язык, семиотика, культура).

144. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Труды Военного ин-та иностр. языков. – Вып. 1. – М., 1945. – С. 5–15.

145. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / Иван Иванович Мещанинов. – М.–Л. : АН СССР, 1945. – 322 с.

146. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / Виктор Николаевич Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

147. Миллиареси Т.В. Пространственные отношения в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Т.В. Миллиареси. // II Международный конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность", Сборник тезисов. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec /96.doc>

148. Нагель О.В. Производные имена русских словообразовательных типов синкретичной семантики в информационной структуре предложения (функционально-когнитивный аспект) / О.В. Нагель // Типология аргументной структуры и синтаксических отношений: Тез. докл. междунар. симпоз. 11–14 мая 2004. – Казань, 2004. – С. 192–194.

149. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (когнитивно - функциональный аспект): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / О.В. Нагель. – Томск, 2005. – 18 с.

150. Никитевич А.В. Модель и объект в словообразовании и номинативной деривации / А.В. Никитевич // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф.,

Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 216–219.

151. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации / В.М. Никитевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.

152. Никитевич В.М. Переход, конверсия и транспозиция / В.М. Никитевич // Русское языкознание; тем. сб. науч. трудов проф.-препод. состава вузов м-ва высш. и сред. спец. обр-я. – Вып. 1. – Алма-Ата : Правление общества знания Казахской ССР, 1971. – С. 74–87.

153. Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика : (спецкурс по общ. языкознанию для студентов-филологов) / Василий Михайлович Никитевич. – Алма-Ата, 1978. – 64 с.

154. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика : (История «блуждающих частиц») / Татьяна Михайловна Николаева. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 376 с. – (Studia philologica).

155. Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики / Т. М. Николаева // Структура текста. – М. : «Наука», 1980. – С. 198–210.

156. Образцова М.Н. Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов : на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «русский язык» / Мария Николаевна Образцова. – Кемерово, 2013. – 29 с.

157. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / [под ред. Б.А. Серебренникова]. – М. : Наука, 1972. – 565 с.

158. Павлюковец М.А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / Павлюковец Марина Алексеевна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2009. – 194 с.

159. Пайар Д. Предлог над: факты и интерпретации / Д. Пайар, В.А. Плунгян // Исследования по семантике предлогов : сб. статей. – М. : Русские словари, 2000. – С. 83–114.

160. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII вв. / Вступит. статья Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриев и Д. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1987. – 616 с. – С. 358 – 366 : текст; С. 588 – 599 : комментарии.

161. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления / Владимир Зиновьевич Панфилов. – М. : Наука, 1971. – 232с.

162. Пекар В.И. Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте : На материале английских предлогов above и over и русского предлога над : дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.04, 10.02.20. / Виктор Иванович Пекар. – Уфа, 2000. – 176 с.

163. Пелепейченко Л.Н. Переходность значений слов и фразеосочетаний : дисс. ... доктора филол. наук 10.02.01. / Людмила Николаевна Пелепейченко. – Харьков, 1996. – 465 с.

164. Пеньковский А.Б. К изучению степеней качества прилагательных, наречий и предикативов (образования с приставкой во- типа вокрасно, вокрасный) / А.Б. Пеньковский. // Исследования по исторической морфологии русского языка [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 155–167.

165. Первая русская грамматика на родном языке : (Доломоносковский период отечественной русистики) [текст] / Василий Евдокимович Адодуров; [под ред. и с предисловием Б.А. Успенского]. – М. : Наука. 1975. – 232, [1] с.

166. Петрова Е.С. Дейктический компонент в семантике английских антропонимов : К проблеме социального дейксиса / Е.С. Петрова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Курск, 1996. – С. 172–174.

167. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / Александр Матвеевич Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

168. Плотникова О.В. Когнитивно-дискурсивный анализ сателлита OUT в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ольга Валентиновна Плотникова. – СПб., 2004. – 182 с.

169. Плунгян В.А. По поводу "локалистской" концепции значения: предлог под / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов : сб. статей. – М. : Русские словари, 2000. – С. 115–133.

170. Погодинъ А.Л. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ / Александръ Львовичъ Погодинъ. – Варшава : Типографія Варшавскаго учебнаго округа, 1903. – VIII, 310, [2] с.

171. Попова З.Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) : Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 2, испр. и доп. – М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. – 172 с.

172. Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. / Зинаида Даниловна Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. – 183 с.

173. Потенбня А.А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ [в 2-х ч.] / Александръ Афанасиевичъ Потенбня. – Воронежъ : Типографія Н.Д. Гольдштейнъ, 1874. – Ч. I : Введение. – 157, [4] с.

174. Пчелкина М.А. Концептуальные основания предложно-наречной частицы Through в современном английском языке: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Мария Алексеевна Пчелкина. – Москва, 2007. – 193 с.

175. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: [пособие для учителя] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

176. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова [Текст] / Антон Алесеевич Барсов; [под ред. и с предисловием Б.А. Успенского]. – М. : Изд-во Московского университета, 1981. – 776, [1] с.

177. Російська грамматика сочиненная Императорскою Російскою Академією / Императорская Російская Академія. – Третье издание. – Санктпетербургъ : Типографія Императорской Російской Академіи, 1819. – [IV], [III], 273, [1] с.

178. Русанівський В.М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта / В.М. Русанівський. // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9–21.

179. Русская грамматика : [В 2-х т.] / [редкол. Шведова Н.Ю. (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 788, [1] с.; Т. 2. – 709, [3] с.

180. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А.М. Панченко; под общ. ред. В.П. Андриановой-Перетц. – Л., 1970. – 422, [2] с.

181. Русский язык : энциклопедия / [РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, гл. ред. Ю.Н. Караулов]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1997. – 703 с. + 16 с. вкл.

182. Свидерский В.И. О диалектике отношений / Владимир Иосифович Свидерский. – Ленинград : ЛГУ, 1983. – 136 с.

183. Седых А.П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках / А.П. Седых // Научные ведомости белгородского государственного университета. – 2008. – Вып. 2. – Т. 15. – С. 51–56. – (Серия «Гуманитарные науки»).

184. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология : [монография] / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

185. Селиванова Е.А. Когнитивно-ономазиологический аспект фразеологического семиозиса / Е.А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме : Четвертые Жуковские чтения) : материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г.) / [Отв. ред. В. И. Макаров]. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69–72.

186. Селіванова О.О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / Олена Олександрівна Селіванова. – К. : Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.

187. Селіванова О.О. Когнітивна концепція словотворчої мотивації / О.О. Селіванова // Проблеми загального германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя проф. В.В. Левицького : зб. наук. праць. – Чернівці : Книги ХХІ, 2008. – С. 379–389.

188. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / Ольга Николаевна Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. – (Studia philologica).

189. Сидоренко Е.Н. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов / Е.Н. Сидоренко, И.Я. Сидоренко. – Симферополь: Таврия, 1993. – 94 с.

190. Сидоренко Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5-ти частях / Евдокия Николаевна Сидоренко. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. – Ч. 1: Общие вопросы частей речи. Имя существительное – 148 с.; Ч. 4: Модальные слова. Служебные части речи. Междометия. Трансформациология. – 160 с.

191. Сидоренко Е.Н. Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения / Евдокия Николаевна Сидоренко. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – 128 с.

192. Сидорец В.С. Номинативные ряды как результат проявления системности в сфере номинативной деривации / В.С. Сидорец // Русский язык : система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Международной науч. конф., Минск, 6–7 апреля 2006 г. : в 2 ч. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2006. – С. 158–160.

193. Синтаксис [Электронный ресурс] // Малый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 3-х т. – СПб., «Петербург», 1899–1902. – Режим доступа:

<http://www.infoliolib.info/sprav/brokgaus/4/4338.html>

194. Скаличка В. Асимметрический дуализм языковых единиц / В. Скаличка [пер. с чешского Г.Я. Романовой] // Пражский лингвистический кружок : сб. статей. – М. : 1967. – С. 119–127.

195. Скрынникова И.В. Вербализация концепта «Пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Инна Валериевна Скрынникова. – Волгоград, 2004. – 174 с.

196. Словарь современного русского литературного языка : В 17-ти т. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

197. Смирницкий А.И. Взаимоотношение между редукцией гласных и историей грамматической системы имен в германских языках / А.И. Смирницкий // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – 1951. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 184–198.

198. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 11–53.

199. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / Александр Иванович Смирницкий. – М.: ИЛ, 1959. – 440 с.

200. Смирницкий А.И. Некоторые замечания по английской омонимике / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1948. – № 5. – С. 10–15.

201. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / А.И. Смирницкий // Иностранный язык в школе. – 1953. – № 5. – С. 21–31.

202. Современный русский литературный язык : [учебник для студентов вузов] / ред. П.А. Лекант. – М. : Высшая школа, 2009. – 766 с.

203. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : [в 3-х т.] / [Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук, под ред. Измаила Ивановича Срезневского]. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893–1912. – Т. 1 : А–К. – 1893. – [IX], 710, [49], [2] с.; Т. 2 : Л–П. – 1902. – 15, 901, [3] с.; Т. 3 : Р–А и дополненія. – 1912. – [4], 842, [136], [13] с.

204. Стеблин-Каменский М.И. Грамматика норвежского языка / Михаил Иванович Стеблин-Каменский. – М.–Л. : Наука, 1957. – 242 с.

205. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика) / Юрий Сергеевич Степанов. – Изд. 3–е, стереот. – М. : «Наука», 1981. – 361 с.

206. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания : учебное пособие для студентов филол. спец-тей пед. ин-тов / Юрий Сергеевич Степанов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.

207. Степанова М.Д. Словообразование немецкого языка / Мария Дмитриевна Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1953. – 376 с.

208. Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Людмила Владимировна Табаченко. – Ростов-на-Дону, 2012. – 451 с.

209. Телия В.Н. Значение номинативных единиц языка и его когнитивные аспекты / Вероника Николаевна Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Вероника Николаевна Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – С. 84–103.

210. Теория функциональной грамматики : Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : «Наука», 1996. – 229 с.

211. Теркулов В.И. Номинатема : опыт определения и описания [Электронный ресурс] / Вячеслав Исаевич Теркулов [научн. редактор М.В. Пименова]. – Вып. 1. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с. – (Серия «Знак – Сознание – Знание»). – Режим доступа: <http://freeref.ru/wievjob.php?id=758077>

212. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание : формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М. : «Наука», 1970. – С. 452–501.

213. Тимофеев К.А. Морфемный статус служебных слов / К.А. Тимофеев // Служебные слова: Межвузовский сборник научных трудов / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 1987. – С. 5–10.

214. Тихомирова Т.С. К вопросу о переходности частей речи / Татьяна Сергеевна Тихомирова // Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 78–87.

215. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии: пер. с разн. яз. / Составление В.А. Виноградова, В.П. Нерознака; под общ. ред. Т.В. Гамкрелидзе и др.; послесл. Т.В. Гамкрелидзе и др.; [Коммент. М.Е. Алексеева и др.] / Николай Сергеевич Трубецкой – М.: Прогресс, 1987. – 559, [1] с.

216. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / Анна Анфилофьевна Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.

217. Федорова М.В. О типах номинации в русском языке / М.В. Федорова // Вопросы языкознания. – 1979. – № 3. – С. 132–137.

218. Федорчук Е.В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков) : дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Е.В. Федорчук. – М. : 2001. – 256 с.

219. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Федосеева Лариса Николаевна. – Тамбов, 2013. – 450 с.

220. Фоменко Л.Н. Артикль и предлог как актуализаторы имени (на материале греческого и русского языков) : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Лариса Николаевна Фоменко. – Краснодар, 2007. – 219 с.

221. Фреге Г. Понятие и вещь / Г. Фреге; [пер. с нем] // Семиотика и информатика. – Вып. 10. – М., 1978.

222. Фрумкина Р.М. Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Ревекка Марковна Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

223. Хомский Н. Язык и мышление / Ноэм Хомский; [под ред. В.В. Раскина; пер. с англ. Б.Ю. Городецкого]. – М. : Изд-во Московского университета, 1972. – 126 с.

224. Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / А.А. Худяков // Аспекты лингвистических и методических исследований : сб. науч. тр.– Архангельск: ПГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. – Режим доступа: <http://professor-hudyakov.ru/pdf/1999-notional.pdf>

225. Хуцишвили С.Д. Славянские межъязыковые омонимы: дисс. ... доктора филологии (Ph.D.) / Хуцишвили София Джумберовна. – Тбилиси, 2010. – 169 с.

226. Цыганенко Г.П. Состав слова и словообразование в русском языке / Галина Павловна Цыганенко.– К. : Радянська школа, 1978. – 152 с.

227. Чейф У.Л. Значение и структура языка / Уоллес Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.

228. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Евдокия Трофимовна Черкасова; [отв. ред.: В. В. Виноградов]; АН СССР, Ин-т русского языка. – М. : Наука, 1967. – 280 с.

229. Чернышев А.Б. Когнитивное моделирование семантики пространственных и временных непроектируемых предлогов с общим значением «движение к конечному объекту» : на материале английского и русского языков : дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Алексей Борисович Чернышев. – Москва, 2010. – 194 с.

230. Чесноков П.В. Явления переходности между словом и единицами ближайших к нему уровней / П.В. Чесноков // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991. – С. 14–22.

231. Чеснокова Л.Д. Синкретизм в сфере членов предложения / Л.Д. Чеснокова // Филологические науки. – 1988. – № 4. – С. 41–47.

232. Шалина Л.В. Место словообразовательного и номинативного значений в семантике производного слова / Л.В. Шалина // Гуманитарные науки. Филология. – 2007. – № 3. – С. 112–117.

233. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Николай Максимович Шанский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 246 с.

234. Шанский Н.М. Словообразование и морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М. : Наука, 1981. – 270 с.

235. Шахматов А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи) / Алексей Александрович Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1952. – 272 с.

236. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Алексей Александрович Шахматов. – Изд-е 2-е. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

237. Шведова Н.Ю. Из истории родительного квалитативного в русском языке XVIII–XIX вв. / Н.Ю. Шведова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. – М., 1962. – С. 50–70.

238. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.

239. Шведова Н.Ю. Русская научная описательная грамматика в русской Академии наук / Н.Ю. Шведова // Вопр. языкознания. – 1974. – № 6. – С. 11–18.

240. Шелякин М.А. Функциональная граматика русского языка / Михаил Алексеевич Шелякин. – М. : Рус. яз., 2001. – 288 с.

241. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку; [предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М.И. Матусевич] / Лев Владимирович Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 188 с.

242. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Лев Владимирович Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974.– С. 77–100.

243. Шимкевичь Ѳ.С. Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками / Ѳедоръ Спиридоновичъ Шимкевичь. – Санктпетербургъ : Императорская Академія наукъ, 1842. – Ч. 1. – [XXVI], 160 с.

244. Ширшикова А.А. О проблемах омонимии / А.А. Ширшикова // Грамота : альманах современной науки и образования. – 2012. – № 2 (57). – С. 190–192.

245. Шитик Л.В. Феномен синкретизму в проекції на мовні рівні / Л.В. Шитик // Вісник Черкаського університету. – Черкаси, 2009. – С. 132–146. – (Серія «Філологічні науки»; вип. 169).

246. Шишковъ А.С. Собрание сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова, Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена / Александръ Семеновичъ Шишковъ – С. Петербургъ: Типографія Императорской Россійской Академіи, 1825. – Ч. 5.– 416, [3] с.

247. Шматова Н.В. Типологическое описание семантики пространственных предлогов *в* и *на* на материале русского и скандинавских языков : дисс. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Наталия Витальевна Шматова. – М., 2010. – 132 с.

248. Языковая номинация (общие вопросы) / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – 358 с.

249. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

250. Янценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) / М.Н. Янценецкая // Вестник Томского государственного университета. – Томск : ТГУ, 2014. – № 1 (27). – С. 167–192. – (Серия «Филология»).

251. Яцкевич Л.Г. Функциональная категория модальности имен существительных: когнитивные и типологические аспекты / Л.Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в русском языке и речи [Текст] : сб. науч. трудов / Федер. агентство по обр-ю, ГОУ, ВПО «Вологод. гос. пед. ин-т»; сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда: Русь, 2006. – С. 20–38.

252. Bennett D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions : An Essay in Stratificational Semantics / David C. Bennett – London : Longman Press, 1975. – 710 p.

253. Bogushevich D.G. Outline of Compositional Syntax / D.G. Bogushevich // Proceedings of the 16th International Congress, 20–25 July

1997 : «Philosophy of Linguistics» / [Bogushevich D. et al.]. – Oxford : Elsevier Science Ltd., 1997. – P. 1–21.

254. Clark H. Space, time semantics and the child / Herbert Clark // *Cognitive Development and the Acquisition of Language* / [Moore Terence E. (Eds.)]. – Vol. 14. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973. – P. 242–268.

255. Dokulil M. Tvořeni slov v češtině 1. Teorie odvozování slov / Miloš Dokulil. – Praha : Academia, 1962. – 263 s.

256. Hawkins B. The category Medium / Bruce Hawkins // *Topics in Cognitive Grammar* / [Rudzka-Ostyn, Brigida (Eds.)]. – Amsterdam, Philadelphia : PC «John Benjamins», 1988. – P. 231–270.

257. Hawkins B. The Semantics of English Spatial Prepositions : Ph.D. diss. / Bruce Hawkins. – San Diego : University of California, 1984. – 98 p.

258. Herskovits A. Language and Spatial Cognition : An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English / Annette Herskovits. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 136 p.

259. Jackendoff R. Languages of the Mind / Ray Jackendoff. – Cambridge, MA : MIT Press, 1995. – 283 p.

260. Jackendoff R. On beyond Zebra : The relation of linguistic and visual information / Ray Jackendoff // *Cognition*. – 1987. – № 26. – P. 89–114.

261. Jackendoff R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jackendoff, B. Landau // *Bridges between Psychology and Linguistics : A Swarthmore Festschrift for Li la Gleitman* / [Napoli D. (ed.)]. – Hellsdale, New Jersey, 1991. – P. 145–169.

262. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites / Ronald W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 516 p.

263. Mathesius V. Nove proudy a směry v jazykovednem badani / Vilém Mathesius // *Z klasickeho obdobi Prazske skoly 1925–1945*. Cesk. akad. ved. Prameny ceske a slovenske lingvistiky. Rada ceska. Sv. 2. – Praha, 1972. – S. 5–17.

264. Miller G. *Language and Perception* / G. Miller, P.N. Johnson-Laird. – Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, 1976. – 760 p.

265. Miller J. *Semantics and Syntax : Parallels and Connections* / Jim Miller. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 262 p.

266. Quirk R. *A Comprehensive Grammar of the English Language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman and New York Longman Group UK Ltd., 1985. – 685 p.

267. Talmy L. *How Language Structures Space* / L. Talmy // *Spatial Orientation : Theory, Research and Application*. – NY : L. Plenum Press, 1983. – P. 225–282.

268. Taylor J.R. *Contrasting Prepositional Categories : English and Italian* / John R. Taylor // *Topics of Cognitive Linguistics*. Amsterdam / [B. Rudzka-Ostyn (ed.)]. – Philadelphia, 1988. – P. 299–326.

269. Taylor J.R. *Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory* / John R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – P. 109–116; 271–281.